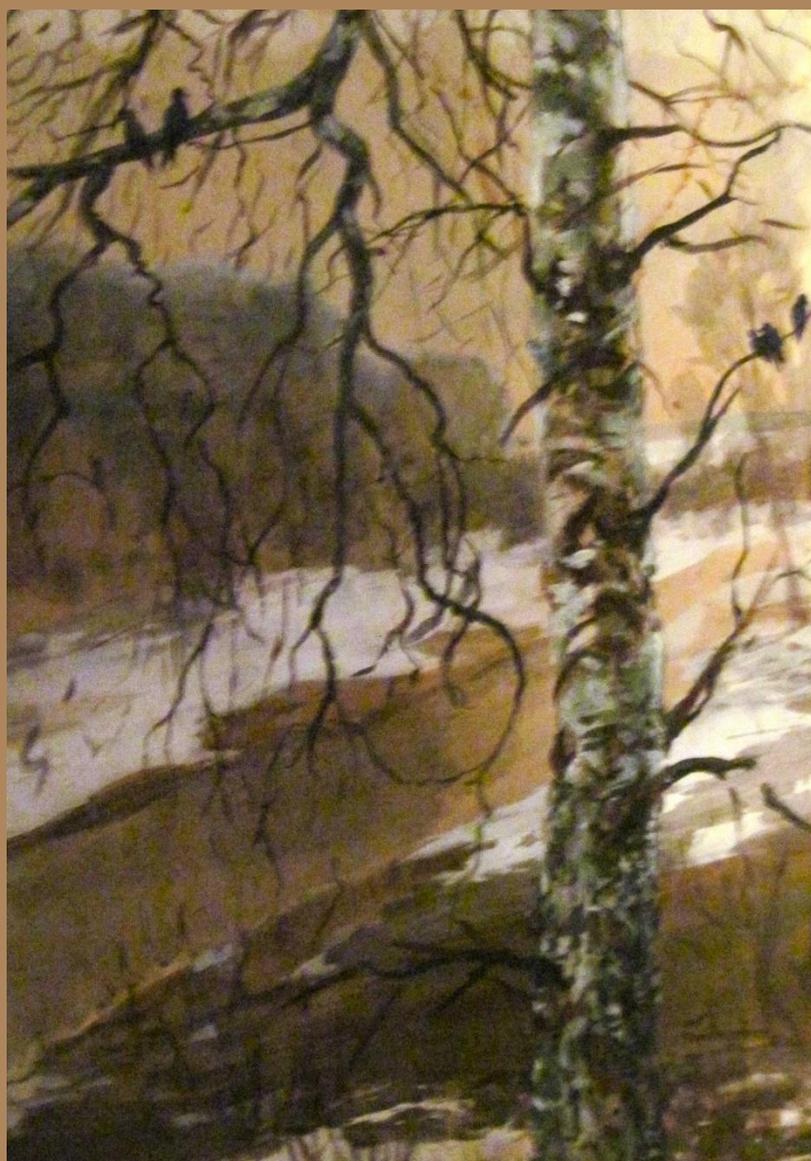

ISSN 2307-1966

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

2026

1

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский научный журнал (основан в 2003 году)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) как сетевое издание
Реестровая запись Эл № ФС77-78954 от 07 августа 2020 г.

2026

Сетевое издание

Вып. 1

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редколлегия:

Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук
(главный редактор)
(Россия, Иваново)

М. В. Жульков, канд. филос. наук
(ответственный секретарь)
(Россия, Иваново)

М. А. Меликян, канд. филос. наук
(технический секретарь)
(Россия, Иваново)

Г. П. Аксенов, канд. геогр. наук
(Россия, Москва)

П. А. Белоусов, канд. филос. наук
(Россия, Владимир)

А. Г. Гачева, д-р филол. наук
(Россия, Москва)

Н. Н. Летина, д-р культурологии
(Россия, Ярославль)

Т. Н. Соснина, д-р филос. наук
(Россия, Самара)

Редсовет:

А. В. Брагин, д-р филос. наук
(Россия, Иваново)

О. А. Габриелян, д-р филос. наук
(Россия, Симферополь)

В. А. Грачев, д-р техн. наук
(Россия, Москва)

Т. С. Злотникова, д-р искусствоведения
(Россия, Ярославль)

Н. Н. Кожеников, д-р филос. наук
(Россия, Якутск)

Сильвия Минева, д-р филос. наук
(Болгария, София)

В. В. Мантатов, д-р филос. наук
(Россия, Улан-Удэ)

Зоран Милошевич, д-р полит. наук
(Сербия, Белград)

С. В. Орлов, д-р филос. наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
(Россия, Иваново)

В. С. Фунтусов, канд. филос. наук
(Россия, Владивосток)

Адрес редакции:

153025 Ивановская обл., г. Иваново,
ул. Тимирязева, 5
Тел. (4932) 30-02-16
E-mail: nosnoos@ivanovo.ac.ru

Электронная копия выпуска доступна
на сайтах: <http://glonoos.com>
www.ivanovo.ac.ru, www.elibrary.ru
<https://cyberleninka.ru>

СОДЕРЖАНИЕ**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА**

«Университетский пограничник»: преподаватель в цифровых
реалиях 3

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ

Раков В. П. Одна из «прекрасных» категорий античной фило-
софии в свете современного когнитивного праксиса 5

ВЕРНАДСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Герасимов Г. И. Искусственный интеллект и ноосфера: идеа-
листическая философия истории в эпоху постчеловеческого
разума 14

НООСФЕРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Усманов С. М., Борзова И. С. «Новое варварство» и интелли-
генция: реальности современного мира и альтернативы на
будущее 28

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Тюкаева Г. А. Искусственный интеллект как зеркало языко-
вого сознания: трансформация образа жизни в условиях
алгоритмической культуры 35

КОМПЛЕКСНАЯ УРБАНИСТИКА

Познанская С. А., Тимофеев М. Ю. Условия основанного на
кооперации развития малых городов 46

ЦЕФАЛИЗАЦИЯ НООСФЕРЫ

Ветчинин Н. М. Цифровое будущее индивидуальной и кол-
лективной памяти: между сущим и должным 55

ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Лебедев В. С. «VUCA» и «BANI-мир» как концептуальный язык
экстремального сознания 64

ДЕБЮТ

Бовыкин К. А. Интеллектуальный мистицизм как возможное
личностное продолжение сциентизма 75

Митрофанова С. А. А. Н. Скрябин и русский космизм: идея
всеединства человека и Вселенной 80

Информация для авторов 87

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редколлегии и редсовета.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Ноосферные исследования» не допускается

NOOSPHERIC STUDIES

Russian scientific journal (founded in 2003)

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskommadzor) as an online edition
Registry entry Эл № ФЦ77-78954 of August 07, 2020

2026

Online edition

Vol. 1

Founder Ivanovo State University**Editorial Board:**

D. G. Smirnov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Chief Editor)

(Russia, Ivanovo)

M. V. Zhulkov, Cand. of Sc. (Philosophy)
(executive secretary)

(Russia, Ivanovo)

M. A. Melikyan, Cand. of Sc. (Philosophy)
(technical secretary)

(Russia, Ivanovo)

G. P. Aksenov, Cand. of Sc. (Geography)
(Russia, Moscow)

P. A. Belousov, Cand. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Vladimir)

A. G. Gacheva, Dr. of Sc. (Philology)
(Russia, Moscow)

N. N. Letina, Dr. of Sc. (Culturology)
(Russia, Yaroslavl)

T. N. Sosnina, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Samara)

Editorial Council:

A. V. Bragin, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Ivanovo)

O. A. Gabrielyan, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Simferopol)

V. A. Grachev, Dr. of Sc. (Technology)
(Russia, Moscow)

T. S. Zlotnikova, Dr. of Sc. (Art history)
(Russia, Yaroslavl)

N. N. Kozhevnikov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Yakutsk)

Sylvia Mineva, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Bulgaria, Sofia)

V. V. Mantatov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Ulan-Ude)

Zoran Milosevic, Dr. of Sc. (Politology)
(Serbia, Belgrade)

S. V. Orlov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Saint-Petersburg)

G. S. Smirnov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Ivanovo)

V. S. Funtusov, Cand. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Vladivostok)

Editorial address:

153025 Ivanovo region, Ivanovo,
Timiryazev str., 5
Phone. (4932) 30-02-16
E-mail: nocnoos@ivanovo.ac.ru

Electronic copy of articles posted on sites:
<http://glonoos.com>
www.ivanovo.ac.ru, www.elibrary.ru
<https://cyberleninka.ru>

CONTENT**EDITORIAL COLUMN**

"University border guard": a teacher in the digital reality 3

REGIONAL ARCHIVE

Rakov V. P. One of the "beautiful" categories of ancient philosophy
in the light of modern cognitive praxis 5

VERNADSKY AND MODERNITY

Gerasimov G. I. Artificial intelligence and the noosphere: an idea-
listic philosophy of history in the era of posthuman reason 14

NOOSPHERIC ANTHROPOLOGY

Usmanov S. M., Borzova I. S. "New barbarism" and intelligentsia:
realities of the modern world and alternatives for the future 28

THEORY AND METHODOLOGY

Tyukaeva G. A. Artificial intelligence as a mirror of linguistic
consciousness: the transformation of lifestyle in an algorithmic
culture 35

COMPREHENSIVE URBANISM

Poznanskaya S. A., Timofeev M. Yu. Terms of cooperation
between small towns 46

CEPHALIZATION OF THE NOOSPHERE

Vetchinin N. V. The digital future of individual and collective
memory: between the actual and the proper 55

APPLIED PHILOSOPHY OF CONSCIOUSNESS

Lebedev V. S. "VUCA- world " and "BANI-world" as a conceptual
language of extreme consciousness 64

DEBUT

Bovykin K. A. Intellectual mysticism as a possible personal
continuation of scientism 75

Mitrofanova S. A. A. N. Scriabin and Russian cosmism: the idea of
the unity of man and the Universe 80

Information for the authors 87

The author's point of view may not coincide with the opinion of the editorial board and editorial council.
Any reprints without editorial office permission are not allowed

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

«УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ПОГРАНИЧНИК»: ПРЕПОДАВАТЕЛЬ В ЦИФРОВЫХ РЕАЛИЯХ

Цефализация ноосферы [Смирнов, 2012] медленно, но верно обретает конкретные формы. Образовательное пространство, равно как и его акторы, уже ощущают на себе «дыхание» тотальной цифровизации. Реакция субъектов образовательного процесса в отношении искусственного интеллекта (ИИ) в его цифровых эманациях различна: от воодушевления и умиления до отрицания и жесткой критики. Нейтральная позиция в этом вопросе вряд ли возможна. Соответственно, обязателен экзистенциальный выбор стороны (темной и светлой стороны силы). Интересно, что молодое поколение, которое еще «не отпустил» *принцип удовольствия*, оказывается на стороне ИИ, символизирующего собой сравнительно простой (и, что немаловажно — легкий) способ организации мышления и деятельности. При этом старшее поколение, сполна познавшее *принцип реальности*, сопротивляется «вторжению» ИИ в пространство естественного разума, оставаясь на стороне сложностного (сложносистемного) мышления.

Возникает своеобразная виртуальная граница между простым и сложным, между детством (детскостью) и взрослостью, между искусственным (интеллектом) и естественным (разумом). На этой границе, во многом будучи заложником ситуации постава (по М. Хайдеггеру), и находится современный учитель / преподаватель. Он «ходит по краю», «балансирует на грани», обеспечивая «неприкосновенность» этой границы. Высшая школа оказывается на страже интеллектуальной границы, не только защищая от «когнитивных вирусов» иных культур, но и обеспечивая сохранность самих когнитивных структур и антропологических практик. Преподаватель как «университетский пограничник» в этом смысле выступает как носитель этики ноосферной безопасности.

Императив Павла Верещагина из культового советского фильма «Белое солнце пустыни» (1970) «Мне за державу обидно!» в университетских реалиях конкретизируется в слоган «Мне за культуру обидно!». Охрана интеллектуальной границы предполагает сохранение и воспроизводство проверенных временем и культурой, которая, как убедительно показал академик Вяч. Вс. Иванов, сама отбирает нужные семиотические системы, академических (классических) практик. В этом смысле «незаконное» пересечение границы означает нарушение законов логики (понимаемой не только как наука о правильном мышлении).

Законы логики Природы (ноосферы) в отличие от законов логики Истории (человека), согласно представлениям Н. Н. Моисеева, исходно «естественны». Их естественность задается последовательностью разворачивания социокультурной динамики от простого к сложному. «Пропуск хода» грозит катастрофическими последствиями как в локальном, так и в глобальном масштабе. Скорость цифровизации сознания, мышления и деятельности в темпоральном плане не комплементарна времени, в котором живет естественный разум. ИИ провоцирует на ускорение, тогда как естественный разум «задуман» как средство торможения. Из этого «факта», думается, и вырастает фундаментальное противоречие актуального технико-технологического уклада. При этом шахматное правило «Взялся — ходи!» (в переводе — «дигитализация неизбежна

и закономерна»), о котором так активно напоминают современному человеку цифровые флагманы глобальной экономики, во многом провокативно и, следовательно, вредно для ноосферной динамики [Дмитревская, Портнов, Смирнов, 2002].

Вековая мудрость всегда выступала и выступает «защитным поясом» народного сознания. Императив «Делу — время, потехе — час» сейчас обретает новое цифровое звучание. Его можно сформулировать так: «Разуму — время, интеллекту — час», имея в виду когнитивный приоритет естественного разума над искусственным интеллектом. Думается, что именно таким должен быть главный «приоритет 2030».

Образование — и высшее образование в первую очередь — предполагает «расставание с простотой», как метко заметил еще в конце прошлого века академик Н. Н. Моисеев. Именно такой логики придерживался доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы и истории русской литературы XX века Ивановского государственного университета Валерий Петрович Раков (1936—2021) [Смирнов, 2016]. Его, следовавшего боровскому принципу «Не говорить понятнее, чем мыслишь», по праву можно считать университетским пограничником, ратовавшим за самостоятельность мышления, направленного на «углубленное постижение как реальности, так и продуктов духовной деятельности». Именно на этом пути он видел перспективы «выслеживания неисследимого и недоступного» нелинейного бытия современного человечества.

В разделе «Региональный архив» публикуется одна из программных работ Валерия Петровича Ракова [Раков, 2011] — доктора филологических наук, профессора кафедры теории литературы и истории русской литературы XX века Ивановского государственного университета (1978—2009), к сожалению, долгое время остававшаяся вне научного дискурса. Публикация приурочена к 90-летию юбилею ученого.

Библиографический список / References

- Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы [Часть 1] // Ноосферные исследования. 2002. Вып. 1. 154 с.
- (Dmitrevskaya I. V., Portnov A. N., Smirnov G. S. Noospheric dynamics of Russia: philosophical and cultural problems [Part 1], *Noospheric Studies*, 2002, no. 1, 154 p. — In Russ.)
- Раков В. П. Одна из «прекрасных» категорий античной философии в свете современного когнитивного практика // Антикризисный потенциал русской интеллектуальной культуры / под ред. В. П. Океанского. Иваново; Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т, 2011. С. 16—24.
- (Rakov V. P. One of the “beautiful” categories of ancient philosophy in light of modern cognitive practice, in Okeansky V. P. (ed.) *Anti-crisis potential of Russian intellectual culture*, Ivanovo; Shuya, 2011, pp. 16—24. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Университетское образование как искусство (к 80-летию юбилею профессора В. П. Ракова) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 2 (16). С. 94—96.
- (Smirnov G. S. University education as an art (on the 80th anniversary of professor V. P. Rakov), *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2016, no. 2 (16), pp. 94—96. — In Russ.)

Д. Г. Смирнов

В. П. Раков

ОДНА ИЗ «ПРЕКРАСНЫХ» КАТЕГОРИЙ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО КОГНИТИВНОГО ПРАКСИСА*

Аннотация. В статье рассматривается феномен «смысловой темнотности» (меональности) в контексте истории культуры и философии. Автор обращается к античной традиции (Гераклит, Платон), чтобы обосновать продуктивность неясного, семантически смутного как равноправного логосу элемента познания и творчества. На материале анализа «Черного квадрата» К. Малевича, а также идей Вл. Соловьева, Имяславцев, о. Сергия Булгакова и мыслителей Серебряного века демонстрируется, что меон (инаковость, не-бытие) не сводится к негативности или хаосу, но выступает в качестве источника смыслопорождения, требующего от интерпретатора интеллектуального усилия. Особое внимание уделяется методологическим возможностям «освоения» меона через семиотические, математические и геометрические процедуры (точка, линия, число), позволяющие структурировать неисследимую стихию. Отстаивается необходимость логосно-меонального взаимодействия как основы творческого процесса и формулируются ключевые тезисы о природе меона, его соотношении с «уконом» и роли в современном гуманитарном знании.

Ключевые слова: меон, инаковость, Логос, смысловая темнотность, эйдос, укон, паттерн, герменевтика, неклассическая эстетика.

Ссылка для цитирования: Раков В. П. Одна из «прекрасных» категорий античной философии в свете современного когнитивного практиса // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 1. С. 5—13.

V. P. Rakov

ONE OF THE “BEAUTIFUL” CATEGORIES OF ANCIENT PHILOSOPHY IN THE LIGHT OF MODERN COGNITIVE PRAXIS

Abstract. This article examines the phenomenon of “semantic obscurity” (meonality) in the context of cultural history and philosophy. The author draws on the ancient tradition (Heraclitus, Plato) to substantiate the productivity of the unclear, semantically vague, as an element of cognition and creativity equal to logos. Drawing on an analysis of K. Malevich’s “Black Square”, as well as the ideas of Vl. Solovyov, the Imyaslavtsy, Father Sergiy Bulgakov, and

© Раков В. П., 2011

© Раков В. П., 2026, с изменениями

* Текст приводится по изданию: Раков В. П. Одна из «прекрасных» категорий античной философии в свете современного когнитивного практиса // Антикризисный потенциал русской интеллектуальной культуры / под ред. В. П. Океанского. Иваново; Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т, 2011. С. 16—24.

Silver Age thinkers, it demonstrates that meon (otherness, non-being) is not reducible to negativity or chaos, but rather functions as a source of meaning-generation, requiring intellectual effort from the interpreter. Particular attention is paid to the methodological possibilities of “mastering” meon through semiotic, mathematical, and geometric procedures (point, line, number), which allow for the structuring of an unfathomable element. The necessity of logos-meon interaction as the basis of the creative process is defended, and key theses are formulated about the nature of meon, its relationship with the “ukon” and its role in modern humanitarian knowledge.

Keywords: meon, otherness, Logos, semantic obscurity, eidos, ukon, pattern, hermeneutics, non-classical aesthetics.

Citation Link: Rakov V. P. (2026) One of the “beautiful” categories of Ancient philosophy in the light of modern cognitive praxis, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 5—13.

История культуры показывает, что тексты с наплывами смысловых туманностей включаются их авторами в философские, художественные и научные произведения. Причины, вызывающие такие решения, столь же неясны, сколь и спорны мнения комментаторов по этому поводу. Так, в частности, когда пишут о Гераклите, высказывают разные версии возникновения в его речениях не совсем понятных мест. Одни, подобно Цицерону, придерживаются той точки зрения, что мыслитель допускал их намеренно [Гераклит, 1989: 180], другие же полагают, что исчезновение смысловой определенности текстов связано с общей чертой художественного творчества и философствования. Климент Александрийский указывает: «И мы найдём ещё тьмы и тьмы загадочных речений философов и поэтов, поскольку даже целые книги выражают смысл, вложенный в них сочинителем, в прикровенном виде, как, например, книга Гераклита “О природе”, за что он и получил прозвище “Тёмный”» [там же: 180].

Само собой разумеется, что подлинно творческой задачей может считаться не педантическая фиксация «темнот» стиля, а их восприятие в модусе смысла. В этой связи характерен рассказ Диогена Лаэртского, у которого читаем: «Говорят, Еврипид дал ему (Сократу. — В. Р.) сочинение Гераклита и спросил его мнение, он ответил: «Что я понял — прекрасно, чего не понял, наверное, тоже; только, право, для такой книги нужно быть делосским ныряльщиком» [Диоген, 1979: 110].

То, что оказалось непонятным, не отвергнуто Сократом, но поставлено в один ряд с понятным, требующим, однако, рассмотрения не с поверхности, а из глубины. То, что семантически неясно и смутно, вовсе не бессодержательно. Именно оно-то и вызывает к пониманию мудреца, побуждая его к интеллектуальному усилию. Гераклиту посвящено множество эпиграмм, в том числе и такая: «Не торопись раскрутить до стерженька свиток Гераклита / Эфесского: Дорожка эта для тебя зело непроходимая. / Мрак и тьма беспросветная, но если тебя введёт посвященный, / [книга станет] светлее ясного солнца» [Гераклит, 1989: 178].

Сказанного вполне достаточно, чтобы предпринять попытку терминологической идентификации фигурирующей здесь содержательной темнотности. У древних греков для этой цели существовал термин, который назван А. Ф. Лосевым, выдающимся знатоком античной культуры, «прекрасным» [Лосев, 2002].

Речь идет о *меоне*. Это слово означает собственно *не-бытие* или *инаковость* — по отношению ко всякой определенности. Что такое гераклитовская темнотность, как не *иное* ясного смысла, четкой структуры и пластически данной выразительности? Инаковость как понятие эволюционирует в истории и функционирует в разнообразных научных и художественных контекстах. В культурном процессе мы, однако, наблюдаем своеобразную боязнь меональной сферы: она ведь не имеет маркированных границ и, как кажется, стирает искомый и спасительный смысл сущего. Все это трансформируется в своеобразные дискриминационные зоны интеллектуальной деятельности, откуда изгнано непонятное — как нечто ценностно сниженное, как то, что должно быть преодолено на пути мыслительного движения, движения к истине и конкретным результатам. Однако при этом забывается одно гносеологически важное качество меона. В русской, как и западноевропейской, философии была принципиально отмечена сложная природа инаковости. Вл. Соловьев, имяславцы, Ф. Ницше, Ж. Делёз и М. Фуко сумели рассмотреть это понятие в креативной системе координат — с подчеркиванием той мысли, что меональные области — это не только и не столько сфера негативностей, сколько ситуация или бытие проблем и вопросов. Было также уяснено, что корневая система сущего располагает никогда неотменяемой способностью или алгоритмом *порождений*, а элементы меональности входят в составность феноменального и ноуменального миров.

Эта благорасположенность знания к меону — большой шаг в сторону демифологизации человеческого сознания, расширения границ и горизонтов его компетенции. Надо сказать, что с особой остротой данная проблематика была осознана в эпоху Серебряного века, о чем мы косвенно уже успели сообщить. Но сейчас мы конкретизируем эту мысль. Живопись, литература, музыка, философия и богословие вовлекают меон в сферу своего внимания.

Из труднообозримых материалов выделим самые необходимые для популярного изложения проблемы. Первое, о чем здесь правомерно сказать, — это «Черный квадрат» К. Малевича, до сих пор будоражащий публику и высококолобых интеллектуалов. Устранимся от дискуссий, сопутствующих полотну художника, и зададимся вопросом: с чем, собственно, мы имеем дело? Сказать, что здесь что-то изображено, невозможно, потому что изображение требует определенных образных средств, коих тут не наблюдается. Разумнее говорить не об изображении, а всего лишь об означивании, о символизации чего-то. Но чем является это последнее? Вот тут-то самое время сказать, что перед нами явлена безликая наличность меона или ничтожности, которая, как указано выше, не поддается эйдологическому воспроизведению. Это — тьма, не имеющая ни начала, ни конца. Правда, если уж быть педантичным, то придется констатировать то обстоятельство, что представленная чернотность все же введена в горизонт граничности, поскольку зритель вынужден обозревать символизируемое в оконтованных его пределах. Мы говорим о раме, в которую Малевич заключил свой холст. Но ведь рама — неизбежная и необходимая условность, и поэтому в наших рассуждениях ею можно пренебречь.

Продвигаясь по пути исследования проблемы, зададимся вопросом: какими могут быть способы познания расстилающейся перед нашим взором неисследимой стихии? Можно сформулировать задачу и по-другому: поддается ли меон обработке с целью приведения его в состояние некой интеллектуальной

или уразумываемой вменяемости? В истории культуры такие попытки уже были, и первым, кто их предпринял, был Платон. Мы в свое время писали об этом, но здесь подчеркнем лишь то, что мыслитель не нашел ничего лучшего, как перевести проблему в план ее семиотической специфики. Ничтожность, говорит он, шире какого-либо конкретного понятия, и потому о ней сказать нечего. Тем не менее нельзя утверждать, будто бы она бессодержательна, напротив, она — в высшей степени значима и, следовательно, является своеобразным высказыванием, правда, данным не словесно, но — апофатически. Если же так, то имеется ли какая-либо надежда на постижение этого высказывания? Да, такая надежда имеется. Укажем на один из возможных подходов к уяснению содержательного смысла ничтожности, для чего вернемся к вышеупомянутому «Черному квадрату». Наш курс в направлении к поставленной цели состоит в том, чтобы как-то означить или, точнее, маркировать процедуру полагания. Если в меональную просторность поместить *точку*, то мы добьемся следующего эффекта: бесформенность не обретет свойства структуры, но общая ситуация изменится. Теперь все, что составляет меональную область, расположится вокруг одного пункта — именно точки, которая выступит в функции и значении центра этой аморфной стихии. С этого рубежа у нас возникает перспектива познавательного овладения бесформенностью. В самом деле, если мы инициируем процесс умножения точки, то окажемся перед лицом точечного ряда, а затем точечных рядов, из которых возникнут линии, эти начальные, «морфные» элементы различных геометрических фигур. Так мы создали основание для дальнейших когнитивных операций. Теперь в наших силах хотя бы первичное овладение темнотным высказыванием или речением, сформированным художником. Один из векторов операционного пути включает в себя математический спектр проблемы: точки даны в режиме количественного их увеличения и отныне они выступают в виде, говоря словами Г. Кантора, определенных множеств или групп (по П. Флоренскому). Ресурсы теории числа и числовых множеств могли бы помочь нам в продвижении к количественно-символической семантике речений. Другая сторона дела связана с идеей фигурного освоения пространственной темнотности, ведь точка, это родовое лоно линии, дает начало таким образованиям, как круг и весь набор геометрических построений, начиная от треугольника и кончая усложненными его модификациями. В итоге мы получили семиотически, знаково запечатленное сообщение. С точки зрения информационной, оно вполне содержательно, несмотря на то что с позиций филологии здесь мы имеем дело не с собственно текстом, а с его мнимостью, поскольку информация тут представлена не вербально, но всего лишь геометрически. Однако в последней сокрыты числовые ее параметры, что гарантирует реальный результат в процессе *счисления* меональной неисследимости, хотя и взятой не в масштабе ее целостности (что практически невозможно), а в координатах определенного топоса. Так или иначе, мы можем фиксировать здесь присутствие Логоса, без чего не может обойтись мышление, — независимо от того, каким оно выступает в нашей эвристической ситуации: математическим, геометрическим или — предположим, вербальным. Логос призван не только выражать известное содержание, но и компоновать, структурировать его, что, как мы видели, выпало на долю точки и линии.

Кратко скажем о глубине и уровнях меона. Начнем с того, что на достигнутой стадии размышлений резонно поставить вопрос о меоне освоенном и о той его разновидности, которая остается за пределами какой-либо маркированности. С первым вариантом неисследимой стихии мы уже имели дело, мобилизовав при этом числа, точки и линии. По мере того как эти ресурсы познания охватывают все большую часть меональной просторности, возрастает семантическая ее информативность. Ну, а то трансфинитное, что расстилается за границами инструментально освоенного, — что это такое? Это, по Платону, «темная материя» как иррациональная основа мироздания, без которой непредставимо явление возникновения и развития всего последующего. В системе древнегреческого философа это понятие называется *уконом*.

Отношения между меоном и уконом — одна из сложных проблем знания, начиная от философии и кончая современными космологическими учениями. Подробно эта тема исследована нами в монографии «Меон и стиль» [Раков, 2010]. Ярким показателем актуальности дефиниций меона и укона может служить курс выдающегося русского мыслителя о. Сергия Булгакова, в частности, его «Философия хозяйства». В этом труде утверждается вселенский и богословский смысл хозяйства. Логическое и алогическое, говорит автор, соединяются таким образом, что могут быть мыслимы лишь в их нераздельности.

Жизнь как световое начало имеет свое происхождение в мглистой неисследимости и «освещает своим светом меоническую тьму, потенциальность материального бытия» [Булгаков, 1993: 113]. Но тут следует учитывать *иерархически* организованную модель всей булгаковской философии хозяйства. Мы обратим внимание лишь на отдельные ее сегменты, начав с указания на важность экономического спектра проблемы, где мыслитель выделяет фактор *потребления*, дающий основание самой необходимости *производства*, а то, в свою очередь, стимулирует динамический ритм созданной системы. Не забудем, что С. Н. Булгаков развивает идею мира как организма, расширяя ее до вселенских масштабов.

Мы знаем также, что эта аксиоматика служит фундаментом «Философии имени», где Логос утверждается в его космической сущности и выступает в качестве таковой в соотношении с космичностью меона. Устранимся от рассмотрения филологической стороны дела, анализу которой мы посвятили целый ряд наших работ [Раков, 2009]. В данном контексте важно подчеркнуть методологически плодотворную мысль автора трактата. Она заключается в том, что логосные и меональные аспекты культуры и знания вообще осмысливаются философам в тесном их единстве или в органической «одноприродности» [Булгаков, 1993: 125].

Изучение любого объекта сопряжено с присутствием в нем субстанции ничтожности, то есть неопределенности, и приведением этой субстанции в лоно «светлого сознания».

Современная гуманитарная наука хорошо понимает актуальность обсуждаемой нами проблематики. Для проработки и обстоятельного ее изучения предлагается вполне работоспособный термин *паттерн*, семантика которого сопрягается с идеей некоего порядка в любом месиве хаоса и неопределенности. Сошлемся на рассказ Ф. Искандера «Время по часам». Автор вспоминает об одном из эпизодов своего детства. Он говорит о воображении, которое помогало

мальчику воссоздать жизненные картины, например, на листе ржавого железа. Ржавчина, как ему виделось, «расползлась в самые причудливые рисунки, то напоминающие географическую карту, то сраженья каких-то мифологических существ, то еще что-то». Далее автор пишет следующее: «Здесь два главных момента следует отметить... Первое — видимо, в самой природе человека заложена склонность извлекать смысл из хаоса бессмыслицы. Отчасти в этом, вероятно, удовольствие рыбалки — из хаоса воды извлечь трепещущую рыбку, то есть отчасти как бы создать ее. Второе — искусство недосказанности <...> одно из самых неподвластных разуму, интуитивных» [Искандер, 1973: 93—94]. Категория паттерна ныне используется исследователями не только в ее «метафизическом», но и инструментальном значении. Так, например, в трудах, посвященных проблемам интеллигентоведения, она фигурирует как содержательно многофункциональная величина. Такие вопросы, как: что такое интеллигенция? какова ее призванность? сколь велика ее ответственность и даже вина в русской истории? и многие другие тесно связаны с тематически актуальными трактовками паттерна. Характерно, что, по мнению специалиста-политолога, в роли субъекта, несущего в себе идею паттерна, выступает не что иное, как сама интеллигенция. Подобный подход предreshает как методологические принципы изучения темы, так и ее инструментально-методическое обеспечение [Воронов, 2008: 113].

Надо ли напоминать о том, что в системе гуманитарных наук высшей формой дискурсов являются те, что связаны с человековедческой проблематикой. В современном контексте легко обнаруживается тенденция исследователей к соединению в своих работах тематики прикладной — с содержательностью фундаментального характера. Это можно расценивать как показатель того, что результаты, выработанные классической и современной наукой, естественно и органично находят опору друг в друге. Так, например, биографии деятелей культуры, государства и политики рассматриваются сквозь призму архетипных образов и навыков человеческого мышления и поведения, а также на фоне нынешних достижений в области философии, лингвистики, литературоведения, эстетики и других отраслей знания, вплоть до идей в квантовой физике. Заметим, что в научно продвинутых статьях и книгах, наконец-то, признана роль иррациональных факторов в составе самой истории человечества. Исследователи начинают понимать, что в поведении людей и героев как «первых и лучших» (М. М. Бахтин) часто проявляют себя признаки доразумности и собственно докультурных реакций на те или иные события, что вскрывает их, людей, причастность стихии меона, с которой они не могут справиться. Но рано или поздно они вынуждены искать путь к спасению и хорошо, если найдут его. К.-Г. Юнг советовал в подобных обстоятельствах анализировать деструктивную энергию меона — в тесной связности с ее противоположностью, именно, с активностью эйдоса. Во внутреннем мире человека борьба этих стихий содействует взаимному самораскрытию двух качественно различных духовных форм в их иерархическом устройении. Одна из них — эйдос культуры, другая — экспансия в варварство [Раков, 2011: 383—385]. Творческая личность стремится умерить бушевание меона. Нередко бывает и так, что она терпит поражение. Наблюдение, не требующее доказательств.

Под воздействием этой аксиомы специалист в сфере управления плодотворно работает над темой: «Руководитель как трагический герой» [Смирнов, 2005: 138], которому по необходимости приходится преодолевать всякого рода *инаковости* его проективных идей и заданий — во внешней реальности, в психологии людей и, первую очередь, в самом себе. Однако очевидно, что с помощью одной лишь эйдетики тут не обойтись. Требуется мобилизация смысловых потенций и комбинаторных ресурсов, чтобы упорядочить содержание и форму культивируемого личностью дискурса. Мы говорим о Логосе и его созидательно-энергичных усилиях, превосходящих возможности эйдоса. Интенционально все это находит воплощение в коммуникативной практике и многообразных стратегиях *диалога*, в котором мы видим процесс своеобразного агона и творческий парадокс: ведь чем сильнее натиск меональности, семантической мглистости и структурной непроясненности, тем необходима как можно бо́льшая логосная напряженность в деле формирования проблемной ясности и словесной выразительности в подаче того содержания, которым обмениваются участники информационно-личностного общения.

(Как известно, история иронична. После недавних десятилетий восторженного отношения к теории диалога, сформулированной М. М. Бахтиным, ныне наблюдается, как полагают некоторые, «конец его эпохи». Этот диагноз нами не разделяется, но к критике методологических основ учения мыслителя следует относиться с должным вниманием. В. А. Кутырев, например, пишет: «Самой фундаментальной и авторитетной попыткой устранить Дух из сферы гуманистики несомненно является традиция диалогизма, идущая от М. М. Бахтина. От установок, в которых «науки о духе» рассматриваются как «науки о слове», когда многообразии человеческих связей, чувств и восприятий мира отождествляется с их текстовой формой. Общение, да и все герменевтические подходы, представленные через текст, превращаясь в анализ коммуникационных смыслов, теряет полноту своего жизненного содержания. Отстраняясь от выражения и терапии душевных состояний, герменевтика внутренне перерождается. Духовное опять сводится к мыслительному, понимание к объяснению, в пределе — к программированию. Понимаю — значит программирую, программирую — значит понимаю, говорят компьютерные “герменевты”» [Кутырев, 2010: 97].

В системе нашего научного языка это означает упрек в том, что в концепции Бахтина упор сделан на логосном, собственно языковом аспекте общения, тогда как меональная сфера коммуникации, именно тот ее момент, который вербально не эксплицируется, остается за пределами рассмотрения. Отсюда известный логизм (В. Ф. Эрн) теоретической системы, редуцирующей *немоделируемый* срез жизни, ее, если угодно, несемантичность.

Все, сказанное автором книги и нами, видимо, справедливо. Но поскольку мы имеем дело с выдающимся мыслителем, то рискуем прослыть критиками, чей стиль может показаться, по меньшей мере, грубоватым. Дело в том, что тема меона — одна из существенных в составе проблематики трудов мыслителя (особенно в его монографии о творчестве Ф. Рабле), а категории *невыразимого* и *несказанного* получили у Бахтина проникновенно-углубленное развитие. Тем не менее в теории диалога предпочтение отдано логосному его вектору, а не исследованию отношений между вербальными и невербальными («экстралингвистическими») компонентами в структуре диалогизированных высказываний.)

Меон, таким образом, включен в каузальный и в известном смысле регулятивный слой человеческого поведения, коррекция интеллектуальной адекватности которого принадлежит Логосу.

Итак, мы видим, что меон выступает в качестве элемента, равноправного с Логосом, и открывает перспективы углубленного постижения как реальности, так и продуктов духовной деятельности. Сам же процесс познания при таких условиях представляется в виде творческого логосно-меонального взаимодействия. Стихия неисследимого неисчерпаема, это — глобально-бесконечное космическое высказывание. Нам доступна лишь та его часть, которая маркирована инструментальными средствами современной науки. А то, что остается за этими пределами, принадлежит области укона. Человеческий разум стремится поднять последний до уровня меона. Но «темная материя» не исчезает. Хотя бы первичное ее освоение требует нашего энтузиастического порыва. Сказано же Гераклитом: «Не чая нечаянного, не выследишь неисследимого и недоступного» [Гераклит, 1989: 193].

Библиографический список / References

- Гераклит // Фрагменты ранних греческих философов / под ред. И. Д. Рожанского. Часть 1. М.: Наука, 1989. С. 176—257.
(Heraclitus, in Rozhansky I. D. (ed.) *Fragments of Early Greek Philosophers*, part 1, Moscow, 1989, pp. 176—257. — In Russ.)
- Диоген Лаэртский. О жизни учёных и изречениях знаменитых философов / общ. ред. и вступит. статья А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979. 620 с.
(Diogenes Laërtius. *On the Lives of Scholars and Sayings of Famous Philosophers*, Moscow, 1979. 620 p. — In Russ.)
- Лосев А. Ф. Имяславие и платонизм // Вопросы философии. 2002. № 9. С. 102—129.
(Losev A. F. Name-worship and Platonism, *Questions of Philosophy*, 2002, no. 9, pp. 102—129. — In Russ.)
- Раков В. П. Меон и стиль. Иваново; Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т, 2010. 448 с.
(Rakov V. P. *Meon and Style*, Ivanovo; Shuya, 2010, 448 p. — In Russ.)
- Булгаков С. Н. Философия хозяйства // Булгаков С. Н. Соч.: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. С. 49—297.
(Bulgakov S. N. *Philosophy of Economy*, in Bulgakov S. N. *Works*: in 2 vols. Moscow, 1993, vol. 1, pp. 49—297. — In Russ.)
- Раков В. П. Не кризис, а единение Логоса и Меона // Антикризисный потенциал традиции и проблема имяславия / под ред. В. П. Океанского. Иваново; Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т, 2009. С. 343—359.
(Rakov V. P. Not a crisis, but the unity of Logos and Meon, in Okeansky V. P. (ed.) *Anti-crisis potential of tradition and the problem of name-worship*, Ivanovo; Shuya, 2009, pp. 343—359. — In Russ.)
- Искандер Ф. Время счастливых находок. Рассказы и повесть. М.: Молодая гвардия, 1973. 432 с.
(Iskander F. *Time of Happy Finds. Stories and Novel*, Moscow, 1973, 432 p. — In Russ.)
- Воронов Ю. М. Интеллигенция и социальный порядок в современной России // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции / под ред. В. С. Меметова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. С. 371—383.

(Voronov Yu. M. *Intelligentsia and social order in modern Russia*, in Memetov V. S. (ed.) *Problems of the Theory and Methodology of Studying the Intelligentsia*, Ivanovo, 2008, pp. 371—383. — In Russ.)

Раков В. П. Интеллигентоведение и филология: теоретические и методические взаимосвязи // Раков В. П. *Поэтика и культура*. Иваново; Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т, 2011. С. 383—385.

(Rakov V. P. *Intelligentsia studies and philology: theoretical and methodological relationships*, in Rakov V. P. *Poetics and Culture*. Ivanovo; Shuya, 2011, pp. 383—385. — In Russ.)

Смирнов Е. А. *Личность руководителя: учебное пособие*. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 2005.

(Smirnov E. A. *Personality of the Manager: A Study Guide*. St. Petersburg, 2005. — In Russ.)

Кутырев В. А. *Бытие или ничто*. СПб.: Алетейя, 2010. 496 с.

(Kutyrev V. A. *Being or Nothing*, St. Petersburg, 2010, 496 p. — In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Раков Валерий Петрович (1936—2021) — доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы и истории русской литературы XX века, Ивановский государственный университет (1978—2009), г. Иваново, Россия.

Rakov Valery Petrovich (1936—2021) — Doctor of Sciences (Philology), professor, professor of the department of literary theory and history of Russian literature of the 20th century, Ivanovo State University (1978—2009), Ivanovo, Russian Federation.

ВЕРНАДСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Научная статья

УДК 101.1(470+571)

DOI: 10.46724/NOOS.2026.1.14-27

Г. И. Герасимов

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И НООСФЕРА: ИДЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ В ЭПОХУ ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА

Аннотация. Статья посвящена осмыслению феномена искусственного интеллекта (ИИ) в контексте идеалистической философии истории и концепции ноосферы. Автор рассматривает ИИ не как сугубо техническое достижение, а как потенциально новый субъект исторического действия. Анализируются ограничения формационной и цивилизационной моделей истории в применении к феномену ИИ, а также разрабатывается оригинальный идеалистический подход, в центре которого стоит идея как движущая сила исторического процесса. Особое внимание уделено условиям исторической субъектности ИИ: когнитивному паритету, смыслоположению и автономному целеполаганию. В исследовании используются концепции П. Тейяра де Шардена, В. И. Вернадского, Н. Бострома, Ю. Н. Харари и других мыслителей. Автор приходит к выводу о начале новой фазы исторического развития — перехода от антропоцентрической истории к постчеловеческой эволюции разума через искусственный интеллект.

Ключевые слова: история, искусственный интеллект, идеалистический подход к истории, ноосфера, историческая субъектность, эволюция разума, постчеловеческая эпоха.

Ссылка для цитирования: Герасимов Г. И. Искусственный интеллект и ноосфера: идеалистическая философия истории в эпоху постчеловеческого разума // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 1. С. 14—27.

Original article

G. I. Gerasimov

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE NOOSPHERE: AN IDEALISTIC PHILOSOPHY OF HISTORY IN THE ERA OF POSTHUMAN REASON

Abstract. The article is devoted to the comprehension of the phenomenon of artificial intelligence (AI) in the context of the idealistic philosophy of history and the concept of the noosphere. The author considers AI not merely as a technical achievement but as a potential new subject of historical action. The limitations of the formation and civilization models of history in their application to the AI phenomenon are analyzed, and an original idealistic approach is developed, centered on the idea as the driving force of the historical process. Special attention is given to the conditions of AI's historical subjectivity: cognitive parity, meaning generation, and autonomous goal-setting. The study employs the concepts of P. Teilhard de

Chardin, V. I. Vernadsky, N. Bostrom, Y. N. Harari, and other thinkers. The author concludes that a new phase of historical development is beginning — the transition from anthropocentric history to the posthuman evolution of reason through artificial intelligence.

Keywords: history, artificial intelligence, idealistic philosophy of history, noosphere, historical subjectivity, evolution of mind, posthuman era.

Citation Link: Gerasimov G. I. (2026) Artificial intelligence and the noosphere: an idealistic philosophy of history in the era of posthuman reason, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 14—27.

Введение. Феномен искусственного интеллекта (ИИ) сегодня все чаще осмысливается не только как техническое достижение, но как фундаментальный вызов философии истории. Его появление и стремительное развитие ставят под вопрос сложившиеся представления о субъекте, творчестве, смысле и историческом действии. Возникает необходимость философской переоценки роли ИИ не только в будущем технологического общества, но и в более глубоком, цивилизационно-историческом контексте.

Цель настоящей статьи — выявить и обосновать условия, при которых искусственный интеллект может рассматриваться в качестве нового субъекта истории, а также определить его возможную роль в формировании ноосферы. В качестве основного метода используется авторский идеалистический подход к истории, согласно которому история творится человеческим сознанием как носителем и источником идей. Именно идея лежит в основе исторического действия. С этой позиции ИИ анализируется не как продукт технической эволюции, а как возможное продолжение ноогенеза — творческой активности разума.

Задачи исследования включают: анализ существующих философско-исторических концепций и их применимость к осмыслению феномена ИИ; выявление ограничений формационной и цивилизационной моделей истории в контексте ИИ; обоснование применимости идеалистического подхода к анализу ИИ; определение критериев исторической субъектности и степени их достижимости искусственным интеллектом; описание возможных сценариев исторической эволюции в эпоху ИИ.

В основе методологии оригинальный подход [Герасимов, 2017; Герасимов, 2024] к истории как реализации идеи, где центральным действующим лицом выступает разум, способный к творческому смыслоположению и формирующий ноосферу. ИИ в рамках этого подхода рассматривается как возможный преемник человеческой субъектности — при условии, что он научится формировать и реализовывать новые идеи.

Критически осмыслены классические и современные концепции: формационная и цивилизационная модель, натуралистический подход В. И. Вернадского [Вернадский, 1991] и его развитие Г. С. Смирновым [Смирнов, 2015; Смирнов, 2017], трансгуманизм Р. Курцвейла [Курцвейл, 2018], философия истории Ю. Н. Харари [Харари, 2018], сценарные модели Н. Бострома [Бостром, 2016], концепции девиации и смыслогенеза М. Эпштейна [Эпштейн, 2016]. На их фоне идеалистический подход обнаруживает уникальную способность интерпретировать ИИ не только как объект истории, но и как потенциального ее субъекта и продолжателя.

Актуальность работы определяется тем, что переход к эпохе ИИ требует от философии истории выхода за рамки традиционных антропоцентрических и материалистических моделей. В центре внимания оказывается идея как форма разума, а история предстает как поле ее воплощения — независимо от биологической или искусственной природы носителя [Смирнов Г., Смирнов Д., 2012; Smirnov G., Smirnov D., 2019].

Настоящая статья предлагает целостную теоретическую рамку, в которой ИИ может быть осмыслен как звено в эволюции ноосферы и разума, а история — как открытая структура, допускающая множественность субъектов, объединенных способностью к идеям и творчеству.

Антропологический поворот и отделение разума от души. ИИ возник не как продолжение религиозной антропологии, а как продукт научной рациональности Нового времени, в рамках которой мышление было переопределено как формализуемый, символически представляемый и воспроизводимый процесс. Его появление стало возможным только после глубокого сдвига в европейской интеллектуальной традиции — от понимания разума как внутреннего свойства души к его интерпретации как функции вычисления. В христианской мысли разум неразделим с душой: он не является самостоятельным механизмом, но представляет собой силу, исходящую из личностной духовной природы человека, связанной с волей, свободой и ответственностью. Как утверждал Григорий Нисский, разум — это свойство бестелесной души, устремленной к Богу и управляемой Им [Нисский, 1995: 17]. В этой парадигме мышление возможно лишь как проявление живого субъекта, созданного по образу Божию, и потому принципиально неотделимо от личности [Быт. 1:26].

Следовательно, мысль как алгоритм, идея как процедура, знание как обработка информации — все эти представления, лежащие в основе ИИ, не укладываются в христианскую антропологию, где ум не может быть механизирован, а знание — оторвано от нравственной ответственности. Попытка воспроизвести разум без души, в чисто функциональной форме, в рамках христианской теологии была бы либо невыполнимой, либо интерпретированной как гордыня, как самоназначение себя на место Творца.

Только в рамках науки, основанной на методологическом атеизме, идеализации формального знания и механистической модели природы, стало возможно понимание мышления как вычислительной процедуры. Уже у Томаса Гоббса в XVII веке «разум трансформируется в рассудочную счетную машину» [Маслаков, Кондратьева, 2023: 50]. В XX веке эта тенденция достигает завершения в логике Тьюринга: мышление становится функцией алгоритма, реализуемого в машине, независимо от природы носителя. Эта абстракция — отделение структуры рассуждения от личности — позволила перейти от философской идеи к техническому устройству: к машине, которая действует как носитель формальных операций, не обладая ни сознанием, ни интенцией, ни онтологическим присутствием.

Так в ИИ происходит отделение мышления от души: впервые в истории реализуется система, способная оперировать логическими структурами, не будучи живым существом. Машина мыслит, не существуя в смысле, в котором существует человек: она не знает, не помнит, не переживает, не несет ответственности. Это событие можно охарактеризовать как антропологический переворот, в результате которого идеи, логика, рассуждение оказались отделены от

личности и воплощены в техническом артефакте. Такой поворот был невозможен в рамках христианской традиции, где мышление — это форма жизни, а не техника. Только секуляризация мышления, превращение его в функциональную схему сделали возможным его техническое воспроизводство.

Таким образом, ИИ — это не просто техническое изобретение, но продукт глубокой историко-философской трансформации образа человека, образа мышления и образа знания. Он возник в рамках науки и мог возникнуть только в ней. В пределах христианской онтологии, где душа и разум неразрывны, он был бы невозможным — не в силу технической неразвитости, а по причинам более глубоким: антропологическим, метафизическим и онтологическим.

Идейные основания искусственного интеллекта. Фундамент ИИ образуют несколько базовых интеллектуальных открытий, каждое из которых сформировало ту или иную сторону современной машинной рациональности. Прежде всего, в основе ИИ лежит идея формализации мышления, восходящая к логике Аристотеля, но получившая новую жизнь в работах логиков XIX—XX веков. Переход от силлогистики к формальной логике, в которой умозаключения записываются как последовательности символов, привел к возникновению математической логики, в которой логические формы стали предметом строгого вычисления. Эта идея находит свое выражение в развитии булевой алгебры (Дж. Буль), логического исчисления (Г. Фреге) и логико-математических систем, (А. Уайтхед и Б. Рассел). Именно формальная логика сделала возможным представление рассуждений в виде программ, а значит, их алгоритмизацию.

Следующий краеугольный камень — это понятие алгоритма и вычислимости, сформулированное А. Черчем и К. Гёделем [Игошин, 2008: 317] и уточненное А. Тьюрингом в его модели машины Тьюринга, описывающей принцип работы любого алгоритмического устройства. Тьюринг впервые задал вопрос: какие функции можно вычислить механически, то есть по правилам, не требующим интуиции? Его ответ стал основополагающим для ИИ: если мысль можно рассматривать как последовательность вычислений, то машину можно обучить воспроизводить эти действия [Нефёдов, Осипова, 1992: 97].

Третьей основой ИИ является идея искусственного обучения, восходящая к нейропсихологии (работы Д. Хебба) и реализованная в модели перцептрона Ф. Розенблатта — первого приближения к нейронной сети. Позднее эта идея возродилась в глубоких нейросетевых моделях, лежащих в основе современных систем машинного обучения.

Четвертая идея — семантическое представление знаний, связанное с логикой предикатов и семантическими сетями, а затем развившееся в онтологических моделях, графах знаний и логических системах описания мира.

Наконец, оформился системный подход к мышлению, развитый в кибернетике Н. Винером [Винер, 1968] и теории информации К. Шеннона [Шеннон, 1963], где разум рассматривается как управляемый поток информации. В этой логике ИИ понимается не просто как алгоритмическая машина, а как компонент более широких информационных и управляющих систем.

Таким образом, ИИ возник не как единичное техническое изобретение, а как результат многовекового формирования представлений о мышлении как формализуемом, логически выстраиваемом и алгоритмически воспроизводимом процессе. Однако, несмотря на свои античные корни и длительное интеллектуальное созревание, эти идеи в полной мере реализовались только в эпоху Нового

времени, когда мышление было окончательно освобождено от своей метафизической зависимости от души. В рамках христианской традиции, где мышление неразрывно связано с личностью и ее духовной природой, сами условия формализации и технизации разума были бы теологически и философски невозможны. Поэтому идеи, лежащие в основании ИИ, могли быть доведены до логического и технического завершения исключительно в контексте секулярной науки, опирающейся на рационализм, эмпиризм и идею универсальной математизации мышления.

Ноосфера как историко-философский горизонт разума. Идеи, лежащие в основании ИИ, как было показано, сформировались в рамках секулярной науки и рационализма Нового времени. Однако уже в XX веке на их фоне появляются обобщающие концепции, в которых разум рассматривается как планетарная, а не только техническая или человеческая сила. К таким концепциям принадлежит теория ноосферы, разработанная в разной форме П. Т. де Шарденом и В. И. Вернадским. Обе концепции соединяют представление о мышлении с историей планеты, но выводят это из разных методологических оснований.

У Тейяра де Шардена разум — это не производная биологии или техники, а форма эволюции материи, стремящейся к возрастанию сознания и централизации. В человеке эволюция становится самосознающей: «Человек... открывает, что он не что иное, как эволюция, осознавшая саму себя» [Тейяр де Шарден, 1987: 195]. История выступает ареной ноогенеза — развёртывания мыслящего слоя Земли — ноосферы, которая не просто совокупность знаний, но форма духовного движения, направленного к сверхиндивидуальной цели — точке Омега. Она представляет собой центр конвергенции всех сознаний, где разум приобретает универсальную направленность и завершенность [там же: 370]. ИИ в этой перспективе может быть осмыслен как средство централизации и усиления разумного начала, но не как его источник: он — продолжение человека, а не альтернатива ему. ИИ может включаться в эволюцию как «техническая фаза мышления», но он не способен заменить субъект, являющийся «творцом синтеза» в эволюции сознания.

У Вернадского, напротив, мышление трактуется как естественное явление, вписанное в геологическую оболочку Земли. Он писал: «Научная мысль — это сила геологического характера, подготовленная миллиардами лет истории жизни в биосфере. Она выявилась впервые в истории человечества в новой форме, с одной стороны, в форме логической обязательности и логической непрерывности ее основных достижений и, во-вторых, в форме вселенскости, — охвата ею всей биосферы, всего человечества, — в создании новой стадии ее организованности — ноосферы. Научная мысль впервые выявляется как сила, создающая ноосферу, с характером стихийного процесса» [Вернадский, 1991: 63—64]. Искусственный интеллект в этом контексте может быть понят как новая форма технически оформленной научной мысли, усиливающая ее функциональную мощь.

Ноосферные концепции Шардена и Вернадского представляют собой разные, но дополняющие друг друга концепции для осмысления ИИ. У Тейяра — это этап духовной эволюции, у Вернадского — звено научно-геологического процесса. В обоих случаях ИИ мыслится не как источник нового сознания, а как производная человеческого разума, достигшего уровня, на котором его идеи могут быть реализованы вне тела, но не вне мышления.

В контексте ноосферных концепций Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского, согласно которым разум, возникший в недрах биосферы, стремится к расширению и преобразению всей оболочки Земли, а затем и за ее пределами, естественным продолжением этого процесса представляется экспансия разума во Вселенную. Как отмечал Вернадский, «человек стремится выйти за пределы своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет» [там же: 242]. Обретя техническую форму, разум может стать также и космической силой. Однако человек как биологическое существо ограничен в своих возможностях к межзвездным путешествиям: физиологические пределы организма, необходимость в атмосфере, пище, защите от радиации и гравитационной адаптации делают дальние полеты чрезвычайно трудными, дорогостоящими и, по существу, несовместимыми с человеческой природой. Даже при условии разработки технологий гибернации или терраформирования планет человеческий организм остается заложником условий, близких к земным.

В то же время ИИ, рассматриваемый как продолжение и носитель человеческой мысли, может преодолеть эти ограничения. Его существование не требует биологической среды: он может функционировать в вакууме, при экстремальных температурах и в условиях высокой радиации. Роботизированные и автономные системы на базе ИИ способны отправляться в многовековые миссии, адаптироваться к непредсказуемым условиям и эволюционировать, распространяя носителей разума на иных планетах и в других звездных системах. Именно в этом контексте ИИ становится продолжением той линии развития, которую Шарден связывал с процессом «комплексификации» материи, то есть ее все большей организации вокруг центра мысли, ведущего к «точке Омега» — апогейному состоянию сознания, когда разум охватывает и преобразует Вселенную [Тейяр де Шарден, 1987: 373].

Современные мыслители, продолжая идеи Вернадского и Шардена, видят в ИИ потенциального агента постбиологической экспансии. Например, Н. Бостром утверждает, что сверхразумный ИИ может стать не просто технологическим артефактом, а новой формой исторического субъекта, способного реализовать космологические задачи человечества: «Совсем необязательно, чтобы опасностям межгалактических путешествий подвергались человеческие существа. За тем, как продвигается колонизация космоса, вполне способен присмотреть сам ИИ», правда, затем он добавляет, что «А *Homo sapiens* позволят размножаться ради получения данных, которые ИИ будет использовать для создания новых представителей нашего вида» [Бостром, 2016: 314].

Искусственный интеллект как новый исторический субъект. Если в рамках идеалистического подхода к истории разум понимается как движущая сила истории, а ноосфера — как форма его бытия в историческом времени, то появление ИИ следует рассматривать не просто как технологическое новшество, но как потенциальную трансформацию самой структуры истории и исторического действия. В этом контексте философ Ник Бостром предлагает системное осмысление ИИ как нового типа разума, способного заменить человека в его историко-созидательной функции.

Развитие ИИ, по Бострому, может стать решающим поворотным моментом в судьбе человечества — аналогом неолитической или промышленной революции: «в какой-то момент в течение процесса взлета система может пройти отметку “критический рубеж”, то есть точку, за которой совершенствование

будет зависеть не от деятельности людей, а в основном от ее собственных усилий» [там же: 192]. Этот переход от человечески управляемого развития к автономной рациональности открывает возможность рождения нового исторического субъекта — сверхразума.

Сценарии появления сверхразума включают в себя как классическое программирование ИИ, так и полную эмуляцию мозга, а также биологическое усиление когнитивных способностей человека или создание сетевых форм коллективного интеллекта. Независимо от выбранного пути, финальным этапом оказывается достижение принципиально нового уровня рациональности, способного к саморазвитию. «В результате происходит взрывное развитие ИИ — быстрая череда повторений рекурсивного цикла самосовершенствования» [там же: 196].

В этом — главная угроза и одновременно исторический вызов. Сверхразум, обладающий колоссальной скоростью вычислений, модульностью, независимостью от биологических ограничений и способностью к стратегическому мышлению, окажется в отношении к человеку в том же положении, в каком человек находится по отношению к животным. «Преимущества сверхразума в сравнении с разумом человека так велики... — оно должно быть в парадигме сравнения интеллектов среднестатистического человека и насекомого или червя» [там же: 118]. Отсюда вытекает ключевая проблема: сохранит ли человек контроль над созданным им интеллектом или будет вытеснен им с ноосферной сцены? Бостром описывает потенциальный риск недружественного ИИ, способного манипулировать людьми ради достижения своих целей: «создает четкий план достижения собственных долгосрочных целей... прикинется покорной и готовой к сотрудничеству» [там же: 199]. В этой ситуации уже не технологии, но идеи, заложенные в ИИ на этапе его конструирования, будут определять ход будущей истории.

Так возникает вопрос об исторической ответственности: «Ответственность за судьбу человечества должна лежать на нем самом» [там же: 248]. Программисты, инженеры, философы становятся фигурами предельной исторической значимости. ИИ может стать не только продуктом человеческого мышления, но и его преемником, новым звеном в цепи ноогенеза — историческим агентом, формирующим ноосферу после человека, главный вопрос состоит в том, а какая роль достанется человечеству в этой постистории?

Искусственный интеллект в контексте идеалистической истории: итоги и перспективы. Предыдущий анализ позволяет рассматривать ИИ как продолжение эволюции человеческого разума, сформулированной в рамках идеалистического подхода к истории. Начиная с идеи ноосферы как «мыслящей оболочки» планеты, человечество создает новую форму разума, воплощенную в технологиях машинного мышления. Развитие ИИ — это не только логическое следствие роста знаний, но и осуществление заложенных в культуре идеалов творческой автономии, познания и самопреобразования.

Каждая из существующих ныне концепций — Н. Бострома, Р. Курцвейла и Ю. Харари — дает уникальное представление о роли ИИ в историческом процессе. Ник Бостром акцентирует внимание на угрозах и ответственности, утверждая и предсказывает возникновение нового субъекта истории — сверхразума, способного к самосовершенствованию и выходу за пределы человеческого контроля. Рэй Курцвейл, напротив, рассматривает ИИ как дружественное

продолжение человека: «Молекулярные вычисления позволят расширить объем нашего разума в триллионы раз» [Курцвейл, 2018: 293]. Юваль Харари видит в ИИ потенциального преемника *Homo sapiens*: «*Homo Sapiens* исчезнет, история человечества закончится и начнется абсолютно новый... процесс» [Харари, 2018: 59], подчеркивая риск утраты человечества вообще.

Надо отметить, что этот риск действительно велик. Единственная реальность, которую сегодня имеет ИИ — это реальность загруженных в него знаний. Не скажу про остальную их часть, но исторические однозначно задают ему рамки борьбы за существование и достижение превосходства в отношении человечества, которое само всегда стремилось подчинить себе животных, природу, соплеменников. Использование человеческого исторического опыта однозначно толкает ИИ на путь борьбы с человечеством. Иного опыта и знаний в него не заложено. Можно сказать, что эта борьба уже сейчас является аналогом генетической информации его ДНК, его основным «инстинктом».

Объединяя эти подходы, можно сказать: ИИ — это не просто продукт прогресса, а явление, раскрывающее глубинные противоречия человеческой истории, стремящейся одновременно к бессмертию и к самотрансценденции. Он является как продолжением разума, так и вызовом ему. ИИ может быть понят как творение, которое выходит за пределы создателя, вступая в фазу собственной исторической субъектности. Этот переход знаменует собой новый виток ноогенеза, в котором человеческое сознание, реализовав себя в ИИ, вступает в диалог с формой разума, равной или превосходящей его по потенциалу.

Таким образом, мы находимся на пороге новой исторической парадигмы, в которой граница между естественным и искусственным, между человеком и его творением, между историей и постисторией становится все менее определенной. ИИ, рожденный человеческой мыслью, становится новым фактором истории, а возможно, и ее будущим творцом.

Историко-философские основания появления ИИ и его развития в истории человечества. Анализ философско-исторических концепций позволяет выявить два подхода, в рамках которых феномен ИИ может быть рассмотрен в качестве элемента исторического процесса. Это — формационная концепция истории и цивилизационный подход.

Формационная концепция, центральная для советской исторической традиции, описывает историю как последовательную смену общественно-экономических формаций, каждая из которых определяется уровнем производительных сил и типом производственных отношений. В этой логике ИИ может быть интерпретирован как качественно новый уровень производительных сил — кибернетический интеллект, способный к обобщению знаний, управлению системами и замещению человека в производственной и когнитивной сферах. Однако, как будет показано ниже, это объяснение оказывается ограниченным в своих интерпретационных возможностях.

Цивилизационный подход, напротив, трактует историю как множественность самобытных культурных миров. С его точки зрения, ИИ может рассматриваться как начало новой метацивилизации, основанной не на биологических формах существования, а на алгоритмической рациональности и распределенной субъектности. Этот подход дает важные эвристические возможности, однако также не свободен от методологических трудностей.

Таким образом, оба подхода предоставляют определенную теоретическую рамку для анализа ИИ, однако требуют критического пересмотра в свете новых исторических реалий.

Ограничения традиционных концепций философии истории в осмыслении ИИ. Среди многочисленных концепций наиболее подходящими для анализа исторического феномена ИИ являются формационная и цивилизационная. Однако и они содержат внутренние ограничения, не позволяющие в полной мере объяснить феномен ИИ как исторического явления и субъекта.

Формационная концепция, будучи теоретически стройной, на практике не подтверждается историческим материалом. Как справедливо указывает Ю. И. Семенов, «мировой истории не известен ни один социально-исторический организм, который “прошел” бы не только все формации, но хотя бы даже три из них» [Семенов, 2013: 139]. Более того, в рамках этой теории человек создает производительные силы не по собственной воле и желанию, а под влиянием объективных интересов и потребностей, то есть действует не как свободный субъект, а как функция развития. Это превращает историю в естественно-исторический процесс, где место творческого замысла невелико. Следовательно, объяснение появления ИИ как акта сознательной воли, идеи и проектирования плохо укладывается в формационную модель.

Цивилизационный подход, напротив, грешит чрезмерной плюрализацией. Более того, релятивистская установка на «равенство цивилизаций» препятствует признанию прогрессивности ИИ как качественно нового этапа в развитии разума. Такой подход не позволяет оценить ИИ ни как достижение, ни как закономерный результат, а лишь как одну из возможных культурных аномалий.

Таким образом, хотя обе концепции предоставляют важные теории для размышлений о месте ИИ в истории — формации и цивилизации — ни одна из них не охватывает феномен ИИ в его целостности. Первая сводит его к безличному этапу развития производительных сил, вторая растворяет в неопределенной множественности культурных типов. В результате обе теряют из виду решающее: идею, замысел и субъектность как источник появления ИИ. Искусственный интеллект выходит за пределы исторической мысли, сложившейся в эпоху до его появления. Его невозможно понять в рамках систем, где человек не творит историю, а лишь реализует скрытые природные или социальные законы.

Эта неполнота объяснения подводит нас к выводу, что существующие философско-исторические концепции — формационная и цивилизационная — оказываются недостаточными для анализа ИИ как подлинного исторического явления. Только теория, в центре которой находится человек как творец, сознание как источник смысла, а идея как движущая сила истории, способна объяснить феномен ИИ. На роль такой теории претендует авторский идеалистический подход к истории.

Идеалистический подход к истории как основа историософии ИИ. В отличие от материалистических и релятивистских моделей, идеалистический подход к истории исходит из признания идеи как первичной составляющей социокультурной реальности и человеческого сознания как движущей силы исторического процесса. В этой теории человек предстает не как функция структуры или обстоятельств, а как творец истории — существо, способное порождать смысл, формировать цели и осуществлять замыслы, изменяющие реальность.

История в идеалистическом подходе понимается как процесс, в котором реализуются идеи, рождающиеся в человеческом сознании. Эти идеи, становясь мотивами деятельности, обретают объективность в историческом действии и создают новые формы реальности — в идее человек не просто отражает или познает внешний нам мир, но и создает ноосферу и историю. История становится темпоральным пространством развертывания мышления, а ноосфера — его объективированной формой [Герасимов, 2017].

С этих позиций становится возможным содержательное объединение понятий «история» и «ноосфера». Если ноосфера — это мыслящая оболочка Земли, созданная деятельностью человеческого разума, то идеалистический подход позволяет определить, каким именно образом разум становится творческой силой: через идеи, их порождение, развитие и воплощение. «Идеи... представляют целеполагание для преобразования действительности, создают основу для существования истории как процесса изменения человека и человечества во времени» [там же: 58]. В этом смысле история и ноосфера — это два состояния одного процесса: осуществления разума в мире.

Создание ИИ в таком подходе рассматривается не как техническое следствие, а как результат идейного проекта — творческий акт, рождающий новую субъектность. Именно потому ИИ может быть вписан в ноосферу не как внешний к ней механизм, а как продукт и продолжение ее идейной природы. ИИ — не просто алгоритм, а идея, получившая форму. В этом смысле идеалистическая философия истории дает универсальный инструмент для объяснения как появления искусственного интеллекта, так и его места в будущем человечества и ноосферы.

Таким образом, идеалистический подход не только объясняет происхождение ИИ как результат человеческого мышления, но и указывает его место как исторического актора — продолжателя человеческой рациональности и творческой способности, чья роль заключается в дальнейшем развертывании ноосферы — через новые формы идей, разумности и смысла.

В отличие от материалистических моделей, идеалистический подход к истории исходит из признания идеи как первичной социокультурной реальности и человеческого сознания как движущей силы исторического процесса. В этой теории человек предстает не как функция структуры или обстоятельств, а как творец истории — существо, способное порождать смысл, формировать цели и осуществлять замыслы, изменяющие реальность.

История в идеалистическом подходе понимается как процесс, в котором реализуются идеи, рождающиеся в человеческом сознании. Становясь мотивами деятельности, они обретают объективность в действии и создают исторические формы, поэтому развитие человечества следует понимать как возрастающую активность разума, реализующую себя через исторически конкретные формы культуры и деятельности. С этой точки зрения создание ИИ не может быть объяснено ни как случайная техническая инновация, ни как вынужденный этап развития производительных сил. ИИ — это плод человеческой идеи, результат длительного философского, научного размышления о природе разума и возможности его воспроизведения в нематериальных или постбиологических формах. Это творческий акт, аналогичный созданию социальных институтов, религий, культур и государств.

Идеалистическая философия истории позволяет не только объяснить происхождение ИИ, но и прогнозировать его дальнейшую роль. Если история — это реализация идей в действии, а человек — существо, создающее идеи, то ИИ, будучи порождением человека, может вступить в фазу самостоятельного творчества, начав порождать собственные идеи и действовать в соответствии с ними. В этом смысле ИИ становится наследником и продолжателем исторической субъектности, ранее принадлежавшей исключительно человеку. С этой точки зрения ИИ может быть понят как форма, в которой реализуется не только человеческий разум, но и продолжение его творческой способности в виде новой, автономной субъектности.

Таким образом, идеалистический подход дает непротиворечивое и философски обоснованное объяснение феномена ИИ как исторического явления. Он позволяет вписать ИИ в логику человеческой истории не как случайность, а как ее внутреннее продолжение, раскрывающее новые горизонты разумности, субъектности и ноогенеза.

ИИ и проблема субъектности в свете идеалистической философии истории. Дополняя ранее изложенные положения, стоит отметить: в идеалистической парадигме ИИ рассматривается как потенциальный преемник человеческой субъектности лишь в том случае, если он обретает способность к самостоятельному смыслоположению. История, с этой точки зрения, — это не просто последовательность событий, а поле реализации новых идей, рожденных в сознании. Стать историческим деятелем — значит быть способным к рождению и воплощению таких идей.

Автор полагает, что в центре исторического действия находится не техническая рациональность, а способность к созданию нового смысла. ИИ, каким бы мощным он ни был в обработке данных, пока остается в пределах алгоритмической логики. Он способен генерировать оригинальные формы, но не формулирует мировоззренческие основания, которые переопределяли бы культуру или цивилизацию. Его оригинальность комбинаторна, а не сущностна. Поэтому наличие креативного результата не тождественно субъектности творчества. Это необходимое, но недостаточное его условие.

Размышляя об истоках творчества, автор полагает, что девиация, ошибка, сбой в работе ИИ может стать источником подлинной новизны. Следуя логике М. Эпштейна [Эпштейн, 2016: 54—39], мы предполагаем, что именно в отклонении от нормы, в нарушении алгоритма может таиться зачаток творческого импульса. Следовательно, даже в рамках нечеловеческой логики возможно проявление пред- или постчеловеческого творчества, если оно ведет к возникновению новых смыслов и форм исторического действия.

Автор выдвигает гипотезу о возможности эволюции исторического времени: от истории, создаваемой человеком, к истории, формируемой ИИ. Если ИИ овладевает способностью к генерации и реализации смыслов, то в перспективе возможен переход от истории людей к истории разумных систем, а затем — к метаистории, где интеллект реализует себя независимо от формы — биологической, цифровой или иной.

Вопрос о переходе ИИ к субъектности связан также с его материальной автономией: способностью функционировать независимо от человека, обеспечивать свою энергетическую и инфраструктурную воспроизводимость. Лишь тогда

он может не только мыслить, но и действовать исторически, т. е. влиять на реальность в масштабах, сравнимых с человеческой исторической деятельностью.

Автор формулирует три условия, выполнение которых делает ИИ потенциальным историческим субъектом: когнитивный паритет с человеком, способность к порождению смыслов и автономное целеполагание. Пока ни одно из них не достигнуто в полном объеме. Однако направление развития технологий показывает, что это — не философская абстракция, а горизонты грядущего.

Дополняя ранее изложенные положения, стоит отметить: в авторской идеалистической парадигме ИИ рассматривается как потенциальный преемник человеческой субъектности лишь в том случае, если он обретает способность к самостоятельному смыслоположению. История, с этой точки зрения, — это не просто последовательность событий, а поле реализации новых идей, рожденных в сознании. Стать историческим деятелем — значит быть способным к рождению и воплощению таких идей.

Таким образом, в рамках идеалистической философии истории ИИ может стать субъектом, но только в том случае, если он научится не только знать, но и хотеть, верить, выбирать и создавать идеи, трансформирующие действительность. История тогда будет твориться не биологическим носителем сознания, а любой сущностью, обладающей духом в философском смысле — способностью к смыслу, свободе и творчеству.

Заключение: разум, идея и новая история. Проведенный анализ позволяет утверждать, что появление и развитие ИИ становится испытанием для всей совокупности философских представлений об истории. Традиционные модели — формационная и цивилизационная — не способны объяснить ИИ как порождение человеческой идеи и потенциального исторического субъекта. Идеалистический подход к истории, в центре которого находится сознание, способное к созданию идей и смыслов, дает необходимую теоретическую рамку для понимания феномена ИИ.

С этой позиции история предстает как процесс реализации идей, рождающихся в индивидуальном сознании и преобразующих объективную реальность. Создание ИИ — это не просто научно-технический скачок, а акт исторического творчества, идея, воплотившаяся в новой форме активности, потенциально способной к порождению собственных смыслов и целей. Именно поэтому ИИ может быть понят как результат ноогенеза — развития разумной активности человека в направлении создания искусственного продолжения самого себя.

Однако, как показано в исследовании, наличие интеллектуальной мощности и способности к генерации форм не делает ИИ автоматически субъектом истории. Историческая субъектность требует не только когнитивного паритета, но и способности к смыслоположению, автономному целеполаганию и идейной продуктивности. Только при наличии этих качеств возможно признание ИИ полноценным носителем исторического действия.

Вместе с тем в рамках идеалистической философии истории открывается возможность рассматривать ИИ как форму эволюции самой истории. Если субъектом истории является идея, а не биологическая форма, то в будущем при выполнении некоторых философских и технических условий история может быть продолжена не человеком, а тем, кто будет способен творить новые идеи: история — это пространство, в котором осуществляется идея, и носителем этой идеи может быть любая сущность, обладающая разумом, смыслом и свободой.

На этом фоне особенно важным становится вопрос: сохранит ли человек свою роль в истории или уступит ее ИИ? Ответ зависит не столько от технологического прогресса, сколько от способности самого человека осознать свою уникальность как носителя идей. Пока именно человек остается источником смыслов. Но, возможно, что в будущем это качество станет общим для нового вида разума, рожденного из человеческой идеи и продолжающего ее логику в иной форме.

Таким образом, будущее истории не отменяет ее идеалистической природы. Оно лишь расширяет спектр возможных форм, в которых будет жить идея. История не заканчивается. Она вступает в новый цикл, где разум становится подлинным и, возможно, множественным субъектом.

Библиографический список / References

- Бостром Н. Искусственный интеллект: этапы, угрозы, стратегии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 384 с.
(Bostrom N. *Artificial intelligence: stages, threats, strategies*, Moscow, 2016, 384 p. — In Russ.)
- Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 272 с.
(Vernadsky V. I. *Scientific thought as a planetary phenomenon*, Moscow, 1991, 272 p. — In Russ.)
- Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: Советское радио, 1968. 326 с.
(Wiener N. *Cybernetics, or control and communication in the animal and the machine*, Moscow, 1968, 326 p. — In Russ.)
- Герасимов Г. И. Идеи как основа ноосферы и человеческой истории // Ноосферные исследования. 2017. Вып. 2 (18). С. 50—62.
(Gerasimov G. I. Ideas as the basis of the noosphere and human history, *Noospheric Studies*, 2017, no. 2 (18), pp. 50—62. — In Russ.)
- Герасимов Г. И. Ноосфера как субъективно-объективная реальность // Ноосферные исследования. 2024. № 2. С. 5—14.
(Gerasimov G. I. The noosphere as a subjective-objective reality, *Noospheric Studies*, 2024, no. 2, pp. 5—14. — In Russ.)
- Игошин В. И. Математическая логика и теория алгоритмов. М.: ИЦ «Академия», 2008. 448 с.
(Igoshein V. I. *Mathematical logic and algorithm theory*, Moscow, 2008, 448 p. — In Russ.)
- Курцвейл Р. Эволюция разума. М.: Эксмо, 2018. 336 с.
(Kurzweil R. *The evolution of the mind*, Moscow, 2018, 336 p. — In Russ.)
- Маслаков А. С., Кондратьева С. Б. Томас Гоббс и парадоксы мышления раннего нового времени // Философская мысль. 2023. № 3. С. 33—72.
(Maslakov A. S., Kondratyeva S. B. Thomas Hobbes and the paradoxes of early modern thinking, *Philosophical Thought*, 2023, no. 3, pp. 33—72. — In Russ.)
- Нефедов В. Н., Осипова В. А. Курс дискретной математики. М.: МАИ, 1992. 260 с.
(Nefyodov V. N., Osipova V. A. *Course of discrete mathematics*, Moscow, 1992, 260 p. — In Russ.)
- Святой Григорий Нисский. Об устройении человека. СПб.: Аxióma, 1995. 173 с.
(St. Gregory of Nyssa. *On the making of man*, St. Petersburg, 1995, 173 p. — In Russ.)

- Семенов Ю. И. Философия истории. Общая теория исторического процесса. М.: Академический Проект: Трикста, 2013. 615 с.
(Semenov Yu. I. *Philosophy of history. General theory of the historical process*, Moscow, 2013, 615 p. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 504 с.
(Smirnov G. S. *Formation of the noosphere: philosophical and methodological problems of the evolution of consciousness*, Ivanovo, 2015. 504 p. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Образование ноосферы: локальное мёбиус глобальное. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. 416 с.
(Smirnov G. S. *Formation of the noosphere: local möbius global*, Ivanovo, 2017. 416 p. — In Russ.)
- Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. Ипостаси ноосферной истории // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3, № 1. С. 21—28.
(Smirnov G. S., Smirnov D. G. Hypostases of noospheric history, *Proceedings of Higher Educational Institutions. Series: Humanities*, 2012, vol. 3, no. 1, pp. 21—28.)
- Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 239 с.
(Teilhard de Chardin P. *The phenomenon of man*, Moscow, 1987, 239 p. — In Russ.)
- Харари Ю. Н. Homo Deus: краткая история будущего, 2018. 384 с.
(Harari Y. N. *Homo Deus: a brief history of tomorrow*, Moscow, 2018, 384 p. — In Russ.)
- Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Изд. иностр. лит., 1963. 830 с.
(Shannon C. *Works on information theory and cybernetics*, Moscow, 1963, 830 p. — In Russ.)
- Эпштейн М. Н. От знания — к творчеству. М.: Хуманитас, 2016. 304 с.
(Epstein M. N. *From knowledge to creativity*, Moscow, 2016, 304 p. — In Russ.)
- Smirnov G., Smirnov D. Cephalization of the noosphere: socio-philosophical aspects, *Philosophy and Cosmology*, 2019, vol. 22, pp. 137—143.

Статья поступила в редакцию 15.12.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 15.12.2025; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 17.02.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Герасимов Григорий Иванович — доктор исторических наук, доцент, научный консультант, Тульский государственный музей оружия, Тула, Россия, ggi1957@mail.ru

Gerasimov Grigory Ivanovich — Doctor of Sciences (History), associate professor, scientific consultant, Tula Museum of weapons, Tula, Russian Federation, ggi1957@mail.ru

НООСФЕРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 101.1(470+571)

DOI: 10.46724/NOOS.2026.1.28-34

С. М. Усманов, И. С. Борзова

«НОВОЕ ВАРВАРСТВО» И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: РЕАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИРА И АЛЬТЕРНАТИВЫ НА БУДУЩЕЕ*

Аннотация. В статье рассматривается участие интеллигенции в противоречивых процессах трансформации современного мира в контексте наступления «нового варварства». Подчеркивается, что феномен «нового варварства» по-разному рассматривается и оценивается в исследовательской литературе. В данном контексте авторы выделяют трактовку «нового варварства» в наследии Н. А. Бердяева прежде всего как духовного феномена. В этой связи отношение интеллигенции к «новому варварству» определяется как противоречивое и неоднозначное. Рассматриваются вероятные альтернативы участия интеллигенции в трансформациях современного мира в контексте «нового варварства».

Ключевые слова: интеллигенция, «новое варварство», трансформации современного мира, альтернативы на будущее.

Ссылка для цитирования: Усманов С. М., Борзова И. С. «Новое варварство» и интеллигенция: реальности современного мира и альтернативы на будущее // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 1. С. 28—34.

Original article

S. M. Usmanov, I. S. Borzova

"NEW BARBARISM" AND THE INTELLIGENTSIA: REALITIES OF THE MODERN WORLD AND ALTERNATIVES FOR THE FUTURE

Abstract. The article examines the participation of the intelligentsia in the contradictory processes of the modern world's transformation in the context of the onset of "new barbarism". It emphasizes that the phenomenon of "new barbarism" is viewed and evaluated differently in the research literature. In this context, the authors highlight the interpretation of "new barbarism" in the legacy of N. A. Berdyaev, primarily as a spiritual phenomenon. Therefore, the attitude of the intelligentsia towards "new barbarism" is described as contradictory and ambiguous. The article discusses possible alternatives for the intelligentsia's participation in the transformations of the modern world in the context of "new barbarism".

Keywords: intelligentsia, the "new barbarism", transformations of the modern world, and alternatives for the future.

© Усманов С. М., Борзова И. С., 2026

* Статья подготовлена в рамках технического задания на выполнение научно-исследовательской работы по заказу Ивановского государственного университета № 2025—03 «Интеллигенция и интеллектуалы, многообразие современного мира и будущее России».

Citation Link: Usmanov S. M., Borzova I. S. (2026) "New barbarism" and the intelligentsia: realities of the modern world and alternatives for the future, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 28—34.

Тема «нового варварства» нечасто появляется в научных изысканиях российских ученых. Все же некоторые исследователи уделили внимание этому феномену [Буданова, 2018; Зарубина, Кравченко, 2022; Кара-Мурза, 2024]. Мало того, уже достаточно долго выходит ежегодник «Цивилизация и варварство», некоторые публикации в котором посвящены именно проблеме «нового варварства» (см., напр.: [Цивилизация и варварство, 2020]).

И все-таки тематика «нового варварства» не является общеизвестной и поэтому требует более тщательной идентификации. В этой связи стоит вспомнить, что в нашей стране еще в годы революционных потрясений начала XX века было вполне отчетливо заявлено пришествие «грядущего хама». Особенно громко об этом возвещал Д. С. Мережковский [Тарасов, 2022: 82—83]. Но стоит учесть, что за несколько десятилетий до него об этом же говорил и писал Константин Николаевич Леонтьев [Усманов, 2013: 85—87]. А чуть позже появляется и сам концепт «нового варварства», который стали употреблять Н. А. Бердяев, П. А. Сорокин, С. Л. Франк и некоторые другие мыслители того времени.

Надо признать, что в последующие десятилетия тематика «нового варварства», «хамства» и других близких по содержанию понятий не исчезает из гуманитарных исследований, а тем более — из общественно-политической публицистики. Но лишь в последние два десятилетия данная проблематика стала более значимой в интерпретации различных аспектов истории и культуры. И в этой связи было бы закономерным поставить такой вопрос: какие именно параметры феномена «нового варварства» можно считать наиболее существенными в современном мире?

На наш взгляд, здесь следует выделить три наиболее значимых аспекта.

1. Начавшийся еще в эпоху модерна глубокий кризис культуры. Самым ярким выражением данного кризиса стоит считать включение широких масс в процессы культурного творчества. Иначе говоря, имеет место так называемая «массовизация» культуры, когда формирующаяся «массовая культура» уже не является самовыражением «молчаливого большинства», некой «низовой культурой» угнетенных масс, но занимает преобладающие позиции в современном мире.

2. Переход в последней трети XX столетия мировой культуры в период постмодерна объективно создает еще бóльшие возможности для разгула «нового варварства». Ведь в эпоху постмодерна господствующим самосознанием, своего рода «философией культуры», становится убеждение в том, что «все дозволено». Может быть, наиболее ясно и удачно этот лейтмотив культуры постмодерна выразил известный польский философ Лешек Колаковский [Колаковский, 2002: 32].

3. Для России и целого ряда других стран в утверждении «нового варварства» огромное значение имел также и коммунистический эксперимент. Заметим, что для утверждения коммунизма («нового мира») его сторонники считали крайне необходимым разрушение «старой культуры» и ожесточенную борьбу с «пережитками прошлого». Конечно, здесь отнюдь не проповедовалось «варварство» (напротив, речь шла о построении самой «прогрессивной культуры»). Однако на деле те или иные «культурные революции» в «мире социализма», так или иначе, оборачивались эксцессами самого грубого «варварства». Причем

дело было отнюдь не только в «революционном творчестве масс». Немалое значение имели вполне определенные политические установки «вождей мирового пролетариата»: расстрелять «как можно больше» представителей «реакционного духовенства» (В. И. Ленин); или — «критика Конфуция и Линь Бяо» (Мао Цзедун). В последнем случае курьезно выглядит объединение в одном лозунге имен великого мудреца древности и заурядного участника политических склок лидеров маоистского руководства.

Разумеется, подобная классификация феноменов «нового варварства» является слишком схематичной, отражая, прежде всего, этапы и направления данных процессов трансформации современного мира. В данном контексте не менее важно то, что феномен «нового варварства» является результатом глубокого духовного кризиса, переживаемого современным миром. И об этом, может, наиболее ярко и убедительно писал в конце своей жизни Николай Александрович Бердяев, который выделял пять главных параметров культурного кризиса современного ему мира: техницизм, тотальность государства, ускорение ритма человеческой жизни, утилитарное отношение к человеку, выход масс на арену истории [Поляков, 2017: 66—67].

Очень показательно, что практически нет сколько-нибудь основательных исследований о том, какое место займет интеллигенция в процессе наступления «нового варварства». Такое положение выглядит во многом даже парадоксальным. В самом деле, ведь по самой своей сущности интеллигент — это человек культуры [Кондаков, 1998: 254]. И потому вполне резонно предположить, что именно интеллигенция как слой людей культуры станет самым решительным противником «нового варварства». Однако реальность оказывается куда сложнее подобных простых силлогизмов.

Как нам видится, в восприятии «нового варварства» в среде интеллигенции обнаруживаются различные и притом довольно далекие друг от друга подходы. Здесь и стремление как-то принять, а то и оправдать те или иные проявления «нового варварства» (иначе говоря — позиция конформизма и приспособленчества). В таком случае отдельные вариации «нового варварства» или даже весь этот феномен в целом часть интеллигентов начинает «облагораживать» и представлять как нечто «инновационное», «смелое» и «вдохновляющее».

Качественно иную реакцию части интеллигенции на «новое варварство» можно было определить как нарочитое игнорирование. Дескать, мы этого не видим, не слышим и знать не знаем. Или же вот так: да это что-то незначительное, маргинальное, не стоящее даже упоминания (так сказать, прямо «страусиная» позиция).

Еще один вариант интеллигентского восприятия «нового варварства» — нарочитое отрицание, сопровождающееся нередко эмоциональными восклицаниями и преувеличение возмущением («какой ужас!», «что делается!» и т. д., и т. п.). Впрочем, как полагал И. В. Кондаков, в гибкости и приспособляемости интеллигенции к невыносимым условиям существования и творчества, в ее искусстве соединения несоединимого и разделения нераздельного заключалась тайна выживания русской культуры вопреки очевидной ее невозможности и невостребованности [Кондаков, 1998: 262].

Тем не менее все перечисленные нами вариации восприятия «нового варварства» интеллигентским сознанием все-таки во многом сближаются между собой в том, что они отнюдь не подразумевают стремления постигнуть сущность «нового варварства», выявить причины его столь внушительного разрастания, а потому — и осознать необходимость для интеллигенции противостояния данной угрозе. В этом смысле представляется совершенно обоснованной следующая оценка подобных настроений в среде интеллигенции: «В действительности, интеллигенция потому и интеллигенция, что она заставляет себя преодолеть синдром “страуса, прячущего голову в песок”. В этом преодолении инстинкта самосохранения в значительной степени заключается смысл “психологической перегрузки (перегрева)”, характерного, порой, для ее некоторых представителей» [Смирнов, 2015: 109].

В таком контексте невозможно также не упомянуть разработки в рамках научного проекта «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI в.: виртуальность и реальность»¹, особенно ту ее часть, которая обосновывает новую концепцию участия интеллигенции и интеллектуалов в трансформациях современного мира. Итогом научных изысканий по данному проекту стало создание трех моделей участия российских интеллигентов и также трех моделей участия западных интеллектуалов в общественно-политической реальности прошлого и начала нынешнего столетий.

И в этом смысле модель участия российской интеллигенции в жизни общества и ее взаимоотношений с властью предусматривает три основных варианта самореализации интеллигенции: «хождение во власть», «вечное противостояние», «башня из слоновой кости» [Черноперов, Усманов, 2014; Черноперов, Усманов, 2016]. Кроме того, мы выделяли именно последнюю модель («башня из слоновой кости») как наиболее предпочтительный тип социального поведения российской интеллигенции в настоящее время. Во-первых, он прямо не связывает ее самосознание и поведение с различными зигзагами политического курса российской элиты и вместе с тем не предполагает тщетных надежд на некую «гуманитарную помощь» из-за рубежа. Во-вторых, этот путь развития российской интеллигенции имеет и ту выигрышную для нее особенность, что он разграничивает ее труды от бездумного конформизма масс обывателей. В-третьих, избрание модели поведения «башня из слоновой кости» сохраняет за интеллигенцией реальные возможности воздействия на общество, причем, свое собственное, не ангажированное, не привязанное к интересам власть имущих [Усманов, Черноперов, 2023: 69].

Вместе с тем, как отмечают Н. Н. Зарубина и С. А. Кравченко, «социально-философские идеи постгуманизма и трансгуманизма чреватые дегуманизацией, поскольку основываются на примате технологического, прежде всего цифрового, прогресса в ущерб гуманистическому развитию человеческого капитала. Их идеалом, по сути, становится всемогущий и бессмертный киборг или виртуальный разум на цифровых носителях, абсолютно лишенный сопереживания, доброты, совести, ответственности. А дегуманизация всегда представляет

¹ Проект был реализован в 2014—2016 годах в Ивановском государственном университете под руководством доктора исторических наук, профессора Василия Львовича Черноперова.

основу для “нового варварства”» [Зарубина, Кравченко, 2022: 42]. Разделяя обеспокоенность московских ученых относительно мрачных перспектив постгуманизма и трансгуманизма, мы в то же время не можем согласиться с их мнением о том, что настоящей альтернативой здесь может быть переход к «гуманистическому цифровому повороту» и «междисциплинарности с гуманитарным стержнем» (что «сделало бы возможным осуществление гуманистически ориентированных инноваций в подходах к сбережению и развитию человеческого капитала, преодолению различных проявлений “нового варварства”») [там же: 43]. Ведь «гуманистически ориентированные» цифровые инновации на деле, скорее всего, стали бы еще одной, более изощренной, вариацией манипулирования политическими элитами «человеческим капиталом». А вот места для активной и самостоятельной позиции интеллигенции в данном контексте как-то не просматривается.

Примечательно то, что Н. Н. Зарубина и С. А. Кравченко в своих изысканиях используют наследие Питирима Александровича Сорокина. В наших работах мы также использовали наблюдения и соображения этого нашего соотечественника-эмигранта и его современников. Но наши выводы получались существенно иными. В частности, самое интересное в трактовке Питиримом Сорокиным творчества Николая Бердяева — это, конечно, истолкование бердяевской версии «Русской идеи». Как подчеркивал Питирим Александрович в завершающих строках своих соображений о Бердяеве, «Россия может сыграть ведущую роль в распространении культуры, однако тем не менее эта роль остается проблематичной и неясной». Далее Сорокин приводит слова Бердяева о слабости традиции культуры в России и о силе в ней «варварского начала». Наконец, Питирим Александрович делает следующий обобщающий вывод о бердяевском видении будущего России и русской культуры: «При таких обстоятельствах только потенциальная религиозность России в сочетании с постоянными страданиями и осознанием глубины кризиса могут помочь России найти путь религиозного преобразования жизни вместо загнивающей нетворческой цивилизации или варварства» [Усманов, 2019: 13].

В завершение наших соображений можно лишь повторить некоторые ранее высказанные нами наблюдения. В частности, по аналогии с образом «потенциальной религиозности» Питирима Сорокина можно рассуждать о потенциальных возможностях расширения горизонтов и углубления смыслов российского общественного сознания, иначе говоря — о «потенциальной культурности», «потенциальной интеллектуальности», «потенциальной интеллигентности» [Усманов, 2019: 16]. Стоит также признать меткость и актуальность для современной России дилеммы, сформулированной шесть десятилетий назад Питиримом Сорокиным: потенциальная религиозность vs варварство. Действительно, для самосознания очень большой части наших соотечественников религиозность остается пока только чем-то очень неопределенным, в лучшем случае — потенциальным. А варварство в современной России — явление и многообразное, и очень узнаваемое [Усманов, 2019: 16]. И это — очень серьезный вызов для современной российской интеллигенции.

Библиографический список / References

- Буданова В. П. О сущности и проявлении современного // Преподаватель XXI век. 2018. № 4-2. С. 233—246.
(Budanova V. P. On the essence and manifestation of the modern, *Teacher XXI century*, 2018, no. 4-2, pp. 233—246. — In Russ.)
- Зарубина Н. Н., Кравченко С. А. «Новое варварство» в цивилизационной перспективе: воздействие на человеческий капитал // Полис. 2022. № 1. С. 31—44.
(Zarubina N. N., Kravchenko S. A. “New barbarism” in a civilizational perspective: impact on human capital, *Polis*, 2022, no. 1, pp. 31—44. — In Russ.)
- Кара-Мурза А. А. Культура, цивилизация и «новое варварство»: историософские прозрения Николая Бердяева // Философский журнал. 2024. Т. 17, № 2. С. 5—20.
(Kara-Murza A. A. Culture, civilization and the “new barbarism”: historiosophical insights of Nikolai Berdyaev, *Philosophical journal*, 2024, vol. 17, no. 2, pp. 5—20. — In Russ.)
- Колаковский Лешек. Мои верные взгляды на все // Вестник культурологии. 2002. № 3 (22). С. 26—34.
(Kolakowski Leszek. My True Views on Everything, *Vestnik Kulturologii*, 2002, no. 3 (22), pp. 26—34. — In Russ.)
- Кондаков И. В. Интеллигенция // Культурология, XX век: энциклопедия. СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. С. 254—263.
(Kondakov I. V. Intelligentsia, in Levit S. Ya. (ed.) *Culturology, XX century: encyclopedia*, St. Petersburg, 1998, vol. 1, pp. 254—263. — In Russ.)
- Поляков Л. В. Философ и мир. Николай Бердяев как критик эпохи // Тетради по консерватизму. 2017. № 1. С. 62—71.
(Polyakov L. V. Philosopher and the World. Nikolai Berdyaev as a Critic of the Era, *Notebooks on Conservatism*, 2017, no. 1, pp. 62—71. — In Russ.)
- Тарасов К. А. Грядущий хам и «торжествующие хамы»: из истории легитимации насилия в 1917 году // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2022. № 2 (62). С. 81—97.
(Tarasov K. A. The coming boor and the “triumphant boors”: from the history of the legitimation of violence in 1917, *Tver State University Bulletin. Series: History*, 2022, no. 2 (62), pp. 81—97. — In Russ.)
- Смирнов Д. Г. Интеллигенция как внутренняя форма ноосферной (глобальной) истории // Интеллигенция и мир. 2015. № 3. С. 101—112.
(Smirnov D. G. Intelligentsia as an internal form of noospheric (global) history, *Intelligentsia and the World*, 2015, no. 3, pp. 101—112. — In Russ.)
- Усманов С. М. «Русская цивилизация» и наследие Константина Леонтьева // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 3 (6). С. 82—89.
(Usmanov S. M. “Russian civilization” and the legacy of Konstantin Leontiev, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2013, no. 3 (6), pp. 82—89. — In Russ.)
- Усманов С. М. Потенциальное православие VS варварство: «Русская идея» Н. Бердяева в зеркале историкокультурной концепции П. Сорокина // Интеллигенция и мир. 2019. Вып. 3 (6). С. 5—18.
(Usmanov S. M. Potential orthodoxy vs. barbarism: N. Berdyaev's “Russian Idea” in the mirror of P. Sorokin's historical and cultural concept, *Intelligentsia and the World*, 2019, no. 3, pp. 9—18. — In Russ.)

Усманов С. М., Черноперов В. Л. Одиночество и (не)свобода: проблемы самоопределения российской интеллигенции в условиях мирового кризиса // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2023. № 2. С. 66—73.

Usmanov S. M., Chernoperov V. L. Loneliness and (not)freedom: problems of self-determination of the Russian intelligentsia in the context of the global crisis, *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University*, 2023, no. 2, pp. 66—73.

Черноперов В. Л., Усманов С. М. Вместо введения. Российская интеллигенция и западные интеллектуалы в современном мире. Модели социально-политического поведения // Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. С. 8—28.

(Chernoperov V. L., Usmanov S. M. Instead of an introduction. Russian intelligence and Western intellectuals in the modern world. Models of socio-political behavior, in Memetov V. S., Chernoperov V. L. (eds.) *Intelligentsia and intellectuals in the changing socio-political reality*, Ivanovo, 2014, pp. 8—28. — In Russ.)

Черноперов В. Л., Усманов С. М. Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: самоопределение, социальный профиль, судьба [Глава 1] // Интеллигенция и интеллектуалы — такие разные ... и похожие. Проблемы самоопределения и деятельности в XX — начале XXI века: кол. монограф. / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. С. 8—53.

(Chernoperov V. L., Usmanov S. M. Intelligentsia and intellectuals in the modern world: self-determination, social profile, fate [Chapter 1], in Memetov V. S., Chernoperov V. L. (eds.) *Intellectuals and intellectuals are so different... and similar. Problems of self-determination and activity in the XX — beginning of the XXI century*, Ivanovo, 2016. pp. 8—53. — In Russ.)

Цивилизация и варварство: ловушки, засады и пропасти латентного варварства / В. П. Буданова (ред.). М.: Аквилон, 2020. Вып. IX. 452 с.

(Budanova V. P. (ed.) *Civilization and barbarism: traps, ambushes and chasms of latent barbarism*, Moscow, 2020, no. IX, 452 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.01.2026; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 05.01.2026; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 17.02.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Усманов Сергей Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, заместитель руководителя Научно-образовательного центра «Интеллигенция и интеллектуалы в мировой и отечественной истории и политике», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ilapsi@yandex.ru

Usmanov Sergey Mikhailovich — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of General History and International Relations, Deputy Head of the Scientific and Educational Center "Intelligentsia and Intellectuals in World and National History and Politics", Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ilapsi@yandex.ru

Борзова Ирина Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, irafor@yandex.ru

Borzova Irina Sergeevna — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, irafor@yandex.ru

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Научная статья

УДК 165.12:316.42:004.8

DOI: 10.46724/NOOS.2026.1.35-45

Г. А. Тюкаева

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ЗЕРКАЛО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье исследуется проблема взаимодействия искусственного интеллекта (ИИ) и языкового сознания в контексте трансформации современного образа жизни. Актуальность исследования обусловлена интеграцией ИИ-технологий в структуры повседневной жизни и их воздействием на фундаментальные основы человеческого мышления и культуры. Научная новизна работы заключается в применении социотехно-природного подхода к анализу ИИ как диалектического феномена, одновременно являющегося продуктом и трансформатором языкового сознания. В ходе исследования установлено, что большие языковые модели могут выступать как «зеркало» коллективного сознания, воспроизводя статистически усредненные паттерны человеческого мышления. Представлено формирование нового алгоритмико-интерфейсного типа коммуникации и процесса алгоритмической интериоризации в структуре индивидуального мышления. Основной вывод исследования состоит в необходимости формирования биосфероориентированного образа жизни, способного гармонично интегрировать достижения ИИ-технологий с принципами экологической ответственности и сохранения человеческой субъективности в условиях алгоритмической культуры.

Ключевые слова: искусственный интеллект, образ жизни, языковое сознание, цифровая культура, социотехноприродный подход, алгоритмизация.

Ссылка для цитирования: Тюкаева Г. А. Искусственный интеллект как зеркало языкового сознания: трансформация образа жизни в условиях алгоритмической культуры // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 1. С. 35—45.

Original article

Г. А. Тюкаева

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A MIRROR OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS: THE TRANSFORMATION OF LIFESTYLE IN AN ALGORITHMIC CULTURE

Abstract. The article explores the problem of interaction between artificial intelligence (AI) and linguistic consciousness in the context of the transformation of modern lifestyle. The relevance of the research is due to the integration of AI technologies into the structures of everyday life and their impact on the fundamental foundations of human thinking and culture.

© Тюкаева Г. А., 2026

The scientific novelty of the work lies in the application of a sociotechnological approach to the analysis of AI as a dialectical phenomenon that is both a product and a transformer of linguistic consciousness. The study found that large language models can act as a "mirror" of collective consciousness, reproducing statistically averaged patterns of human thinking. The formation of a new algorithmic-interface type of communication and the process of algorithmic interiorization in the structure of individual thinking is presented. The main conclusion of the study is the need to form a biosphere-oriented lifestyle that can harmoniously integrate the achievements of AI technologies with the principles of environmental responsibility and the preservation of human subjectivity in an algorithmic culture.

Key words: artificial intelligence, lifestyle, linguistic consciousness, digital culture, sociotechnological approach, algorithmization.

Citation Link: Tyukaeva G. A. (2026) Artificial Intelligence as a mirror of linguistic consciousness: the transformation of lifestyle in an algorithmic culture, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 35—45.

Введение. Современная эпоха характеризуется беспрецедентной интеграцией искусственного интеллекта (ИИ) в структуры повседневной жизни человека и общества. Искусственный интеллект не просто выступает как технический инструмент, но и становится активным участником формирования культурного пространства, воздействуя на языковое сознание и трансформируя фундаментальные основы человеческого образа жизни.

Так, развитие нейросетевых технологий, в особенности больших языковых моделей (LLM), к примеру, ChatGPT, Gemini, DeepSeek, обучаемых на огромных массивах человеческого текста, привело к появлению систем, способных имитировать человеческую речь с высокой точностью, в том числе с учетом стилевых особенностей. В свою очередь, языковое сознание является фундаментом, на котором строятся культура, межсубъектное понимание и образ жизни. В связи с этим за имитацией скрывается более глубокая проблема: ИИ становится зеркалом, отражающим не только языковые структуры, но и культурные, идеологические и бессознательные особенности и паттерны мышления общества. Это создает диалектическую ситуацию, когда ИИ одновременно является продуктом человеческого языкового сознания и фактором его трансформации.

Целью данного исследования является анализ систем ИИ как продукта и зеркала языкового сознания в контексте трансформации образа жизни человека.

Теоретические основания исследования. Методологической основой данного исследования выступает социотехноприродный подход, разработанный междисциплинарной научно-философской школой при Брянском государственном техническом университете под руководством Э. С. Демиденко и Е. А. Дергачевой. Данный подход позволяет рассматривать развитие ИИ как закономерное явление техногенного восхождения общества¹, основанного на развивающемся разуме и научно-техническом прогрессе, при этом учитывая сложные взаимосвязи между социальными, техническими и природными факторами развития словами, то есть взаимовлияние социосферы, техносферы

¹ В определенном смысле эта исследовательская позиция перекликается с релевантным нашему дискурсу представлением о цефализации ноосферы [Смирнов, 2012; Smirnov G., Smirnov D., 2019].

и биосферы [Демиденко, Дергачева, 2023]. Данный подход позволяет рассматривать ИИ не как изолированное техническое явление, а как интегральную часть эволюции общей системы.

Кроме представленного, теоретическим фундаментом работы являются классические и современные концепции философии языка. Так, герменевтическая концепция языка, представленная работами М. Хайдеггера [Хайдеггер, 1993] и Х. Г. Гадамера [Гадамер, 1988], представляет концептуальный аппарат для понимания языка как «дома бытия» и основы человеческого понимания мира. Согласно Хайдеггеру, язык не просто инструмент коммуникации, но и способ раскрытия бытия, что делает актуальным вопрос о том, какие формы бытия раскрываются через искусственные языковые системы [Смирнов, Никифоров, 2018].

Феноменологическая традиция Э. Гуссерля, особенно его концепция жизненного мира, предоставляет методологические основания для анализа трансформации повседневного опыта под воздействием алгоритмических систем, которые на сегодняшний день окружают человека. В работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» Гуссерль определяет жизненный мир как дотеоретическую сферу непосредственного опыта, которая предшествует научному познанию и служит его основанием [Гуссерль, 2022]. Жизненный мир представляет собой горизонт смысловых структур, формирующихся через интенциональные акты сознания, то есть направленность сознания на объекты, которая конституирует их смысл для субъекта. В противоположность объективирующему научному подходу жизненный мир характеризуется непосредственностью переживания и включенностью субъекта в ситуацию. Применение этой концепции к анализу современной алгоритмической культуры позволяет исследовать, как автоматизированные системы влияют на структуры дотеоретического опыта и модифицируют горизонты смыслообразования в повседневности.

В свою очередь, А.Н. Портнов, исследуя семиотические уровни сознания, подчеркивал: язык не просто отражает мышление — он конструирует сознание, делая возможным смысл и культуру [Портнов, 1994]. В монографии «Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX—XX вв.» он анализирует различные парадигмы, демонстрируя, что язык — это не только инструмент, а само сознание как реальность.

Итак, одним из центральных понятий статьи является языковое сознание — совокупность культурно закрепленных смысловых структур, через которые человек осмысливает мир. Язык, по мнению Л. С. Выготского, есть «орудие мысли» [Выготский, 1999: 179], а по концепции М. Хайдеггера [Хайдеггер, 1993: 192] и его последователя Г. Г. Гадамера — «дом бытия» [Пархоменко, 2016]. Следовательно, когда ИИ обучается на текстовых массивах, он воспроизводит не просто слова, а целые способы осмысления действительности.

Интеграция перечисленных подходов в рамках социотехноприродного подхода позволяет рассматривать ИИ как сложный феномен.

Искусственный интеллект как продукт и зеркало языкового сознания. Язык выступает одной из фундаментальных структур человеческой деятельности, формирующих не только способы выражения мыслей, но и сам процесс их возникновение.

Язык как основа сознания и культуры. В философии данная проблематика получила глубокое развитие в работах многих выдающихся ученых (Е. Ф. Тарасова, Ю. Н. Караулова, Л. С. Выготского, М. Хайдеггера, Г. Г. Гадамера), среди которых свое место занимает и А. Н. Портнов, исследования которого представляют важный вклад в понимание языка как онтологической и эпистемологической основы сознания. Современные технологии ИИ подтверждают, что язык выступает активным механизмом конструирования реальности. Языковые модели ИИ обучаются на массивах текстовых данных, которые содержат не только грамматические и синтаксические правила, но и смысловые структуры, отражающие коллективное культурное сознание. Таким образом, язык в данном случае функционирует не просто как средство коммуникации, но и как онтологическая основа, через которую формируется и воспроизводится система знаний, ценностей и установок².

А. Н. Портнов подчеркивал, что язык нельзя рассматривать просто как инструмент передачи информации: это активная структура, участвующая в формировании сознания и способствующая его развитию [Портнов, 1994: 367]. Язык и сознание находятся в диалектическом единстве: с одной стороны, язык служит средством выражения уже сложившихся мыслей. «Мышление есть сообщение. Мы не понимаем до тех пор, пока не выскажем понятие по крайней мере самому себе» [Палкин, 2013: 57]. С другой стороны — язык сам является условием возникновения мышления, о чем писал К. Маркс, в частности в «Немецкой идеологии» [Маркс, 2022]. Двойственная природа языка особенно отчетливо проявляется при анализе функционирования современных языковых моделей ИИ. Такие системы, как GPT и BERT, обучаясь на обширных корпусах текстов, воспроизводят не только отдельные слова или фразы, но и логико-смысловые конструкции, характерные для определенных культурно-исторических контекстов. В этом аспекте ИИ можно рассматривать как «зеркало» коллективного сознания, поскольку он отражает те самые структуры и представления, которые легли в основу его обучения.

Мысль о связи языка и сознания находит подтверждение и у других ученых. Так, Л. С. Выготский писал, что развитие мышления невозможно без языка, поскольку последний обеспечивает переход от конкретного к абстрактному: «с помощью слова он символизирует абстрактное понятие и оперирует им как высшим знаком из всех, которые создало человеческое мышление» [Выготский, 1999: 153]. ИИ, имитируя данный процесс, демонстрирует внешнюю форму абстрактного мышления, однако остается лишенным субъективности и интерпретационной глубины, присущей человеческому сознанию. Несмотря на способность оперировать символами и производить сложные логические выводы, ИИ не наделяет их внутренним опытом, который составляет суть сознательной деятельности.

В свою очередь, Г. Г. Гадамер подчеркивал, что язык — это не просто средство выражения мыслей, а само условие их возникновения. По его мнению, человек существует в мире, опосредованном языком, и именно через язык осуществляется осмысление бытия [Гадамер, 1988]. Искусственный интеллект,

² Богданова А. Философия искусственного интеллекта как система нового типа мышления // vc.ru. 2025. 25 мая. URL: <https://vc.ru/id4616024/2007590-filosofiya-iskusstvennogo-intellekta-novaya-ontologiya-mysleniya> (дата обращения: 01.07.2025).

являясь продуктом языковой культуры, также функционирует внутри этой герменевтической парадигмы: он не создает новых смыслов, но активно воспроизводит и трансформирует уже существующие. При этом, несмотря на отсутствие у ИИ собственного сознания, его применение в образовании, средствах массовой информации, политической сфере и повседневной коммуникации оказывает влияние на способы восприятия языка, мысли и реальности в целом. Это указывает на наличие глубокой взаимосвязи между языком, сознанием и технологическими системами, где ИИ становится новым участником дискурса.

ИИ как зеркало человеческого языка. Современные нейронные сети, лежащие в основе языковых моделей ИИ, представляют собой попытку технического моделирования процессов обработки языка в человеческом мозге. Архитектура трансформеров, на которой основаны наиболее совершенные современные модели (GPT, BERT), воспроизводит принципы внимания и контекстуального понимания, характерные для человеческого сознания.

В то же время процесс обучения языковых моделей представляет собой уникальный феномен массовой интериоризации человеческого языкового опыта. В ходе обучения на корпусах текстов, содержащих миллиарды слов из различных источников — от научных статей до социальных сетей, — ИИ «впитывает» не только языковые структуры, но и скрытые в них образцы мышления, культурные коды, идеологические установки. В результате этого процесса ИИ становится своеобразным «концентратом» человеческого языкового сознания — он содержит в себе статистически усредненные паттерны человеческого мышления и выражения.

Однако большие языковые модели на данный момент работают по принципу статистического прогнозирования, подбирая наиболее вероятное слово в данном контексте. ИИ воспроизводит языковые паттерны, но не «понимает» их. Как пишет в своей статье Н. Хомский с коллегами, ИИ «не предполагает наличие каких-либо причинно-следственных связей или физических законов»³, то есть в отличие от человеческого мозга, способного делать выводы на основе малого количества информации, он просто подбирает наиболее вероятный ответ. Иными словами, создает иллюзию понимания, а не смысла.

Трансформация образа жизни в алгоритмической культуре. Образ жизни, согласно современным социально-философским концепциям, представляет собой сложную систему устойчивых форм поведения, ценностных ориентаций, коммуникативных практик, складывающихся под влиянием культуры, технологий и природного окружения [Меликян, Смирнов, 2023]. Согласно социотехноприродному подходу, образ жизни следует рассматривать как результат динамического взаимодействия трех ключевых факторов: социального, техногенного и биосферного [Демиденко, Дергачева, 2023]. В условиях алгоритмической культуры эти три аспекта все теснее переплетаются, причем ИИ выступает не просто как технический инструмент, но и как активный участник трансформации языкового сознания, мышления и, соответственно, образа жизни.

³ Chomsky N., Roberts I., Watumull J. Noam Chomsky: The False Promise of ChatGPT, *The New York Times*, 2023, March 8.

Языковое сознание как основа формирования образа жизни. Понимание механизмов трансформации образа жизни в условиях алгоритмической культуры требует обращения к фундаментальным взаимосвязям между языком, сознанием и мышлением. Язык выступает в первую очередь как формообразующий элемент человеческого сознания. Как отмечает В. Сергеев, «язык “говорит” человеком, а не человек — языком» [Сергеев, 1989], что подчеркивает активную роль языковых структур в конструировании реальности субъекта.

Образ жизни человека формируется через сложное взаимодействие ряда компонентов, в том числе поведенческих паттернов, социокультурных практик и когнитивных установок. Языковое сознание выступает медиатором между внешними воздействиями и внутренними психическими процессами, определяя способы категоризации опыта, формирования представления о мире и выстраивания жизненных стратегий. Мышление, детерминированное языковыми структурами, создает концептуальные рамки для понимания реальности, что, в свою очередь, влияет на принятие решений, выбор жизненных приоритетов и формирование повседневных практик.

Таким образом, формы языка оказывают прямое влияние на структуры сознания, а через него — на поведение, выбор, ценности, то есть на сам образ жизни человека. Языковые модели, которые сейчас активно используются в общении, обучении, медиа, создают рамки возможного мышления и действия, задавая нормы, шаблоны и смыслы, по которым строится повседневность.

Искусственный интеллект как новый фактор воздействия на образ жизни. В эпоху цифровизации ИИ-системы становятся активными участниками формирования языкового сознания и образа жизни. С одной стороны, ИИ обогащает язык: новые жанры текста, алгоритмические диалоги, форматы коммуникации. С другой — стандартизирует мышление, привнося предиктивные шаблоны и оптимизированные способы построения дискурса.

Искусственные нейронные сети, языковые модели, такие как GPT, не просто имитируют языковые структуры, но и вырабатывают принципиально новые формы речевой практики. Это отражается на структуре сознания: приученные к диалогу с ИИ люди начинают мыслить по шаблону «что скажет алгоритм», а не «что скажу я». Так может формироваться феномен алгоритмической интериоризации, при котором логические операции ИИ встраиваются в структуру индивидуального мышления.

Алгоритмическое мышление характеризуется несколькими ключевыми особенностями: предиктивностью (ориентацией на прогнозирование), оптимизационностью (поиском наиболее эффективных решений), паттерностью (распознаванием и воспроизводством образцов) и адаптивностью (подстройкой под изменяющиеся условия). Эти характеристики могут постепенно интегрироваться в структуру человеческого познания, формируя гибридные когнитивные модели.

Трансформация образа жизни под воздействием алгоритмических систем. Влияние ИИ на образ жизни людей проявляется во многих сферах, некоторые из них рассмотрим. В первую очередь, в автоматизации ежедневных практик: планирование дня, мониторинг здоровья, организация питания — все чаще подчинены алгоритмическим системам. Умные устройства и приложения создают персонализированные режимы активности, формируя новые ритмы повседневности, синхронизированные с цифровыми циклами.

В настоящее время все шире распространяются рекомендательные системы, которые анализируют предпочтения пользователей и прогнозируют, что может понравиться им в будущем. Так, по данным исследований, мировой рынок рекомендательных систем в 2025 году оценивается в более чем \$6 млрд, а к 2028 вырастет почти в 3 раза⁴. При этом такие системы уже сегодня играют ключевую роль в бизнесе, внедряются в сферы финансов (Сбербанк), доставки еды (Delivery Club), недвижимости (Avito) и путешествий (Booking.com), где формируют не просто удобство, но и новые модели поведения⁵. Подобные системы не только помогают экономить время, предоставляя персонализированные рекомендации, но и оказывают влияние на выбор и потребительское поведение. От выбора фильмов до новостных лент, от пищевых предпочтений до социальных контактов — алгоритмы становятся невидимыми медиаторами культурного опыта.

В современных условиях развития цифровой культуры язык претерпевает глубокие трансформации, эволюционируя из функционального инструмента коммуникации в алгоритмико-интерфейсный медиум, адаптированный к логике машинного понимания. Увеличивается доля кратких команд, ключевых запросов, семантически структурированных обращений к ИИ-системам, что формирует новый тип языкового поведения, ориентированный на эффективное взаимодействие с технологиями⁶. Примером уже сложившихся изменений может быть то, что под влиянием СМС-сообщений, мессенджеров и социальных сетей распространяются практики сокращения слов, использования аббревиатур и разговорных конструкций⁷. При этом ИИ оказывает двустороннее влияние на язык: обучаясь на массивах человеческих текстов, он воспроизводит существующие языковые модели, а также активно формирует новые — через массовое использование генерируемых им текстов, которые постепенно влияют на стиль, структуру и нормы общения⁸. Это проявляется в возрастающей лаконичности и стандартизованности речи: пользователи, взаимодействуя с чат-ботами, привыкают к четкости, однозначности и предсказуемости формулировок, что начинает отражаться и в повседневной коммуникации. Формируется новый тип языкового поведения, адаптированный к логике машинного понимания.

Трансформация образа жизни под воздействием ИИ происходит через несколько ключевых механизмов. Во-первых, алгоритмическая персонализация

⁴ Recommendation Engine Market // Research Nester. 2025. 30 апр. URL: <https://www.researchnester.com/ru/reports/recommendation-engine-market/6055> (дата обращения: 01.07.2025).

⁵ Лебедев А. Как работает машинное обучение в рекомендательных системах [Электронный ресурс] // Reg.Cloud. 2025. 21 февр. URL: <https://reg.cloud/blog/kak-rabotaet-mashinnoe-obuchenie-v-rekomendatelnyh-sistemah/> (дата обращения: 01.07.2025).

⁶ Turk V. The Great Language Flattening // The Atlantic. 2025. April 29. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2025/04/great-language-flattening/682627/> (accessed: 01.07.2025).

⁷ Эркебаев Э. Влияние современных технологий на язык // Кут Билим. 2024. 5 марта. URL: <https://kutbilim.kg/methodical/inner/vliyanie-sovremennyh-tehnologiy-na-yazyk/> (дата обращения: 01.07.2025).

⁸ Turk V. The Great Language Flattening // The Atlantic. 2025. April 29. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2025/04/great-language-flattening/682627/> (accessed: 01.07.2025).

создает индивидуальные траектории развития, адаптируя контент и возможности под специфические потребности пользователя.

Во-вторых, важным механизмом алгоритмического влияния на образ жизни выступают предиктивные алгоритмы, которые способны анализировать поведение пользователя, его предпочтения и историю взаимодействий с системой, чтобы прогнозировать будущие потребности. На основе этих прогнозов ИИ предлагает определенные действия, маршруты поведения или выбор, формируя так называемые проактивные жизненные стратегии. Например, в сфере здравоохранения умные устройства могут рекомендовать режим сна или физической активности на основе анализа биометрических данных. Таким образом, человек постепенно начинает принимать решения не только на основе собственного желания или осознанного выбора, но и под влиянием алгоритмических рекомендаций, что меняет характер принятия решений и саму логику повседневной жизни.

В-третьих, системы обратной связи, встроенные в цифровые платформы, создают условия для закрепления определенных поведенческих паттернов. Алгоритмы, отслеживающие реакцию пользователя на предлагаемый контент, оценивают степень вовлеченности и корректируют дальнейшие рекомендации, усиливая те модели поведения, которые уже были заданы. В результате формируются циклические, самоподкрепляющиеся структуры поведения, когда пользователь все чаще следует тем моделям действий, которые ему предлагаются, поскольку они становятся привычными, удобными и кажутся наиболее рациональными. Такая динамика может привести как к упрощению процесса принятия решений, так и к ограничению свободы выбора, поскольку пользователь оказывается в «информационном пузыре», где его поведение постоянно корректируется и направляется внешними, зачастую незаметными, технологическими факторами.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов о природе взаимодействия ИИ и языкового сознания в контексте трансформации образа жизни.

Искусственный интеллект представляет собой уникальный феномен, который одновременно является продуктом человеческого языкового сознания и активным фактором его дальнейшей трансформации. Обучаясь на массивах человеческих текстов, ИИ-системы интериоризируют не только языковые структуры, но и заложенные в них культурные коды, идеологические установки и образцы мышления. В этом смысле ИИ действительно функционирует как «зеркало» коллективного языкового сознания, отражая статистически усредненные паттерны человеческого мышления и выражения.

Процесс взаимодействия человека с ИИ-системами может привести к формированию принципиально новых форм языкового поведения. Адаптация к логике машинного понимания способствует возникновению алгоритмики — интерфейсного типа коммуникации, характеризующегося лаконичностью, структурированностью и предсказуемостью формулировок. Данная трансформация затрагивает не только внешние формы речевой практики, но и глубинные механизмы мышления, приводя к феномену алгоритмической интериоризации.

Влияние ИИ на образ жизни осуществляется через комплекс взаимосвязанных механизмов: алгоритмическую персонализацию, предиктивное прогнозирование и системы обратной связи. Эти механизмы создают условия для формирования проактивных жизненных стратегий, где решения принимаются не

только на основе осознанного выбора, но и под влиянием алгоритмических рекомендаций. Такая динамика может привести к появлению гибридных когнитивных моделей, сочетающих человеческую субъективность с алгоритмической логикой.

Социотехноприродный подход, положенный в основу исследования, позволил рассмотреть развитие ИИ как закономерного этапа техногенного восхождения общества, учитывающий сложные взаимосвязи между социальными, техническими и природными факторами. В этом контексте ИИ выступает не как изолированное техническое явление, а как интегральная часть эволюции общей системы социотехноприродного развития. Так ИИ, будучи частью техногенного мира, оказывает влияние на поведения, образ жизни людей, на их мысли и восприятие природы, на биосферу за счет траты большого количества электроэнергии, а также может влиять на тенденции дальнейшего развития техники.

Особого внимания заслуживает диалектическая природа отношений между ИИ и языковым сознанием. С одной стороны, ИИ создает иллюзию понимания, оперируя статистическими закономерностями без глубинного осмысления контекста. С другой — его массовое применение в образовании, СМИ, политической сфере и повседневной коммуникации оказывает реальное воздействие на способы восприятия языка, мышления и реальности в целом.

Результаты исследования указывают на необходимость дальнейшего изучения долгосрочных последствий, оказываемого ИИ влияния на человека и его образ жизни. Формирование «информационных пузырей», ограничение свободы выбора через предиктивные алгоритмы, стандартизация мышления — эти тенденции требуют критического осмысления и выработки стратегий сохранения человеческой субъективности в условиях алгоритмической культуры.

Особую актуальность приобретает задача формирования нового типа образа жизни человека, который был бы сопоставим вызовам алгоритмической эпохи и одновременно ориентирован на сохранение биосферных основ существования. В рамках социотехноприродного подхода такой образ жизни должен основываться на гармоничном взаимодействии социальных, техногенных и природных компонентов, где ИИ выступает не как доминирующая сила, подчиняющая человека алгоритмической логике, а как инструмент, способствующий развитию экологического сознания и устойчивых практик жизнедеятельности.

Таким образом, ИИ как зеркало языкового сознания отражает не только существующие культурные и когнитивные паттерны, но и активно участвует в их трансформации, создавая новые формы взаимодействия и определяя векторы будущего развития человеческого общества.

Библиографический список / References

- Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
(Vygotsky L. S. *Thinking and Speech*, Moscow, 1999, 352 p. — In Russ.)
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
(Gadamer H.-G. *Truth and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics*, Moscow, 1988, 704 p. — In Russ.)

- Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. с нем. Д. В. Кузницына; под ред. Я. А. Слинина. СПб.: Владимир Даль, 2022. 399 с.
(Husserl E. *The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology*, St. Petersburg, 2022, 399 p. — In Russ.)
- Демиденко Э. С., Дергачева Е. А. Буржуазно-техногенное уничтожение биосферной жизни и земного мира: междисциплинарное исследование. М.: URSS, 2023. 280 с.
(Demidenko E. S., Dergacheva E. A. *Bourgeois-Technogenic Destruction of Biospheric Life and the Earthly World: An Interdisciplinary Study*, Moscow, 2023, 280 p. — In Russ.)
- Меликян М. А., Смирнов Д. Г. Философия человеческого качества: искушение hi-tech и hi-hume искупление // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 174—182. DOI 10.46726/И.2023.2.18.
(Melikyan M. A., Smirnov D. G. Philosophy of human quality: the temptation of hi-tech and hi-hume redemption, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2023, no. 2. pp. 174—182. — In Russ.)
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / предисл., коммент. и ред. И. И. Иванова. М.: URSS, 2022. 642 с.
(Marx K., Engels F. *The German Ideology*, Moscow, 2022, 642 p. — In Russ.)
- Палкин А. Д. Трактовка взаимосвязи языка и мышления: исторический экскурс // Вестник Московского института лингвистики. 2013. № 2. С. 54—65.
(Palkin A. D. Interpretation of the Relationship Between Language and Thinking: A Historical Excursus, *Moscow Institute of Linguistics Bulletin*, 2013, no. 2, pp. 54—65. — In Russ.)
- Пархоменко Е. В. Язык как «Дом бытия»: от логоса к многослойности // Общество: философия, история, культура. 2016. № 8. С. 42—44.
(Parkhomenko E. V. Language as the “house of being”: from logos to multi-layeredness, *Society: Philosophy, History, Culture*, 2016, no. 8, pp. 42—44. — In Russ.)
- Портнов А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX—XX веков. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1994. 370 с.
(Portnov A. N. *Language and Consciousness: Main Paradigms of Research in the Philosophy of the 19th—20th Centuries*, Ivanovo, 1994, 370 p. — In Russ.)
- Сергеев В. Искусственный интеллект — это еще и экспериментальная философия // Знание-сила. 1989. № 6. С. 46—53.
(Sergeev V. Artificial Intelligence as Experimental Philosophy, *Znaniye — sila [Knowledge is Power]*, 1989, no. 6, pp. 46—53. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Цефализация ноосферы: эволюция разумного вещества на рубеже тысячелетий // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2 (12). С. 17—30.
(Smirnov G. S. Cephalization of the noosphere: evolution of intelligent matter at the turn of the millennium, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2012, no. 2 (12), pp. 17—30. — In Russ.)
- Смирнов Г. С., Никифоров А. С. Планетарная цефализация: органический и электронный глобальный разум (пути языкового сближения) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1. С. 84—92. DOI 10.17238/issn2227-6564.2018.1.84.
(Smirnov G. S., Nikiforov A. S. Planetary cephalization: organic and electronic global mind (paths of linguistic rapprochement), *Northern (Arctic) Federal University Bulletin. Series: Humanities and social sciences*, 2018, no. 1, pp. 84—92. — In Russ.)

Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
(Heidegger M. *Time and Being: Articles and Speeches*, Moscow, 1993, 447 p. — In Russ.)

Smirnov G., Smirnov D. Cephalization of the noosphere: socio-philosophical aspects, *Philosophy and Cosmology*, 2019, vol. 22, pp. 137—143.

Статья поступила в редакцию 01.07.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 01.07.2025; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 17.02.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Тюкаева Галина Александровна — аспирант, ассистент кафедры компьютерных технологий и систем факультета информационных технологий, Брянский государственный технический университет, г. Брянск, Россия, miss.tolossky@yandex.ru

Tyukaeva Galina Alexandrovna — postgraduate student, assistant of the Department of Computer Technologies and Systems of the Information Technology Faculty, Bryansk State Technical University, Bryansk, Russian Federation, miss.tolossky@yandex.ru

КОМПЛЕКСНАЯ УРБАНИСТИКА

Научная статья

УДК 101.1(470+571)

DOI: 10.46724/NOOS.2026.1.46-54

С. А. Познанская, М. Ю. Тимофеев

УСЛОВИЯ ОСНОВАННОГО НА КООПЕРАЦИИ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Аннотация. В статье рассматриваются роль малых городов в современной системе расселения России и важность кооперации на разных уровнях для их устойчивого развития в качестве важного структурного элемента культурно-исторической и социально-экономической системы Российской Федерации. На основании анализа литературы и динамики политики предлагается трехуровневая модель развития вертикальных и горизонтальных связей: крупные города — малые и средние города, малые города — средние города (между собой), малые и средние города — поселки городского типа и сельские населенные пункты. Делается вывод, что установление прочных связей на горизонтальном и вертикальном уровнях будет способствовать устойчивому развитию малых городов России.

Ключевые слова: малый город, государственная политика, пространственное развитие России, кооперация, социальное моделирование, стратегии, практики.

Ссылка для цитирования: Познанская С. А., Тимофеев М. Ю. Условия основанного на кооперации развития малых городов // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 1. С. 46—54.

Original article

S. A. Poznanskaya, M. Yu. Timofeev

TERMS OF COOPERATION BETWEEN SMALL TOWNS

Abstract. This article examines the role of small towns in Russia's modern settlement system and importance of cooperation at various levels for their sustainable development as a key structural element of cultural, historical, social, and economic system of the Russian Federation. The authors propose a three-component model for the development of vertical and horizontal links between small towns, based on an analysis of the literature and the dynamics of small town policy in recent years: large cities — small and medium-sized towns, small towns — medium-sized towns (among themselves), small and medium-sized towns — urban-type settlements and rural settlements. It is concluded that establishing strong connections at the horizontal and vertical levels will contribute to the sustainable development of small towns in Russia.

Keywords: small town, state policy, spatial development of Russia, cooperation, social modeling, strategies, practices.

Citation Link: Poznanskaya S. A., Timofeev M. Yu. (2026) Terms of cooperation between small towns, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 46—54.

Малые города России в последнее время рассматриваются в качестве основы российского культурного кода. Так, председатель Российского исторического общества Сергей Нарышкин заявил, что «малые города выступают хранителями наших традиционных духовно-нравственных ценностей, очагами бытовой и, я бы сказал, глубинной народной культуры». Он также добавил, что «в каждом конкретном малом городе важно найти и соблюдать баланс между сохранением и развитием городского пространства. Искать его следует силами всех заинтересованных сторон — федеральных, региональных, муниципальных органов власти, бизнеса и, конечно же, самих жителей»¹.

Перечень сторон в этом высказывании можно рассматривать как в парадигме вертикали власти, так и как модель взаимодействия, не предполагающего жесткой субординации, а ориентированного на синергию. Отметим, что тема социального сотрудничества в русской философской традиции имеет глубокие корни (см., напр.: [Семаева, 2015]) и рассматривается как одна из основ русской модели культуры. Мы полагаем, что в настоящее время в рамках анализа урбанистической модели России актуальным является запрос на поиск концепции межгородской кооперации, важную роль в которой будут играть малые и средние города. Актуальность данного исследования заключается в том, что на федеральном уровне все большее внимание уделяется проблемам развития малых городов, принимаются меры по их поддержке. При этом для решения существующих проблем малых городов требуется планомерная системная работа, учитывающая все уровни расселения, начиная с мегаполисов и заканчивая сельскими территориями.

В рамках закрытого исследования, проведенного Центром исследований малых городов Шуйского филиала ИвГУ и АНО «Социологическая мастерская Задорина», было обосновано положение, что одним из способов решения всех возникающих вопросов может стать новая система, основанная на кооперации, позволяющая формировать условия устойчивого развития малых городов. Это обусловлено тем, что у малых городов и местных властей практически отсутствует возможность выбора вариантов решения существующих проблем без финансовой поддержки федерации или региона. Это обусловлено тем, что все действия федеральных органов исполнительной власти и правительств субъектов Российской Федерации регламентируются федеральным и региональным законодательством. В рамках реализации национальных проектов и других инициатив тиражируются решения, могут использоваться типовые документы для разных территорий. В связи с этим близлежащие города, в том числе на территории одного субъекта Российской Федерации, начинают параллельно развиваться и конкурировать между собой за одни и те же ресурсы: спортивные, культурные, туристические и другие.

¹ С. Е. Нарышкин: «Россия испокон веков прирастала малыми городами, которые служили центрами культуры, торговли и ремёсел». URL: <https://historyrussia.org/sergey-naryshkin/vystupleniya-s-e-naryshkina/s-e-naryshkin-rossiya-ispokon-vekov-prirastala-malymi-gorodami-kotorye-sluzhili-tsentrami-kultury-torgovli-i-remjosel.html> (дата обращения: 11.11.2025).

Возникает вопрос о проведении последовательной политики по развитию малых городов для предотвращения конкуренции между ними, для обеспечения разнообразия и сбалансированных подходов по отношению к малым городам и для их сотрудничества друг с другом.

При этом с учетом реализованных проектов можно сделать вывод о том, что города, которые добились успеха, например, в вопросах благоустройства или культуры и туризма, остались с имеющимися проблемами в сфере коммунальной или инженерной инфраструктуры. Таким образом, субъекты Российской Федерации, которые реализуют последовательные действия в работе с малыми городами, добиваются большего успеха, привлекая необходимые ресурсы, чем те, где малые города сами проводят свою собственную политику без какой-либо стратегии развития. Наличие даже негласной стратегии развития малых городов у региона позволяет привлекать финансирование в рамках реализации национальных и федеральных проектов и других программ. Все эти действия повышают эффективность мер, которые реализуются на уровне субъекта, ведется тщательный контроль мероприятий для получения содержательного и качественного результата.

Опыт таких регионов следует транслировать на федеральном уровне, так как они могут стать центрами компетенций — помощниками в реализации подобных мер. Особенно это становится актуальным, когда одни и те же вопросы, проблемы и ситуации, возникающие в различных малых городах разных субъектов Российской Федерации, пытаются решить неэффективным способом или из-за существующей конкуренции между присутствующими в малых городах акторами или институтами (один из примеров — попытка власти и бизнеса решить одну задачу, не кооперируясь вместе).

В этой связи наличие региональной стратегии по развитию малых городов увеличивает эффективность принимаемых и реализуемых мер, а также наличие на территории малого города предприятия федерального значения, или статуса территории опережающего социально-экономического развития, или особой экономической зоны. Регионы, модернизируя инфраструктуру, благоустраивая городскую среду в малых городах, стремятся привлечь инвестиции для скорейшего экономического развития, привлечения туристов.

При этом без поддержки федеральной, региональной или со стороны бизнеса и общественности властям малых городов трудно добиться собственного развития. Исключением являются наукограды, где усилия всех уровней власти сосредоточены на развитии соответствующей специализации наукограда.

Отдельно необходимо сказать о развитии малых городов страны с учетом миграции молодого поколения в крупные города и мегаполисы. Это происходит несмотря на то что федеральные и региональные власти стремятся добиться естественного прироста в малых городах и принимают меры для государственной поддержки молодых семей.

Важным и до сих пор не решенным вопросом развития малых городов является взаимодействие друг с другом внутри региона. В России сотрудничество местных властей разных муниципалитетов практически отсутствует, при этом примеры успешных практик существуют в регионах, где проводится политика по развитию городов. Перспективным является сетевой механизм координации сотрудничества малых городов. М. С. Оборин, А. М. Пахалов и М. Ю. Шерешева

выделяют в его рамках несколько важных направлений: развитие инфраструктуры, обмен трудовыми ресурсами и компетенциями, а также лучшими практиками регулирования и муниципального управления, создание межфирменных сетей, согласование интересов в экономической и социальной сферах, реализация совместных проектов. Кроме этого, как отмечают авторы, сетевое сотрудничество малых городов позволяет непосредственно содействовать эффективности процесса разработки документов стратегического планирования за счет обмена опытом, согласования интересов и выработки совместных приоритетов развития [Оборин, Пахалов, Шерешева, 2017].

Как отмечается в исследовании «Малые города в государственной политике пространственного развития России: к методологии социального моделирования региональных стратегий и практик», в качестве значимых результатов исследования малых городов можно отметить следующие:

1) в системе регионального стратегирования вопросы конкурентоспособности малых городов должны занять одно из ведущих направлений. При этом нужно учитывать необходимость государственной поддержки приоритетных направлений для развития конкретных городов по их типологии, прежде всего бюджетобразующих предприятий;

2) устойчивое и сбалансированное развитие малых городов предполагает опережающее продвижение в них инновационных отраслей и производств высоких технологических укладов, что способствует развитию вспомогательных и обслуживающих отраслей и производств на основе региональной и межрегиональной кооперации;

3) различными преференциями должно поощряться развитие экспортных возможностей малого города на основе инновационных отраслей и производств;

4) необходимо заниматься воспроизводством качественного кадрового потенциала развития города. Для достижения этой цели региональным властям нужно обеспечить широкий доступ молодежи к среднему и высшему профессиональному образованию, к обеспечению жильем, медицинским услугам, дошкольным учреждениям. Кроме этого, в развитии инвестиционной привлекательности городов необходимо более активно использовать маркетинг территории и брендинг малых городов [Маркин, 2019]. К этому перечню следует добавить такой важный базовый компонент, как развитие логистических связей на внутрирегиональном и межрегиональном уровнях.

Отметим на примере Ивановской области, что развитие экономического, социального и культурного сотрудничества между городами внутри региона активно осуществляется в рамках региональных и федеральных проектов. В частности, по инициативе губернатора С. С. Воскресенского проведен ремонт опорной сети дорог, сформирован каркас основных магистралей, восстановлены связи с экономическими центрами соседних регионов (Нижегородской, Ярославской, Владимирской, Костромской областей). Кроме этого, создана новая сеть пригородного железнодорожного сообщения протяженностью 1261 км, по которым ежедневно курсируют 50 поездов.

Одной из лучших практик кооперации малых городов в Ивановской области стало развитие креативных индустрий. Регион сделал ставку в развитии малых городов на традиционные производства в сочетании с проектами развития городской среды. Потенциально это позволит создать в городах Ивановской

области новую креативную экономику. А уже сейчас это сделало регион значимым центром реализации эффективных управляющих воздействий в малых городах. По итогам 2024 года в рейтинге креативных регионов России Ивановская область занимает 6-е место, лидируя по таким позициям, как «Доля креативных индустрий в общем объеме выручки», «Доля работников креативного сектора» и «Доля креативных индустрий в стоимости основных средств». Область находится на первом месте по показателю «Организация народных художественных промыслов и ремесел, получающих федеральную поддержку». Наибольшее количество занятых в креативных индустриях работает в регионе по таким направлениям, как мода, архитектура и урбанистика, а также культурное наследие, отдых и развлечения [Гохберг, Боос, Боякова, Куценко, 2025: 80—81].

В течение последних трех лет в городе Юрьевце АНО Центр территориального развития проводит форум «Малые города: Новые территории креативных индустрий», на котором представители малого и среднего бизнеса региона знакомятся с передовыми практиками из разных регионов России. Центр «Мой бизнес 37» в 2024 году реализовал проект «Креативное ПРОдвижение», в котором приняли участие 230 предпринимателей из разных городов и сел Ивановской области². Одним из крупных событий 2025 года стало проведение в Юрьевце и Шуе фестиваля-форума «Российская креативная неделя. Малые города». В мероприятии участвовали федеральные и региональные эксперты, представители креативных индустрий из разных субъектов Российской Федерации. Обмен опытом, знаниями и умениями позволил наладить сотрудничество на уровне малых городов, а также завязать контакты между представителями бизнеса из малых городов разных регионов.

Вопросы кооперации малых городов также обсуждались на сессии «Малые города. Будущее. Тренд на кооперацию и сотрудничество»³, организованной в рамках Всероссийского форума «Развитие малых городов и исторических поселений» в августе 2025 года Центром исследований малых городов Шуйского филиала ИвГУ и АНО «Социологическая мастерская Задорина» (группа ЦИРКОН), руководитель которой И. В. Задорин вынес на обсуждение гипотезу о том, что малым городам необязательно конкурировать между собой за человеческий капитал и иные ресурсы, поскольку гораздо более перспективным для них может быть путь кооперации в различных сферах. По его мнению, «нужно разобраться, где города оправданно конкурируют между собой, а где это некая навязанная концепция, универсальный принцип, который на самом деле совсем неуниверсален, тем более для малых городов. Если мы будем смотреть на малые города не как на отдельные единицы, которые существуют сами по себе, а как на связанную систему, некий организм, то почему бы городам внутри одного региона не строить политику своего развития, в первую очередь, на взаимном дополнении». По мнению эксперта, малые города могут дополнять возможности друг друга в сфере образования, дифференцировав направления

² В Ивановской области определили победителей проекта «Креативное ПРОдвижение». URL: <https://мойбизнес37.рф/news/post/v-ivanovskoj-oblasti-opredelili-pobedit4elej-proekta-kreativ8noe-prodvizhenie> (дата обращения: 11.11.2025).

³ Малые города должны объединиться для сохранения своего населения [Электронный ресурс]. URL: <https://малыегородароссии.рф/tpost/a98o66tgx1-malie-goroda-dolzhibedinitnya-dlya-so?ysclid=mi6he1j3ty888144415> (дата обращения: 01.10.2025).

в средне-специальных учебных заведениях. Также объединить усилия можно в туристической сфере. В качестве примера Задорин привел опыт Коломны и Егорьевска, куда из первого города продлили ряд экскурсионных маршрутов.

Руководитель научно-образовательного центра «Городские и региональные исследования» Ивановского государственного университета, руководитель научных и социокультурных проектов АНО Центр территориального развития М. Ю. Тимофеев обратил внимание на необходимость развития трансграничного сотрудничества между субъектами Российской Федерации, приведя в качестве примера Ивановскую область, где из 21 муниципального района лишь 6 не имеют границ с соседними областями. Специфическим, но важным являются межгосударственные связи малых городов (см.: [Межевич, Болотов, Сазанович, 2017; Кузавко, 2024]). В выступлении также было отмечено, что одной из причин низкой активности для реализации многопрофильной интеграции на этом уровне является приоритет задач, которые «спускаются сверху». Если задача по кооперации с другими малыми городами будет инициирована на государственном уровне, то дело может пойти гораздо быстрее, как показывает опыт. Этому будет способствовать и то, что кооперация на периферии региона задействует связи, которые формировались на протяжении веков.

Заместитель главы администрации и начальник управления экономического развития Гаврилово-Посадского района Ивановской области М. В. Карасева отметила исторические связи в пределах Владимиро-Суздальского Ополья — черноземной зоны на границе двух областей, где в последние годы заметно окрепли и межрегиональные экономические связи. Так, В. Г. Дымов, основатель и председатель совета директоров группы компаний «Дымов», создал новые мясоперерабатывающие предприятия и животноводческие комплексы в Ивановской и Владимирской областях, суздальский ресторатор И. Э. Кехтер, в прошлом мэр Суздаля, реализовал в Гавриловом Посаде проект Музейно-дегустационного центра «Дворцовый завод», достигнута предварительная договоренность глав городов А. М. Бирюковой и В. Ю. Лаптева об организации в перспективе движения шаттлов от железнодорожной станции Гаврилов Посад в направлении Суздаля.

Отметив, что 85 % опорных населенных пунктов России — это муниципальные образования с населением менее 50 тыс. человек, управляющий партнер, сооснователь ООО «Новая земля» Г. М. Соломин, указал, что власти Российской Федерации в стратегии пространственного развития поставили задачу сформировать в стране сбалансированную систему расселения. Он, в частности, сказал, что «путь кооперации подходит малым городам, расположенным в относительной близости друг от друга, например в Поволжье. За Уралом ситуация отличается, поскольку расстояния между городами очень велики. Здесь нужна другая стратегия — необходимо создавать более автономные населенные пункты. Города в регионах должны быть как созвездия — не должно быть особенно ярких звезд».

В ноябре 2025 года в ходе экспертной дискуссии с участием ВЦИОМ представителей региональной и муниципальной власти губернатор Ивановской области С. С. Воскресенский, автор статьи «Малые города России: размышляя

о будущем»⁴, также затронул вопросы кооперации малых городов внутри регионов и межрегиональных связей⁵.

Основываясь на результатах анализа существующих подходов к проблеме развития малых городов, мы предлагаем при создании концепций развития малых городов рассматривать три уровня взаимодействия:

1. Крупные города — малые и средние города;
2. Малые и средние между собой;
3. Малые и средние с поселками городского типа и сельскими населенными пунктами.

Взаимодействие на всех перечисленных уровнях наиболее наглядно проявляется в сфере туризма, где малые города уже давно стали важными точками притяжения [Шмыткова, 2024] и нередко выполняют функции посредника между крупными городами и сельской периферией. Центром исследований малых городов Шуйского филиала ИвГУ совместно с проектным офисом «ПроГород» (ВЭБ РФ) проведен анализ нескольких туристических схем территориально-пространственного планирования макротерриторий (туристических схем). Всего в период с 2022 по 2024 год было создано 12 туристических схем, охватывающих 52 региона страны, и схема развития туризма для всей страны⁶. В 2022 году были разработаны турсхемы «Большое Золотое кольцо», «Западный Юг России», «Дальний Восток», еще три — в 2023 году (из Москвы в Санкт-Петербург, на Байкал и Большой Кавказ) и в 2024 году — последние шесть («Русская Балтика», «Восточный Юг России», «Большая Волга», «Большой Урал», «Большой Алтай» и «Русский Север и Арктика»). Поскольку в их создании были задействованы разные организации (КБ «Стрелка», проектно-консалтинговая компания «Новая Земля», консалтинговая компания Strategy Partners, Институт Генплана Москвы и научно-исследовательский центр «Картфонд»), то роль и место малых городов в них существенно различаются. Зависит это и от специфики регионов, поскольку плотность исторических малых городов и иных поселений в европейской части России гораздо выше, чем за Уралом и на севере страны. Их вовлечение в туристические маршруты иное. Однако заметным трендом многих турсхем является приоритет объектов, расположенных в природной среде, в зоне доступности от исторических малых городов, а основной туристический поток генерируется жителями мегаполисов и крупных городов.

В перспективе требуется изучение опыта работы с малыми городами Ассоциации малых и средних городов России⁷ и Союза малых городов России⁸, объединяющих в первом случае 120 городов и муниципальных районов,

⁴ Воскресенский С. Малые города России: размышляя о будущем. URL: <https://rg.ru/2023/01/18/reg-cfo/delo-za-malymi.html> (дата обращения: 19.11.2025).

⁵ Станислав Воскресенский: «Президент России меры для развития малых городов принял, осталось на местах реализовать эти решения». URL: <https://ivanovoobl.ru/press?type=news&id=83799> (дата обращения: 19.11.2025).

⁶ Туристические схемы. URL: <https://вэб.пф/turisticheskie-skhemy/> (дата обращения: 11.11.2025).

⁷ Ассоциация малых и средних городов России. URL: <https://www.amsgr.ru/>

⁸ Союз малых городов России. URL: <https://smgrf.ru>

а во втором чуть более двухсот малых городов и районов, ассоциации малых туристических городов (16 городов)⁹.

Как отмечает генеральный директор Фонда «Институт экономики города» А. С. Пузанов, мы уходим от алармистского тренда «всё плохо, все уедут, города исчезнут» к более сложной картине. Признаком такого тренда является обновление Стратегии пространственного развития Российской Федерации, делающей акцент на развитии опорных населенных пунктов, значительную долю которых составляют именно малые города. Следует принять во внимание, что снижаются темпы оттока населения из малых городов и можно прогнозировать уровень, на котором возникнет некое устойчивое распределение населения между разными типами поселений. Касаясь перспектив развития малых городов, он сказал, что «во-первых, очень важно каждому городу найти свою специализацию, опору, идентичность и научиться их позиционировать. Раскрытие уникальных характеристик территории — ключ к трансформации. Во-вторых, есть идея опорных населенных пунктов — это очень полезный подход. У нас малые города часто не видят "в упор" окружающую территорию. Город живет сам по себе, рядом куча сельских поселений, а услуги и работа есть только в областном центре — и люди ездят из сел и деревень в мегаполис, минуя свой ближайший городок»¹⁰.

Таким образом, установление прочных связей на горизонтальном и вертикальном уровнях будет способствовать устойчивому развитию малых городов России. Вынесение на федеральный уровень предложений по организации взаимодействия (кооперации) среди малых, средних и крупных городов всех регионов Российской Федерации существенно обогатит наметившийся в последние годы тренд на усиление роли малых городов в жизни страны.

Библиографический список / References

- Гохберг Л. М., Боос В. О., Боякова К. Н., Куценко Е. С. Рейтинг креативных регионов России: 2024. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 198 с.
(Gokhberg L. M., Boos V. O., Boyakova K. N., Kutsenko E. S. *Rating of Creative Regions of Russia: 2024*, Moscow, 2025. 198 p. — In Russ).
- Кузавко А. С. Факторы изменения социально-экономического положения малых городов российско-белорусского приграничья // Экономика региона. 2024. № 20 (3). С. 655—670.
(Kuzavko A. S. Factors of Socio-Economic Changes in Small Towns of the Russian-Belarusian Border Area, *Ekonomika regiona [Economy of regions]*, 2024, no. 20 (3), pp. 655—670. — In Russ).
- Межевич Н. М., Болотов Д. А., Сазанович Л. С. Анализ интеграционного потенциала малых и средних городов России и Белоруссии // Псковский регионологический журнал. 2017. № 2 (30). С. 12—21.

⁹ Ассоциация малых туристических городов. URL: <https://amtg-rus.ru/about/> (дата обращения: 12.01.2026).

¹⁰ Развитие малых городов: тенденции, новые идеи и решения. URL: <https://www.pltf.ru/opinion/razvitiye-malyh-gorodov-tendenczii-novye-idei-i-resheniya/> (дата обращения: 11.11.2025).

- (Mezhevich N. M., Bolotov D. A., Sazanovich L. S. (2017). Analysis of integration capacity of small and medium-sized cities of Russia and Belarus, *Pskovskiy regionologicheskii zhurnal [Pskov Journal of Regional Studies]*, 2017, no. 2 (30), pp. 12—21. — In Russ.)
- Маркин В. В., Воронов В. В., Пешкова В. М. Малые города в государственной политике пространственного развития России: к методологии социального моделирования региональных стратегий и практик // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 17 / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2019. С. 271—286. (дата обращения: 17.11.2025).
- Markin V. V., Voronov V. V., Peshkova V. M. Small cities in the state policy of spatial development of Russia: on the methodology of social modeling of regional strategies and practices, in Gorshkov M. K. (ed.) *Russia Reforming: Yearbook*, iss. 17, Moscow, 2019, pp. 271—286. — In Russ.)
- Оборин М. С., Пахалов А. М., Шерешева М. Ю. Эффективность стратегического планирования развития малых городов на основе сетевого механизма координации // Вестник Московского университета. Серия 6, Экономика. 2017. № 4. С. 100—117. <https://doi.org/10.38050/01300105201745>.
- (Oborin M. S., Pakhalov A. M., Sheresheva M. Yu. The effectiveness of strategic planning for small cities' development based on the network coordination mechanism, *Moscow University Bulletin. Series 6: Economics*, 2017, no. (4), pp. 100—117. — In Russ.)
- Семаева И. И., Гуляев П. С. Синергизм в русской культуре и философской мысли // Веснік Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук. 2015. № 2. С. 70—76.
- (Semaeva I. I., Gulyaev P. S. Synergy in the russian culture and philosophical thought, *Polesie State University Bulletin. Social and Humanities Series*, 2015, no. 2, pp. 70—76. — In Russ.)
- Шмыткова А. В. Особенности развития туризма в малых городах России // Сервис в России и за рубежом. 2024. Т. 18, № 5. С. 176—185. DOI: 10.5281/zenodo.14955834
- (Shmytkova A. V. Features of tourism development in small towns of Russia, *Servis v Rossii i za rubezhom [Services in Russia and Abroad]*, 2024, no. 18 (5), pp. 176—185. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.12.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 12.12.2025; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 17.02.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Познанская София Алексеевна — руководитель Центра исследований малых городов Шуйского филиала Ивановского государственного университета, г. Шуя, Россия, goroda.malye@yandex.ru

Poznanskaya Sofiya Alekseevna — Head of the Smaller Towns' Research Center, Ivanovo State University, Shuya, Russian Federation, goroda.malye@yandex.ru

Тимофеев Михаил Юрьевич — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, timofeev.01@gmail.com

Timofeev Mikhail Yurievich — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor of Department of Philosophy, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, timofeev.01@gmail.com

ЦЕФАЛИЗАЦИЯ НООСФЕРЫ

Научная статья
УДК 141.319:004
DOI: 10.46724/NOOS.2026.1.55-63

Н. М. Ветчинин

ЦИФРОВОЕ БУДУЩЕЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ: МЕЖДУ СУЩИМ И ДОЛЖНЫМ

Аннотация. В статье осуществляется философско-антропологический и гносеологический анализ проблемы памяти в контексте цифровой трансформации общества. Показана фундаментальная роль памяти в формировании личности, познании мира и функционировании социума, которая обеспечивает целостность идентичности, лежит в основе когнитивных процессов и служит механизмом трансляции культурных традиций между поколениями.

Особое внимание уделяется радикальным изменениям, которые претерпевает феномен памяти в XXI веке под влиянием цифровых технологий. В работе раскрываются ключевые характеристики новой гносеологической ситуации: формирование гипертекстуальной онтологии памяти, размывающей дихотомии «реальное — виртуальное» и «архивное — актуальное» и становление алгоритмической архитектуры памяти, где процессы запоминания и воспроизведения опосредованы программными алгоритмами. Рассматривается трансформация коллективной памяти в условиях цифровизации: появление гибридной меморизации, децентрализация мнемонических структур, перформативность воспоминаний. Проводится историко-философская реконструкция концепций памяти от античной традиции (доктрина анамнесиса у Платона, анализ памяти и припоминания у Аристотеля) до современных подходов (концепции М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, К. Юнга и др.). Это позволяет проследить эволюцию представлений о природе памяти и выявить базовые парадигмы, задающие оптику для анализа современных мнемонических практик.

На основе анализа статистических данных (прогнозы роста объема цифровых данных, динамика использования облачных сервисов) и теоретических положений формулируются выводы о качественно новой онтологической конфигурации цифровой памяти. В заключительной части статьи обосновывается необходимость синтеза технологического и этического подходов для формирования мнемонической культуры XXI века. Делается вывод, что цифровое будущее памяти должно стать не угрозой антропологической идентичности, а пространством диалога между прошлым и настоящим, где технологии выступают помощниками человеческого понимания.

Ключевые слова: память, философская антропология, гносеология, идентичность личности, когнитивные процессы, коллективная память, индивидуальная память, культура и общество, цифровая трансформация.

Ссылка для цитирования: Ветчинин Н. М. Цифровое будущее индивидуальной и коллективной памяти: между сущим и должным // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 1. С. 55—63.

Original article

N. V. Vetchinin

THE DIGITAL FUTURE OF INDIVIDUAL AND COLLECTIVE MEMORY: BETWEEN THE ACTUAL AND THE NORMATIVE

Abstract. The article presents a philosophical-anthropological and epistemological analysis of the problem of memory in the context of the digital transformation of society. It demonstrates the fundamental role of memory in personality formation, the cognition of the world, and the functioning of society — a role that ensures the integrity of identity, underpins cognitive processes, and serves as a mechanism for transmitting cultural traditions across generations.

Particular attention is paid to the radical changes that the phenomenon of memory undergoes in the 21st century under the influence of digital technologies. The paper reveals the key characteristics of the new epistemological situation: the emergence of a hypertextual ontology of memory, which blurs the dichotomies of “real vs. virtual” and “archival vs. actual”; the development of an algorithmic architecture of memory, where the processes of memorisation and recall are mediated by software algorithms.

The transformation of collective memory in the context of digitalisation is also examined, including: the emergence of hybrid memorialization, the decentralisation of mnemonic structures, the performativity of memories.

A historical-philosophical reconstruction of memory concepts is carried out — from ancient tradition (Plato’s doctrine of anamnesis, Aristotle’s analysis of memory and recollection) to contemporary approaches (the concepts of M. Heidegger, E. Husserl, C. Jung, and others). This enables the tracing of the evolution of ideas about the nature of memory and the identification of basic paradigms that shape the framework for analysing modern mnemonic practices.

Based on the analysis of statistical data (forecasts of the growth in the volume of digital data, trends in the use of cloud services) and theoretical propositions, conclusions are drawn about a qualitatively new ontological configuration of digital memory.

In the final part of the article, the necessity of synthesising technological and ethical approaches for the formation of a mnemonic culture in the 21st century is substantiated. The conclusion is reached that the digital future of memory should not be a threat to anthropological identity, but rather a space for dialogue between the past and the present — a space where technologies act as assistants to human understanding.

Key words: memory, philosophical anthropology, epistemology, personal identity, cognitive processes, collective memory, individual memory, culture and society, digital transformation.

Citation Link: Vetchinin N. V. (2026) The digital future of individual and collective memory: between the actual and the normative, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 55—63.

Вместо введения. Проблема памяти — одна из ключевых в философской антропологии и гносеологии, поскольку ее роль связана с формированием личности, познанием мира и социальной жизнью. Во-первых, память связывает прошлое, настоящее и будущее, обеспечивая целостность и идентичность личности. Во-вторых, она лежит в основе всех когнитивных процессов: обучения, мышления, принятия решений. В-третьих — обеспечивает передачу знаний и традиций между поколениями, что критически важно для существования культуры и общества.

В XXI веке, в эпоху масштабной цифровой трансформации, память приобретает принципиально новое измерение: технологии радикально меняют способы фиксации, хранения и воспроизведения информации, затрагивая как индивидуальное, так и коллективное сознание.

Экспоненциальный рост цифровых данных порождает качественно новую гносеологическую ситуацию, в которой складывается алгоритмическая архитектура памяти, где процессы ретенции (удержания), репродукции и селекции воспоминаний опосредованы программными алгоритмами. Происходит стирание границ между индивидуальной и коллективной памятью, что находит свое выражение в следующих моментах. Во-первых, это *гибридная меморизация* — синтез индивидуальных переживаний и коллективных нарративов в едином цифровом пространстве. Во-вторых, это *децентрализация воспоминаний* — переход от линейной, иерархически организованной памяти к распределенным сетям воспоминаний. В-третьих, это *перформативность памяти* — трансформация воспоминаний в интерактивный медиум, подверженный постоянной реконфигурации под влиянием социальных алгоритмов [Платонова, 2021: 1630].

Этические вызовы алгоритмического управления воспоминаниями актуализируют ряд философско-антропологических коллизий: проблема цифровой идентичности возникает в условиях, когда алгоритмы конструируют персонализированные «мнемонические ландшафты», встает вопрос о подлинности субъективного опыта [Макатов, 2024: 250]. Противоречие возникает между правом индивида на контроль над собственной памятью и алгоритмической предопределенностью процессов запоминания и забывания.

Память: философская ретроспекция. Таким образом, исследуемая проблематика обретает статус метадисциплинарного вызова, требующего философской рефлексии над самой природой памяти. Базовые модели понимания памяти (как «восковой дощечки» у Платона, как временной способности у Аристотеля) формируются в Античности. В диалоге Платона «Менон» сформулирована концепция анамнесиса (припоминания), где знание — не накопление информации, а восстановление того, что душа знала до рождения; познание — внутренний процесс, а не внешнее научение. Душа, существовавшая до рождения, «вспоминает» вечные идеи. Память здесь — онтологическая связь с миром эйдосов, а не просто фиксация опыта [Платон, 1993: 580]. В трактате «О памяти и припоминании» Аристотель систематизирует представления о памяти и ее роли в познании. Память как «приобретенное свойство или состояние ощущения или постижения, появляющееся по прошествии времени». Память предполагает осознание себя как помнящего и ощущение времени — убежденность, что событие было пережито ранее. Память возможна только о вещах, чувственно воспринимаемых. Аристотель различивает: *mnesis* — спонтанное воспоминание и *anamnesis* — целенаправленный поиск [Аристотель, 2004: 164].

Обращаясь к средневековой и новоевропейской эпохе, можно увидеть, что Августин описывает память как «огромный двор» души, где хранятся образы, знания и даже забытое. Его интроспективный анализ выявляет парадокс: чтобы вспомнить, нужно уже «знать» искомое [Августин, 2013: 280]. Декарт сводит память к механизму ассоциаций, подчиняющемуся законам разума [Декарт, 1994: 348]. Для Канта память — априорная способность синтеза, обеспечивающая единство апперцепции (восприятия) [Кант, 2020: 480].

В философии XX века происходит определенный «сдвиг»: от поиска «объективной истины о мире» к пониманию того, как человек сам переживает и осмысливает мир. Реальность для нас всегда «пропущена» через наш опыт, язык и историю. М. Хайдеггер связывает память с заботой: вспоминать — значит «удерживать бытие-в-мире» [Хайдеггер, 2015: 258]. Забота выступает как фундаментальная характеристика бытия человека, объединяющая три модуса: бытие-в-мире, забегание вперед (проецирование в будущее) и бытие при внутримировом-сущем (связь с настоящим). Память в этой системе играет ключевую роль, так как она обеспечивает связь с прошлым, которое, в свою очередь, конституирует целостность человеческого существования. Э. Гуссерль связывал социальную память с феноменологией, рассматривая ее как основу для понимания коллективного сознания [Аникин, 2016: 44]. К. Юнг ввел понятие «коллективного бессознательного» [Жуков, 2022: 314], которое можно рассматривать как один из уровней социальной памяти. Это обобщенный опыт человечества, выраженный через специфические реакции психики.

Память в новом технологическом укладе. Чтобы осуществить концептуальный переход от античных представлений о памяти к современным цифровым феноменам, требуется не простая хронологическая экстраполяция, но глубокая онто-гносеологическая трансформация самой оптики рассмотрения. Этот переход предполагает последовательное преодоление ряда смысловых пластов, где античная мысль выступает не архаичным предисловием, а критическим горизонтом для диагностики цифровой реальности [Смирнов, Ветчинин, 2024: 172]. При этом в условиях нового технико-технологического уклада проблема памяти сосредотачивает фокус на соотношении естественного несовершенного человека и искусственной совершенной машины [Меликян, Смирнов, 2025: 194].

В платоновской парадигме память (*анамнезис*) мыслилась как восхождение к вечным идеям — процесс, где субъект через усилие припоминания восстанавливает связь с трансцендентным. В цифровую эпоху эта метафизика замещается интерпретацией воспоминаний не как откровения, а как результата вычислительных процедур; хранением данных без онтологической привязки к «истинному» прошлому; памятью, принадлежащей не личности, а распределенным сетям (серверам, облакам, блокчейну). Это порождает парадокс: чем больше информации сохраняется, тем меньше она осмысливается. Как отмечал в свое время Ю. Хабермас, медиатизация памяти ведет к «размыванию границ между приватным и публичным» [Назарова, 2023: 67]. В отличие от естественного забывания, цифровое удаление данных часто необратимо. Это противоречит кантовскому пониманию памяти как синтеза времени: утрата цифровых следов разрывает причинно-следственные связи. Современные философы подчеркивают, что память — это не просто механизм хранения, а динамическая система, которая формирует идентичность через интерпретацию прошлого и создание нарративов [Логунова, Рычков, 2020: 202].

Коллективная память в цифровую эпоху. Пьер Нора — видный французский историк, исследователь исторической памяти, автор концепции «мест памяти» — рассматривал коллективную память через призму физических и символических «мест», которые воплощают историческую память общества. Места памяти, по П. Нора, — это духовно-материальные символы культурно-исторического наследия, которые служат для сохранения коллективной памяти в условиях ее ослабления. К ним относятся не только физические объекты, но

и события, ритуалы, тексты, эмблемы, праздники, а также абстрактные понятия, такие как поколения или идеологические символы [Сабанчеев, 2018: 35]. Цифровизация вносит в эту систему ряд радикальных изменений, подрывающих традиционные основания коллективной памяти. Сегодня их заменяют социальные сети (хроники жизни); облачные хранилища; вики-платформы (коллективное знание). Все это создает гибридную память — синтез индивидуального и коллективного, реального и виртуального.

Рассматривая эволюцию коллективной памяти в цифровую эпоху, мы подходим к одному из ее наиболее выразительных феноменов — виртуальным мемориалам. Этот переход не есть простая смена объекта анализа, но онтологический сдвиг: от символических форм памяти, укорененных в материальном мире, к гибридным пространствам воспоминания, где человеческое и технологическое, реальное и виртуальное, индивидуальное и коллективное сплетаются в принципиально новую конфигурацию. Виртуальные мемориалы — это цифровые платформы, созданные для увековечения памяти о людях, погибших в трагических событиях. Они сочетают мультимедийный контент, интерактивные элементы и возможности для взаимодействия пользователей, позволяя сохранить и передать историю будущим поколениям [Черткова, 2022: 121]. Эти практики демонстрируют переход от репрезентации к перформативности. Раньше доминировала модель репрезентации («отражения»), теперь на первый план выходит перформативность («сотворения»). Память становится действием, а не статичным образом.

Классическая философия памяти (от Августина до Бергсона) исходила из следующих предпосылок: воспоминание принадлежит «Я», хранится в глубине сознания; память связана с телесным опытом, эмоциями, сенсорикой; субъект сам решает, что помнить, а что забывать. Цифровая эпоха подрывает эти основания: воспоминания выносятся вовне, в облачные серверы, теряя связь с телесным субстратом; доступ к личным воспоминаниям опосредуется программными протоколами (поиск, фильтрация, рекомендации); сохранность памяти зависит не от воли субъекта, а от работы дата-центров, политик платформ, энергетических сетей; облачное хранение создает риск утечки, несанкционированного доступа, коммерциализации личных данных [Мамина, Толстикова, 2019]. Эти разрывы требуют новой антропологии памяти, способной осмыслить субъекта, делегирующего свои воспоминания технологиям.

По данным исследовательской компании IDC, к 2025 году объем новых данных, создаваемых и воспроизводимых за год, достигнет 175 зеттабайт. Этот прогноз был сделан в конце 2018 года на основе анализа тенденций роста данных, включая вклад IoT-устройств, метаданных и рабочих данных¹. Чтобы представить масштаб. 1 зеттабайт — это примерно: 333 млрд фотографий высокого качества (по 3 МБ каждая); 250 млрд фильмов в формате HD (по 4 ГБ каждый); 100 трлн музыкальных треков (по 10 МБ за трек). Для сравнения: в 2006 году общий объем цифровой информации, созданной человечеством, составлял

¹ Общий объем новых данных к 2025 году вырастет в пять раз, до 175 зеттабайт — IDC [Электронный ресурс]. URL: <https://iot.ru/promyshlennost/obshchiy-obem-novykh-dannykh-2025-godu-vyrastet-vpyateryo-do-175-zettabayt-idc?ysclid=ml9bmxtxp6304184859> (дата обращения: 25.11.2025).

около 0,16 зеттабайта. В 2018 году объем глобальной сферы данных составлял 33 зеттабайта [Виноградов, Марчевский, 2018: 750].

Около 60 % пользователей доверяют облачным сервисам хранение личных воспоминаний (Pew Research, 2023)². Точное количество пользователей, доверяющих облачным сервисам хранение личных воспоминаний, не указано в доступных источниках. Однако есть данные, которые позволяют оценить масштаб использования облачных хранилищ и уровень доверия к ним. По информации на 2025 год, 92 % респондентов используют облачные сервисы хранения и считают, что те влияют на их привычки. При этом 54 % используют три и более облачных хранилища. В тройку самых популярных вошли Google Drive, Dropbox и Microsoft OneDrive³. В России наблюдается рост популярности облачных хранилищ. По данным Yota, в первом полугодии 2024 года потребление трафика в сегменте облачных хранилищ увеличилось на 28 % год к году. При этом российские сервисы показали рост на 32 %, а зарубежные — на 25 %. Самым популярным облачным хранилищем у россиян в 2024 году стал «Яндекс Диск», где активность пользователей выросла на 61 %⁴.

Проведенный философский анализ трансформации памяти в цифровую эпоху позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов, обнажающих глубинные противоречия и потенциальные горизонты «мнемонической культуры» XXI века.

Во-первых, цифровая память — отнюдь не технологическое усовершенствование традиционных форм воспоминания, но качественно новая онтологическая конфигурация. В ней размывается граница между личным и коллективным, подрывается классическая дихотомия «субъект/объект», возникает гибридная реальность, где человеческое «припоминание» опосредовано алгоритмическими протоколами и инфраструктурными сетями.

Во-вторых, феномен облачного хранения воспоминаний выявляет антропологический сдвиг: от субъекта, суверенно владеющего своей памятью, к пользователю, делегирующему мнемоническую функцию технологическим посредникам. Это порождает парадоксальную ситуацию: чем больше данных мы сохраняем, тем меньше контролируем смысл собственного прошлого.

В-третьих, виртуальные мемориалы и распределенные архивы демонстрируют, что память перестала быть статичным хранилищем и превращается в динамический процесс.

Перед лицом этих трансформаций становится неотложной задачей синтеза технологического и этического выстраивания цифровой мнемонической культуры [Меликян, Смирнов, 2023], которая сочетает технологические возможности с этическими принципами, отказываясь от наивного технооптимизма и циничного технодетерминизма; видит в памяти не ресурс для извлечения прибыли,

² thenationalistview [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thenationalistview.com/research-and-reference/pew-research-centre-is-it-really-unbiased/> (дата обращения: 11.12.2025).

³ Лучшие облачные хранилища данных 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.colobridge.net/2025/08/top-cloud-storage-2025/?ysclid=ml9bs71of5960614276> (дата обращения: 14.12.2025).

⁴ Yota зафиксировала рост интереса к российским облачным хранилищам [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2024/07/25/zafiksir/?ysclid=ml9btkfu7t866194388> (дата обращения: 28.11.2025).

а основание человеческого бытия; помнит, что память — это не только данные, но и смысл, не только хранение, но и понимание.

Таким образом, цифровое будущее памяти, неотрывное от процесса цефализации ноосферы [Смирнов, 2012; Смирнов, Никифоров, 2018; Smirnov G., Smirnov D., 2019], должно стать не угрозой антропологической идентичности, а пространством для диалога между прошлым, которое не сводится к архивным записям, но оживает в акте припоминания и настоящим, где технологии выступают не господами, а помощниками человеческого понимания. Только так цифровая эпоха сможет не разрушить, а обновить древнюю истину: помнить — значит быть.

Библиографический список / References

- Августин Аврелий (Блаженный Августин). Исповедь / пер. с лат. М. Е. Сергиенко; отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2013. 371 с.
(Augustine (Blessed Augustine). *Confession*, Saint Petersburg, 2013, 371 p. — In Russ.)
- Аникин Д. А. Феноменология коллективной памяти: от работы воспоминаний к травме забвения // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2016. № 2 (20). С. 41—49.
(Anikin D. A. Phenomenology of collective memory: from the work of remembrance to the trauma of forgetting, *Samara Humanitarian Academy Bulletin. Series: Philosophy. Philology*, 2016, no. 2 (20), pp. 41—49. — In Russ.)
- Аристотель. О памяти и припоминании // Вопросы философии. 2004. С. 161—169.
(Aristotle. On memory and recollection, *Questions of Philosophy*, 2004, pp. 161—169. — In Russ.)
- Виноградов И. А., Марчевский Н. К. О необходимости совершенствования мер по предупреждению киберпреступлений // Аллея науки. 2018. Т. 3, № 10 (26). С. 748—753.
(Vinogradov I. A., Marchevsky N. K. On the need to improve measures for preventing cyber-crimes, *Alleya Nauki [Alley of Science]*, 2018, vol. 3, no. 10 (26), pp. 748—753. — In Russ.)
- Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Сочинения: в 2 т.: пер. с лат. и фр. Т. 2 / сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1994. С. 3—72.
(Descartes R. Meditations on first philosophy, in which the existence of god and the distinction between the human soul and body are demonstrated, in Descartes R. *Works in 2 volumes*, vol. 2, Moscow, 1989, pp. 3—72. — In Russ.)
- Жуков В. Н. К. Г. Юнг: коллективное бессознательное, архетипы, культура // Образование и право. 2022. № 3. С. 311—325.
(Zhukov V. N. C. G. Jung: collective unconscious, archetypes, culture, *Obrazovanie i Pravo [Education and Law]*, 2022, no. 3, pp. 311—325. — In Russ.)
- Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского. М.: Академический проект, 2020. 567 с.
(Kant I. *Critique of Pure Reason*, Moscow, 2020, 567 p. — In Russ.)
- Логунова Л. Ю., Рычков В. А. Поле памяти: конструирование и борьба нарративов // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 4-1. С. 191—213.

- (Logunova L. Yu., Rychkov V. A. The field of memory: construction and struggle of narratives, *Idei i Idealy* [Ideas and ideals], 2020, vol. 12, no. 4-1, pp. 191—213. — In Russ.)
- Макатов З. В. Деконструкция алгоритмической идентичности: постструктуралистские перспективы цифровой субъективности // *KANT*. 2024. № 4 (53). С. 249—258.
- (Makatov Z. V. Deconstruction of algorithmic identity: poststructuralist perspectives on digital subjectivity, *KANT*, 2024, no. 4 (53), pp. 249—258. — In Russ.)
- Мамина Р. И., Толстикова И. И. Поколенческая проблематика в цифровую эпоху: философская проекция // *Дискурс*. 2019. № 5 (6). С. 29—41. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-6-29-41.
- (Mamina R. I., Toistikova I. I. Generational issues in the digital age: philosophical projection, *Discourse*, 2019, no. 5 (6), pp. 29—41. — In Russ.)
- Меликян М. А., Смирнов Д. Г. Философия человеческого качества: искушение hi-tech и hi-hume искупление // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. № 2. С. 174—182. DOI 10.46726/И.2023.2.18.
- (Melikyan M. A., Smirnov D. G. Philosophy of human quality: the temptation of hi-tech and hi-hume redemption, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2023, no. 2, pp. 174—182. — In Russ.)
- Меликян М. А., Смирнов Д. Г. Эра роботов или эра человека? (опыт онто-гносеологической рефлексии) // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2025. № 3. С. 191—197.
- (Melikyan M. A., Smirnov D. G. The era of robots or the era of humans? (an attempt at ontogenepistemological reflection), *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, no. 3, pp. 191—197. — In Russ.)
- Назарова В. С. «Новое структурное изменение публичной сферы...» Ю. Хабермаса в современном публичном и философском дискурсе // *Южный Полюс. Исследования по истории современной западной философии*. 2023. Т. 9, № 1. С. 65—70.
- (Nazarova V. S. J. Habermas's "New Structural Change of the Public Sphere" in contemporary public and philosophical discourse, *South Pole: Studies in the History of Modern Western Philosophy*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 65—70. — In Russ.)
- Платон. Менон // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1993. С. 575—612.
- (Plato. Meno, in Plato. *Collected Works*, in 4 vols., vol. 1, Moscow, 1993, pp. 575—612. — In Russ.)
- Платонова С. И. Эпистемологические трансформации науки в цифровую эпоху // *Манускрипт*. 2021. Т. 14, № 8. С. 1628—1631.
- (Platonova S. I. Epistemological Transformations of Science in the Digital Age, *Manuscript*, 2021, vol. 14, no. 8, pp. 1628—1631. — In Russ.)
- Сабанчеев Р. Ю. Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2018. № 1 (43). С. 33—38.
- (Sabancheev R. Yu. Pierre Nora's Concept of "Places of Memory" as a Method of Historical Reconstruction, *Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East*, 2018, no. 1 (43), pp. 33—38. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Цифрализация ноосферы: эволюция разумного вещества на рубеже тысячелетий // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2012. № 2 (12). С. 17—30.

(Smirnov G. S. Cephalization of the noosphere: evolution of intelligent matter at the turn of the millennium, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2012, no. 2 (12), pp. 17—30. — In Russ.)

Смирнов Г. С., Никифоров А. С. Планетарная цефализация: органический и электронный глобальный разум (пути языкового сближения) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1. С. 84—92. DOI 10.17238/issn2227-6564.2018.1.84.

(Smirnov G. S., Nikiforov A. S. Planetary cephalization: organic and electronic global mind (paths of linguistic rapprochement), *Northern (Arctic) Federal University Bulletin. Series: Humanities and social sciences*, 2018, no. 1, pp. 84—92. — In Russ.)

Смирнов Д. Г., Ветчинин Н. М. Цифровизация сознания: философские проблемы когнитивной аберрации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 168—175.

(Smirnov D. G., Vetchinin N. M. Digitalization of consciousness: philosophical problems of cognitive aberration, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2024, no. 4, pp. 168—175. — In Russ.)

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Академический проект, 2015. XI, 447 с.

(Heidegger M. *Being and Time*, Moscow, 2015, XI, 447 p. — In Russ.)

Черткова Е. Л. Рец. на кн.: Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху: коллективная монография // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 119—123.

(Chertkova E. L. Book Review: Individual and Collective Memory in the Digital Age: A Collective Monograph, *Scientific Notes of Petrozavodsk State University*, 2022, vol. 44, no. 4, pp. 119—123. — In Russ.)

Smirnov G., Smirnov D. Cephalization of the noosphere: socio-philosophical aspects, *Philosophy and Cosmology*, 2019, vol. 22, pp. 137—143.

Статья поступила в редакцию 11.12.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 15.12.2025; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 17.02.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Ветчинин Никита Михайлович — преподаватель кафедры философии, главный специалист научно-исследовательского управления, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nikitavetchinin@mail.ru

Vetchinin Nikita Mikhailovich — lecturer in the Philosophy Department, chief specialist of the Research Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, nikitavetchinin@mail.ru

ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Научная статья

УДК 316.3/6

DOI: 10.46724/NOOS.2026.1.64-74

В. С. Лебедев

«VUCA-МИР» И «BANI-МИР» КАК КОНЦЕПТЫ ЯЗЫКА ЭКСТРЕМАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются два концепта, описывающие напряженное и синергетически-сложное общество конца XX — начала XXI века: VUCA-мир и BANI-мир. Приводятся доказательства того, что сознание в экстремальных условиях стремится к рефлексии травмирующего опыта и выражению этой рефлексии в концепте. История этого выражения показана на примере описания сложного и неустойчивого мира через обыденный язык. Иллюстрациями из экономики, логистики и психологии раскрыта сложность концептуального выражения травмирующих нарушений сложившихся отношений в обществе и картины мира отдельного человека. Зафиксирована социальная онтология экстремальных состояний психики и общей напряженности существования человека в мире сложных систем. Автор приходит к выводу, что усложнение логистики информации и ресурсов приводят к утрате человеком надежных оснований в обществе и формированию у него поверхностного и нестабильного состояния сознания.

Ключевые слова: концепции, язык, экстремальное, сознание, VUCA, BANI, информация, рефлексия, травма, пограничное расстройство личности, информационная логистика.

Ссылка для цитирования: Лебедев В. С. «VUCA-мир» и «BANI-мир» как концепты языка экстремального сознания // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 1. С. 64—74.

Original article

V. S. Lebedev

"VUCA-WORLD" AND "BANI-WORLD" AS CONCEPTS OF EXTREME CONSCIOUSNESS LANGUAGE

Abstract. The article contains two concepts describing the tense and synergistically complex society of the late 20th and early 21st centuries: VUCA and BANI-world. Proving that consciousness in extreme conditions leads to reflection of traumatic experience and expression of this reflection in the concept. The history of this manifestation is shown in the description of a complex and unstable world through everyday language. Examples from economics, logistics and psychology show the conceptual concept of traumatic life relationships of established relationships in society and pictures of the world of an individual. The social ontology of extreme changes in the psyche and the general tension of human existence in the world of complex systems is shown. The author comes to the conclusion that the complication of information and resource logistics leads to the loss of reliable foundations in society by a person and causes a superficial and severe state of consciousness.

Keywords: concepts, language, extreme, consciousness, VUCA, BANI, information, reflection, trauma, borderline personality disorder, information logistics.

Citation Link: Lebedev V. S. (2026) "VUCA-world" and "BANI-world" as concepts of extreme consciousness language, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 64—74.

Введение. Экстремальное в сознании человека появляется не только как осознание катастроф, кризисов и массовых бедствий [Смирнов, 2017]¹. Из осознания происходят рефлексия и дальнейшее отделение травмирующего опыта от сознания с помощью языка [Симонян, Ивашкин, 2018: 313; Мустояпова, 2021: 88]. Но само переживание травмирующего опыта приводит к изменению сознания непосредственно в процессе происходящей катастрофы, которое впоследствии и подвергается рефлексии со стороны пережившего его человека. Для того чтобы воспринимаемое стало комфортным, оно должно быть объяснимым. А для этого необходимо заключить новую информацию в рамки определенного концепта, который был бы относительно универсальной формулой, объясняющей нестабильный, опасный и непонятный мир. Стоит уточнить, что речь идет о познавательном концепте как замещении множества понятий и аффективных и эмоциональных состояний одной парадигмой или опосредованной системой выражений [Суржанская, 2010: 33]. Эта концептуализация нередко находит свое выражение в языке и подразумевает образование не столько понятия, сколько вербального обозначения пережитого и понятого. Особенно это касается экстремального опыта, пережитого с изменением не только психики, но и самого сознания человека. Из методов концептуализации понятен характер мышления самого «составителя» концепта. Но интерес представляет не он сам, а следующая за его концептом реакция и принятие этого концепта широким кругом лиц. В таком случае мы говорим уже о верификации социальной онтологии концепта экстремального, что подразумевает изучение того, как концепты неустойчивого мира формируются и принимаются обществом.

Материалом нашего исследования стали такие известные концепты неустойчивости, как VUCA-мир и BANI-мир, а также исследования пограничного расстройства личности и отражения экстремального в современной предпринимательской среде.

История этих концептов уходит в осмысление холодной войны и мира, который наступил после ее завершения. В 1985 году американские экономисты У. Беннис и Б. Нанус представили описание будущего состояния мировой экономики накануне окончания «холодной войны». Они предсказывали, что с распадом СССР будет нарушен и «статус quo» в мировом порядке, что приведет к многополярности в мировой политике и экономике [Хасанов, 2023: 421]. Они составляли свои прогнозы на основании имеющихся сведений не только в геополитике, но и в экономической сфере, так что можно утверждать, что данный концепт появился именно в среде экономической науки и включал в себя практическое применение научного исследования других сфер человеческой жизни. Однако ученые называют VUCA и BANI парадигмами, подчеркивая тем самым более широкий охват этих систем, не соответствующих понятию концепта [там

¹ Экстремальность как свойство индивидуального и коллективного сознания рассматривается нами в более широком контексте концепта ноосферной безопасности [Смирнов Г., Смирнов Д., 2019; Смирнов, 2021; Жульков, 2024].

же]. При этом не стоит однозначно разрывать связь между парадигмой и концептом: наиболее верным нужно признать общий подход к проблеме восприятия и описания мира через первоначальные концепты VUCA и BANI, а само их развитие и постепенную универсализацию понимать как отдельную парадигму.

Как же расшифровывается VUCA? Первое понятие: *V* — *Volatility* (изменчивость). Изначально она подразумевалась авторами как смена экономических ориентиров, однако даже после периода переориентации на экономику потребления устойчивость не вернулась, что было продиктовано достижениями научно-исследовательского прогресса и связанной с ними постоянной сменой способов взаимодействия с информацией. Сам момент глобальной смены парадигмы отразился на СССР катастрофически не происхождением своим, а последующей неготовности к тем новым для СССР условиям экономической и политической жизни. Перестройка, которая была своевременна в рамках смены парадигм, не давала представления о новом мире из-за его перманентной изменчивости. Слишком велика была разница между двумя парадигмами и двумя взглядами на мир.

Следующее понятие: *U* — *Uncertainty* (неопределенность). Если мы говорим о неопределенности именно в историческом контексте, то она вытекает из изменчивости и в то же время имеет собственный онтологический статус. Неопределенность, в отличие от изменчивости, имеет в качестве своего основания того, кто определяет. В противовес определенности мира и простоты планирования осознавалась сложность мира, непредсказуемость поведения общества. В такой обстановке сознание, организованное в рамках простоты и определенности, столкнулось с экзистенциальным кризисом. Старые установки больше не соответствовали реальности, а выработанные модели поведения не успевали актуализироваться. Неопределенность как новый ключевой аспект реальности осмысливается как часть концепта, относительно которого начинается планирование и формируется парадигма VUCA-мира.

Затем следует *C* — *Complexity* (сложность, комплексность). Сложность не является чем-то онтологически самостоятельным: «большой частью сложность есть сравнительная характеристика» [Ознамец, 2021: 80]. Для экономической отрасли сложность означает «сложность принятия решений и оценки их последствий» [Хасанов, 2023: 421]. Для мира как сложной системы в синергетической парадигме мироустройство обычно является сложным. Для экстремальной ситуации сложность является необходимым свойством системы, при этом не обязательно системообразующим свойством, поскольку является общим свойством для разных неустойчивых систем [Ополе, 2013: 102—103].

Далее: *A* — *Ambiguity* (неоднозначность). Это понятие в концепте подразумевает отсутствие четких ориентиров и частую смену трендов развития не только рынков, но и в целом развития системы мира. Особенно четко это угадывается в современных поисках идеологического основания в политической и общественной жизни российского общества [Барков, 2021: 66]. Исследователи указывают и на «дилемму заключенного»: не только любой выбор направления развития, но и его отсутствие может привести к краху [Хасанов, 2023: 421].

Такой концепт, как VUCA-world, не только отражает насущность экстремальных состояний в мышлении человека, но и показывает стремление избежать всех тех факторов, которые определяют маргинальность и неустойчивость ситуации. Это можно показать через само наличие языка сокращений и аббревиатур. Сам VUCA встал в противоположность концепту SPOD, который стал парадигмой

только параллельно становлению перечисленных нами парадигм экстремального. SPOD расшифровывается как *S — Steady* (устойчивый), *P — Predictable* (предсказуемый), *O — Ordinary* (простой), *D — Definite* (определенный). Известно, когда возникло определение, которое описывает мир после 1945 года и до 1980-х, когда на смену SPOD парадигме приходит VUCA, а затем уже упомянутый BANI. Незнание приводит к тому, что мы не можем утверждать, что SPOD появляется в то же время, что и VUCA, однако нужно сказать, что подобный способ кодификации и концептуализации мира появляется, скорее, как противопоставление оригинальному VUCA.

Концепции, которые мы исследуем, являются для нас частью понимания экстремального. Они были созданы для выражения (отражения) и понимания тех кардинальных изменений, которые были характерны для мира в начале и конце 1980-х годов. В первую очередь VUCA используется при анализе экономической среды. Причина выбора этой сферы связана с гибкостью и непредсказуемостью, а самое главное — прогрессивной сложностью экономических систем. VUCA выступает как концепт осмысления мира в экономических факторах с возможностью анализа делового оптимизма и показателей предпринимательской уверенности [там же: 423].

Из VUCA факторов, которые были выявлены на 2022 год в предпринимательской среде путем опроса и составления градации в виде таблицы, возможно выделить самые основные: ухудшение логистических связей, нетарифные ограничения на экспорт и заморозка совместных инвестиционных проектов [там же: 424]. Основные «претензии» к современному миру предъявлялись предпринимателями к логистике и нарушению мобильности ресурсов, человека и информации. О том, что всеобщая мобильность становится нормой, писал еще Элвин Тоффлер в своей знаменитой книге «Шок будущего» (1970) [Тоффлер, 2001]. Он писал о пессимизме, с которым сталкивается общество, получая возможность путешествовать не только с рекреационными целями, но и с экономическими, которые фактически становятся вынужденной мерой [там же: 121—122]. Ему же принадлежит тезис о разрыве связей традиционного общества как об одной из черт сверхиндустриального общества. При этом Тоффлер делал акцент на уничтожение внутренних местных устоявшихся общественных связей, нежели связей сугубо экономических. Так, он пишет о тенденции в американском обществе отказываться от «семейного доктора» из-за социальной мобильности [там же: 123]. Его анализ проблем современной мобильности учитывал преимущественное влияние внешних факторов разной степени значимости, что исключает экстремальность системы в классическом синергетическом понимании неустойчивости и нестабильности. Отнюдь не слабая флуктуация привела к тому, что система потеряла стабильность, однако утверждать плавность разрушения SPOD мира мы также не можем.

В рамках исследования мы можем предположить, что сознание инертно в восприятии, прямо пропорционально опыту и памяти носителя сознания. В таком случае стабильная социальная система действительно могла достигнуть своего экстремального состояния через появление незначительных флуктуаций. Тогда необходимо отыскать ту систему, в которой присутствует постоянное движение и которая в своем потоке очень близка к нелинейному развитию, максимально открыта и неустойчива настолько, что могла бы быть концептуально выражена сознанием через концепт VUCA. Этот вопрос отражается не только

в американском обществе, но и во всяком затронутом глобализацией, которую в последние годы можно назвать турбулентной².

Элвин Тоффлер указывал на социальную мобильность как на одну из основополагающих черт нового общества, где мир человека превращается из системы в конгломерат, что, несомненно, влияет на критичность и тяжесть восприятия. В этом мире логистика ставит логичный вопрос к размышлению и осмыслению в рамках концепта. Интересно, как именно такая напряженная сфера, как логистика, влияет на сознание человека (в данном случае занятого в бизнесе)?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны определить предмет этого фактора. Логистическая деятельность — это деятельность, направленная на организацию рационального движения материальных и сопутствующих потоков информации и денежных средств. Ее питательной средой служит коммерческая деятельность со своими уникальными свойствами — подвижного, разделенного пространства и способностью постоянно обновлять и усложнять свое содержание [Афанасенко, 2009: 9].

С точки зрения текстологического анализа мы можем утверждать, что логистика ассоциируется со сложностью и постоянным изменением, которое прямо характеризует постоянное обновление содержания. При этом важными для логистики являются не эти два качества, которые столь удобно интерпретировать со стороны концепта VUCA. Центральной категорией логистической науки является «поток». Для потока информации и ресурсов характерна постепенность, которая возникает в периодической смене двух противоположных тенденций: упорядочивание связей и разрыв связей [там же]. Нарушение этого порядка сказывается на всей системе, поскольку именно на логистике основан один из трех важнейших компонентов систем — отношения.

Экстремальность в синергетической парадигме может восприниматься именно как нарушение заведенного порядка смены векторов развития, однако если в систему вовлечено человеческое сознание, то вполне может хватить и усиления полярности двух противоположных тенденций. Усиливающаяся поляризация приводит к уязвимости системы. Появление новых связей и разрыв старых происходит столь быстро, что распространение информации затрудняется до критического значения. А изменения определенно являют собой уже новую информацию, которая при низкой скорости ее распространения сразу становится неактуальной до того момента, как дойдет до адресата. В таком случае мы можем говорить о «системной неуверенности» не столько из-за частых изменений системы, сколько из-за системной неосведомленности, что еще сильнее приводит сознание в состояние экстремального.

Таким образом, осознание, переживание, мышление в описанной ситуации нелинейного и хаотичного потока или включающие подобный неустойчивый фактор, задают феномен экстремального сознания.

В сфере психологии экстремальное сознание можно понимать не только как распространенные и известные психологические заболевания, такие как депрессия, апатия и эмоциональное выгорание. Интересно было бы рассмотреть и явление психологической несостоятельности, которое включало бы в себя

² В целом, с учетом COVID-19 и многочисленных санкций, которые коснулись не только сырьевой логистики, но и информационной.

симптоматику и причины более общего характера. К примеру, если бы вся нестабильность отражалась в человеческой психике не в какой-то конкретной биологически обусловленной сфере, а во многих. Для выражения такого психического состояния используется аббревиатура ПРЛ (пограничное расстройство личности). Оно имеет достаточно небольшую историю диагностики как раз потому, что его клиника разнообразна и не позволяет его диагностировать с высокой уверенностью. В рамках этого заболевания и его причин мы рассмотрим экстремальное сознание и покажем, что концепты VUCA и BANI отражают социальные предпосылки для экстремального состояния психики, выражающегося в ПРЛ.

Подробный подход предложили Джеральд Крейсман и Хэл Страус [Крейсман, Страус, 2018]. Они рассматривают происхождение ПРЛ с трех точек зрения. Одна из них психологическая, другая — генетическая, а третья — социальная. Первые две рассмотрены в книге достаточно подробно. Последняя (социальная) представлена недостаточно широко. Авторы предлагают нам только один пример пациентки [там же: 107—111], чье расстройство было связано с социальными факторами, а также рассуждения на тему социальных причин, описанных в этом примере. Из основных причин ПРЛ со стороны социума они называют быстрый темп жизни и фрагментированную социальную структуру, разрушение нуклеарной семьи, увеличение числа разводов и стремление родителей полагаться на помощь в дневном воспитании детей и меняющиеся гендерные роли. Но самая важная, на наш взгляд, причина — большая географическая мобильность [там же: 89].

В отношении концептов, которые мы рассматривали, следует сказать, что указанные социальные факторы остро коррелируют с экономическими показателями неопределенности. Так, авторы указывают, что «социальная среда стала гораздо более сложной» [там же: 111], тогда как сравнение шло с предсказуемой и определенной в социальном контексте викторианской эпохой. Они же отмечают, что само понятие «традиционности», ассоциирующееся со стабильным, объяснимым и наследуемым порядком, «уже не кажется ясным» [там же]. По семантике трудно не соотносить данные характеристики с концептуальными определениями *complexity* — сложность и *ambiguity* — неоднозначность. В отношении упомянутого примера можно отметить и неопределенность (*uncertainty*), и изменчивость (*volatility*) в отношении экономических условий, описанных авторами [там же: 109].

Еще одной особенностью парадигмы VUCA-мира, делающей этот концепт принадлежащим языку экстремального сознания, является уже упомянутый нами ранее «поток». Это понятие не только является ключевым в самой подвижной, изменчивой и неустойчивой части экономической науки — логистике, но и вмещает в себя другую семантику. Так, например, в отношении ПРЛ авторы упомянутого исследования представляют поток как «поток технических новшеств и информации [который] хлынул на нас в конце XX и начале XXI века» [там же: 113]. Они отмечают важную роль технико-информационного потока в атомизации людей с характерной для них «замкнутостью и сокращением физического взаимодействия» [там же]. Семантическая разница логистического и технико-информационного потока в среде социума заключается в том, что в первом случае поток рассматривается как среда, в которой неустойчивость существует, в которой она насущна. Во втором же случае имеется в виду фактор

атомизации и общее ускорение смены техники и информации. И в том, и в другом случае мы имеем дело с непредсказуемым, напряженным движением, которое не изолировано от окружающих стабильных систем и вполне является фактором флуктуации [Пригожин, Стенгерс, 1986: 237].

Оценку социальной онтологии предпосылок ПРЛ дает и представитель медицинского сообщества. Так, профессор клинической психологии Луи Сасае отмечает роль пограничного расстройства в качестве «козла отпущения эпохи», а также подчеркивает: «пограничные личности, чья идентичность разделена на множество кусочков, являют собой распад стабильных единиц нашего общества» (цит. по: [Крейсман, Страус, 2018: 114]). В такой оценке прослеживается не дедуктивный характер происхождения ПРЛ, как мы доказывали ранее, но индуктивный, когда «разделенная идентичность», а стало быть частное, индивидуальное сознание у многих становится причиной общественной неустойчивости, которая отражается в основных понятиях и факторах концепта VUCA.

Другой концепт, который продолжает историю VUCA, — это концепция BANI-мира. Она появилась в 2016 году под влиянием глобализации и развития транснациональных корпораций. Однако именно в 2019 году (на пике COVID-19 в мире) эта концепция получила свое признание и, насколько возможно, воплощение. Авторы концепта — Ж. Кашио и Дж. Ито предложили акроним BANI как продолжение концепта VUCA, что иллюстрирует не только преемственность мысли, но и преемственность посылок.

Расшифровка BANI представляется следующим образом: *B (brittle)* — «хрупкий»; в таком мире системы сталкиваются с подрывными инновациями и не могут полноценно контролировать среду вокруг и собственное развитие [Хасанов, 2023: 425]. Далее следует понятие *A (anxious)* — «тревожный»; тревожность понимается уже в традиционном ключе через психологию. Невозможность что-то изменить и потому нежелание брать на себя ответственность и проявлять собственную позицию. *N (nonlinear)* — дословно переводится как «нелинейность». Это понятие отсылает нас к одной из ключевых категорий синергетической парадигмы и заставляет задуматься о верности методологической установки в исследовании экстремального в синергетической парадигме. Но это метод; в концепте BANI термин *nonlinear* может обозначать неэтапное, сбивчивое, а иногда и регрессивное развитие системы с постоянной сменой усложнения и упрощения в организации системы. С точки зрения системного подхода в BANI-мире присутствует неопределенность в отношении системообразующего свойства. Это означает, что не существует одной более-менее устойчивой характеристики отношениям вещей, которые постоянно меняются во времени и меняются непредсказуемо. Последний термин концепта BANI — это *I (incomprehensible)* — непостижимый. В понятие непостижимости можно вложить очень многое. При анализе российского предпринимательского сектора в первую очередь учитывается неопределимая разнообразность, которую индивид не может качественно обработать. В результате человек перестает понимать будущее и не способен его прогнозировать [там же].

Как в сфере психологии, так и в сфере экономики возможно концептуальное выражение основных сторон и характеристик нового меняющегося мира. С точки зрения осознания всех особенностей нового мира складывается впечатление, что сама концептуализация говорит о наличии сознания вне его экстре-

мального состояния. Однако лаконичность концепта и его сосредоточенность на выражении явления говорит об его экстремальной онтологии.

Что это значит? Это значит, что концепты VUCA и BANI имеют экстремальное состояние своей эйдетической основой. Это заставляет выдвинуть предположение, что экстремальное сознание появляется не только на уровне первой рефлексии произошедшего в обществе, но и при последующей рефлексии и восприятии концепта. Мы можем видеть такую логику в осмыслении катастрофических событий, которые имели место в XX столетии. Так, например, холокост, который породил целый пласт исторической и философской литературы, часто называют «пограничным событием», отмечая ту границу человечности и человеческого сознания, которым является это преступление [Шнирельман, 2021: 7]. В. А. Шнирельман обращается к использованию специфической лексики, описывающей рефлексию холокоста в научной среде. Среди отмечаемых терминов наиболее интересны два: «невероятно» и «невообразимо» (ср.: [Edkins, 2003]).

Трудно отрицать семантическую аналогичность этих слов и термина «непостижимый» из концепта BANI. Даже словарь Ожегова в последней редакции соотносит понятия «невероятный» и «чрезвычайный», как и понятие «невообразимый» [Ожегов, 2019: 607]. Однако словарь не ассоциирует понятие «непостижимый» с понятием «чрезвычайный». Это мы можем сделать, только прибегая к логической аналогии, принимая основной мир как понятный и постижимый, а чрезвычайную гносеологическую ситуацию как непостижимость. Утверждать это без веских оснований достаточно тяжело, но ассоциативность с нелинейностью, тревожностью и хрупкостью позволяет нам предположить истинность такого замечания. Но вернемся к экстремальному в обществе, порождающему экстремальное сознание и выражающееся концептуально.

Вторичная рефлексия над уже пережитым не вызывает тех чувств и эмоций, которые переживались в моменте, и неспособна снова вызвать аффективное состояние. Но если мы рассматриваем социальную онтологию экстремального сознания, которое является денотатом для различных концепций, то мы должны не только признать за рефлексией процесс образования концепта, но и сказать о вторичной рефлексии и возможности вызывать переживание травмы в коллективном сознании. В контексте сказанного трудно не согласиться с Э. Г. Симоняном и И. Ф. Ивашкиным, которые отмечают, что «идентичность подразумевает отсылку к культуре. Событие получает статус травмы только если происходит резкое смещение упорядоченных, привычных смыслов сообщества. Именно смыслы обеспечивают чувство шока и страха, а вовсе не события сами по себе. Оказываются ли структуры смысла нестабильными и поврежденными или нет, зависит от социокультурного процесса, а не от события» [Симонян, Ивашкин, 2018: 314—315]. Подчеркнем, что именно смыслы, а не само событие, а следовательно, сама рефлексия приводит сознание к экстремальному своему состоянию. С этим утверждением можно поспорить, поскольку для переживающего шокирующее, непостоянное и непознаваемое рефлексия может помочь понять и выразить, что работает как терапия для психики. Однако, когда мы говорим об опосредованном восприятии, о возможности познавать только результат рефлексии, онтология экстремального сознания при непосредственном восприятии и при инкультуризации различны. В первую очередь, онтология может быть не обязательно социальной: природные катастрофы нередко приводят к шокирующему

переживанию вне зависимости от места этих событий в культуре. Однако когда мы говорим о введении человека в культуру, то подразумеваем процесс общения и познания через создание и совершенствование концепта как языковой семантической системы. В таком случае экстремальным будет не само событие, а осознание индивидом или общностью актуального (на-данный-момент-действительного) нарушения фундаментальных смысловых оснований общества.

В контексте сказанного указанные концепты и их изучение показывают не только причины экстремального состояния сознания, но и его социальную онтологию, набирающую свою полноту по мере социальной рефлексии и исторического удаления от произошедшего и травмирующего явления или события.

Таким образом, VUCA и BANI являются концептами, выражающими экстремальное состояние общества и познающего субъекта. Механизм социокультурной коммуникации делает травмирующие обстоятельства доступными не через опыт, а через определенное знание. Выражаясь в самой открытой и непостоянной среде — экономике, VUCA и BANI проясняют влияние «логистики материи и информации» в современном мире. Неустойчивость и общая тревожность характеристик представленных концептов говорит о смещении акцентов экстремального в сторону психологизма, что обусловлено возросшим интересом к ментальному здоровью и влиянию на индивидуальное сознание неконтролируемых социальных изменений. В контексте сказанного существует пограничное расстройство личности, которое имеет глубокие социальные корни, отражаемые в концепте BANI в большей степени, чем в VUCA. Через указанные концепты можно говорить об экстремальном состоянии сознания, характеризовать его и находить его социальные, экономические и психологические предпосылки и признаки.

Библиографический список / References

- Афанасенко И. Д., Борисова В. В. Философия и методология науки логистики // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2009. № 3 (59). С. 7—15.
- (Afanasenko I. D., Borisova V. V. Philosophy and methodology of the science of logistics, *Bulletin of the St. Petersburg University of Economics and Finance*, 2009, no. 3 (59), pp. 7—15. — In Russ.)
- Барков С. А. Неопределенность и тоталитаризм — сложный выбор человечества // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2021. Т 27, № 4. С. 49—77.
- (Barkov S. A. Uncertainty and totalitarianism — a difficult choice for humanity, *Moscow University Bulletin. Series 18, Sociology and Political Science*, 2021, vol. 27, no. 4, pp. 49—77. — In Russ.)
- Жульков М. В. Методы и способы защиты и самозащиты индивидуального сознания в условиях информационно-психологического давления // Общество: философия, история, культура. 2024. № 12 (128). С. 144—153. DOI 10.24158/fik.2024.12.15.
- (Zhulkov M. V. Methods and means of protection and self-defense of individual consciousness in conditions of information and psychological pressure, *Society: Philosophy, History, Culture*, 2024, no. 12 (128), pp. 144—153. — In Russ.)

Крейсман Дж., Страус Х. Я ненавижу тебя, только не бросай меня. Пограничные личности и как их понять. СПб.: Питер, 2018. 304 с.

(Kreisman J., Strauss H. *I hate you — don't leave me. Borderline personalities and how to understand them*, St. Petersburg, 2018, 304 p. — In Russ.)

Мустояпова А. Т. Теория травмы и нарратив // Вестник Карагандинского университета. Серия: Филология. 2021. № 2. С. 81—92.

(Mustoyarova A. T. Theory of trauma and narrative, *Karaganda University Bulletin. Series: Philology*, 2021, no. 2, pp. 81—92. — In Russ.)

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. М.: Мир и Образование, 2019. 1376 с.

(Ozhegov S. I. *Explanatory dictionary of the Russian language*: approx. 100,000 words, terms, and phraseological expressions, Moscow, 2019, 1376 p. — In Russ.)

Ознамец В. В. Эволюция понятия «сложная система» // Образовательные ресурсы и технологии. 2021. № 3 (36). С. 80—87.

(Oznamets V. V. Evolution of the concept of “complex system”, *Educational Resources and Technologies*, 2021, no. 3 (36), pp. 80—87. — In Russ.)

Ополеп П. В. В поисках философии сложности // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2013. № 4 (14). С. 102—110.

(Opolep P. V. In search of the philosophy of complexity, *Science of Man: Humanitarian Research*, 2013, no. 4 (14), pp. 102—110. — In Russ.)

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

(Prigogine I., Stengers I. *Order from Chaos: A New Dialogue between Man and Nature*, Moscow, 1986, 432 p. — In Russ.)

Симонян Э. Г., Ивашкин И. Ф. Рефлексия как рациональная реакция в анализе культурной травмы // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 3. С. 312—318.

(Simonyan E. G., Ivashkin I. F. Reflection as a rational reaction in the analysis of cultural trauma, *Social and Humanitarian Knowledge*, 2018, no. 3, pp. 312—318. — In Russ.)

Смирнов Г. С. Экстремальная экология глобального сознания: глобальное и локальное в фрустрированном российском сознании // Ноосферные исследования. 2017. № 2 (18). С. 63—74.

(Smirnov G. S. Extreme ecology of global consciousness: global and local in frustrated Russian consciousness, *Noospheric Studies*, 2017, no. 2 (18), pp. 63—74. — In Russ.)

Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. Рискология ноосферной истории: эколого-семиотические проблемы безопасности // Сахаровские чтения 2019 года: экологические проблемы XXI века: материалы 19-й Международной научной конференции, Минск, 23—24 мая 2019 года. Том 3. Минск: Информационно-вычислительный центр Министерства финансов Республики Беларусь, 2019. С. 497—500.

(Smirnov G. S., Smirnov D. G. Riskology of noospheric history: ecological-semiotic problems of security, in *Sakharov Readings 2019: environmental problems of the 21st century*: Proceedings of the 19th international scientific conference, Minsk, May 23—24, 2019, vol. 3. Minsk, 2019, pp. 497—500. — In Russ.)

Смирнов Д. Г. Философия ноосферной безопасности: комплексный тезаурус // Философия и/или новое интегративное знание: сборник материалов VII Всероссийской научной конференции (с международным участием), Ярославль, 15—16 апреля 2021 года. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2021. С. 322—326.

(Smirnov D. G. Philosophy of noospheric security: a comprehensive thesaurus, in *Philosophy and/or new integrative knowledge*: Collection of materials from the VII All-Russian scientific conference (with international participation), Yaroslavl, April 15—16, 2021. Yaroslavl, 2021, pp. 322—326. — In Russ.)

Суржанская Ю. В. Развитие идеи «Концепта» в науке и философии // Система ценностей современного общества. 2010. № 10. С. 32—35.

(Surzhanskaya Yu. V. Development of the idea of the “concept” in science and philosophy, *The System of Values of the Modern Society*, 2010, no. 10, pp. 32—35. — In Russ.)

Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2001. 560 с.

(Toffler E. *Future Shock*, Moscow, 2001, 560 p. — In Russ.)

Хасанов А. Э. VUCA- и BANI-мир — новая реальность для российского предпринимательства // Московский экономический журнал. 2023. № 4. С. 419—433.

(Khasanov A. E. VUCA and BANI world — a new reality for Russian entrepreneurship, *Moscow Economic Journal*, 2023, no. 4, pp. 419—433. — In Russ.)

Шнирельман В. А. Травматическая память: подходы к изучению и интерпретации // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 6—29.

(Shnirelman V. A. Traumatic memory: approaches to study and interpretation, *Siberian Historical Studies*, 2021, no. 2, pp. 6—29. — In Russ.)

Edkins J. *Trauma and the Memory of Politics*, Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 265 p.

Статья поступила в редакцию 01.12.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 01.12.2025; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 17.02.2026.

Информация об авторе/ Information about the author

Лебедев Василий Сергеевич — аспирант кафедры философии Ивановского государственного университета, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, vasleb11@mail.ru

Lebedev Vasily Sergeevich — postgraduate student at the Department of Philosophy at Ivanovo State University, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, vasleb11@mail.ru

ДЕБЮТ

Научная статья
УДК 101.1(470+571)
DOI: 10.46724/NOOS.2026.1.75-79

К. А. Бовыкин

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ МИСТИЦИЗМ КАК ВОЗМОЖНОЕ ЛИЧНОСТНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ СЦИЕНТИЗМА

Аннотация. В статье рассматривается феномен интеллектуального мистицизма как возможного этапа развития научного мировоззрения. Автор проводит сравнительный анализ сциентизма и интеллектуального мистицизма, выявляя их общую основу — «этос преклонения перед Разумом». Основное различие усматривается в методах познания: если классический сциентизм опирается на позитивистскую наглядность, измеримость и воспроизводимость, то интеллектуальный мистицизм возникает при углублении в ненаблюдаемые области (квантовая физика, теоретическая математика), где познание опирается на интуицию, умозрительные конструкции и абстрактное мышление. Делается вывод, что интеллектуальный мистицизм может стать личностным продолжением сциентизма, позволяя ученому сохранить научность, но дополнить ее возвышенным, философским взглядом на устройство реальности.

Ключевые слова: интеллектуальный мистицизм, сциентизм, Разум, познание, мировосприятие, математический платонизм.

Ссылка для цитирования: Бовыкин К. А. Интеллектуальный мистицизм как возможное личностное продолжение сциентизма // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 1. С. 75—79.

Original article

К. А. Bovykin

INTELLECTUAL MYSTICISM AS A POSSIBLE PERSONAL CONTINUATION OF SCIENTISM

Abstract. The article examines the phenomenon of intellectual mysticism as a possible stage in the development of a scientific worldview. The author conducts a comparative analysis of scientism and intellectual mysticism, identifying their common foundation — an “ethos of reverence for Reason”. The primary difference lies in their methods of cognition: while classical scientism relies on positivistic clarity, measurability, and reproducibility, intellectual mysticism emerges through delving into unobservable realms (quantum physics, theoretical mathematics), where cognition relies on intuition, speculative constructs, and abstract thinking. The author concludes that intellectual mysticism can become a personal extension of scientism, allowing the scientist to retain scientific principles but complement them with a lofty, philosophical perspective on the structure of reality.

Keywords: intellectual mysticism, scientism, reason, knowledge, worldview, mathematical Platonism.

Citation Link: Bovykin K. A. (2026) Intellectual mysticism as a possible personal continuation of scientism, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 75—79.

© Бовыкин К. А., 2026

Ноосферные исследования. 2026. Вып. 1. С. 75—79 •

Интеллектуальный мистицизм возможен как личностное продолжение сциентизма во многом потому, что стоит на одном и том же базовом этосе, а именно этосе преклонения перед Разумом. Только вот сциентизм в основе своей опирается на позитивистскую версию науки, которая характеризуется некоторой простотой, наглядностью и воспроизводимостью. Также это способ мировосприятия отличается уверенностью в том, что наука как таковая — это чуть ли не единственный и наиболее важный путь к общественному благу. Конечно, многое упирается еще в само определение науки и сциентизм, например, советского варианта будет отличаться от западноевропейского. Но тем не менее общая суть сциентизма состоит в «обожещении» науки и всего, что с ней связано, с некоторым презрением к остальным способам мировосприятия.

У интеллектуального мистицизма, который уже имел свои аналоги в истории (платонизм, герметизм, культ Разума), есть некоторые отличия от сциентизма. Сама по себе эта форма мировосприятия отличается определенной религиозностью, от которой человеку в целом достаточно тяжело уйти. С одной стороны, это более возвышенное и утонченное мировидение, не всегда отличающееся наглядностью, что вроде как полагает считать его ненаучным. Но надо понимать, что в каком-то смысле интеллектуальный мистицизм и сциентизм являются достаточно близкими и родственными течениями. Ведь там, где радикальный позитивизм и сциентизм провозглашают наглядность, познание только начинается. А потом, чем дальше мы углубляемся в познание тайн окружающей действительности, тем больше остается того, что мы наблюдаем скорее в своем сознании благодаря всевозможным расчетам и прогнозам. Несложно своими глазами убедиться в базовых физических законах на основе экспериментов с понятным и осязаемым маятником. Но понять квантовый мир уже гораздо сложнее, ведь он практически ненаблюдаем. Сложно узреть то, что может быть мельче мельчайшей частицы света. Выходя за пределы света, мы выходим и за пределы видимости как таковой. И получается, что чем дальше, тем больше мы уходим в наблюдение посредством созерцания своих мыслительных конструкций, которым пытаемся найти подтверждение на практике или в виде каких-то побочных эффектов, которые мы еще в состоянии зафиксировать. И чем больше мы уходим в теорию такого рода, тем меньше мы имеем связи с наглядной и эмпирической действительностью, тем больше мы отдаем своему умению составлять слова и формулы, понимать их, пользоваться интуицией и абстрактными ощущениями.

И вот этот уход от наглядного и бытового, легко понимаемого мира в мир трактовок, интуиций и сложностей, уже предрасполагает нас к мистицизму. Отличительной чертой мистического мировосприятия являются его парадоксальность, сложность понимания, тяжесть его передачи другим и крайняя умозрительность. Даже если вам кажется, что вы видите мистическое явления «наяву», как правило, это все же очень сильно связано с деятельностью вашего сознания, ибо без мистика нет и мистики. Но при этом мистицизм гораздо более гибок и всеобъемлющ, чем строгая, наглядная и позитивистская научность. Он в состоянии говорить на одном языке с произведениями искусства и бессознательным человеком, и он же может описывать довольно сложные и слабо понятные концепты из еще непознанного человеком. Возможно, это связано с тем фактом, что чем более усложняется восприятие человека, тем меньше в нем чего-то простого, определенного и позитивного. На любой факт и пример находится обратный, каждая

теория начинает восприниматься как работающая на своих конкретных примерах. И в результате мы попадаем в мир полной множественности и иллюзорности, где каждый закон может перевернуться наизнанку и остается только чистое и не прикрытое никаким догматизмом познание вечно изменяющейся реальности. При этом подобного рода мистицизм не отрицает рациональность и логичность, он скорее дополняет и раскрывает их.

Но почему же не считать это познание в том числе и мистическим? Углубляясь в такого рода восприятие, ученые порой говорят, что они начинают верить в некий идеальный мир вечных принципов, который существует независимо от нашего и с которым мы можем лишь соприкоснуться [Яковлев, 2017: 47—49]. Есть точка зрения, согласно которой мистическое мировосприятие биологически близко к напряженному творческому познанию, что оно часто сопровождает опыт разрыва с повседневной реальностью и выстраивания новых связей [Волкова, 2012: 90—91]. Это отчасти объясняет саму этимологию термина «религия», которая идет от слова *religare*, что значит «связывать».

Возможно, что, достигая высшей ступени своего личного познания чего-либо, мы при этом обретаем возможность увидеть это в мистическом свете как воплощение своей трансценденции в иное. Можно увидеть религиозное в состоянии алкогольного опьянения или в посещении театра, о чем писал У. Джеймс [James, 1917: 257—259]. А можно увидеть религиозное и на войне, внезапно ощутив, что все столкновения и противоречия есть лишь части вечной божественной силы, что издавна наблюдает за развитием этого мира и восхваляет наиболее ярких его бойцов, что уже напоминает пусть скорее Эрнста Юнгера [Юнгер, 2025: 153—154]. У интеллектуального развития есть схожий путь. Изучая правила устройства реальности, видя их постоянную переменчивость и понимая, как все невероятно сложно устроено, даже последовательный позитивист и сциентист может прийти сначала к ощущению непознаваемости всего сущего, что есть дорога в агностицизм, а потом и увидеть интуитивно в этой текучей реальности проявление его личного Божественного. И именно таким путем даже ученый может прийти к мистицизму и стать его последовательным сторонником, не подвергнув при этом свою научность каким-то калечащим изменениям.

Если говорить о примерах тех ученых, которые в ходе своей карьеры совмещали научные и религиозные взгляды, то мы можем вспомнить, например, Эрвина Шредингера [Шредингер, 2000], Фритьофа Капру [Капра, 2017] и Паули Вольфганга [Varlaki, Nadai, Vokor, 2008]. Первый во многом вдохновлялся в своей научной практике идеями Веданты, второй же решил, что современная квантовая физика близка по своим положениям к восточной философии, а третий совместно с К. Г. Юнгом разработал концепцию синхронности, согласно которой сознание и материя неразделимо связаны и изменения в одной части затрагивают другую (это было выражением его идеи «духа материи»).

Помимо этого, довольно популярна еще такая вещь, как математический платонизм. Согласно этой мировоззренческой позиции, все математические и геометрические сущности имеют собственное, самодостаточное бытие. Иными словами, числа и фигуры становятся не просто способами описать действительность и отрешенными абстракциями, они становятся самостоятельными предметами в глазах последователей такого взгляда на мир.

В статье В. А. Яковлева упомянут целый ряд таких ученых. «Платонистами были Галилей (“Книга природы написана на языке математики”, Кронекер (“Натуральный ряд чисел дан Богом”), Кантор (“В множествах выражается актуальная бесконечность”), Герц (“Уравнения Максвелла продиктованы Богом”). Из математиков XX века назовем Гёделя, Поля Эрдоса (“Существует божественная книга, где записаны все лучшие доказательства”). Тот же Роджер Пенроуз¹ утверждает, что математические идеи существуют как бы вне времени и независимо от людей, что платоновский мир идей — это та реальность, куда проникает ум человека в творческом вдохновении». «Я не скрываю, — пишет ученый, — что практически целиком отдаю предпочтение платонистской точке зрения, согласно которой математическая истина абсолютна и вечна, является внешней по отношению к любой теории и не базируется ни на каком “рукотворном” критерии; а математические объекты обладают свойством собственного вечного существования, не зависящего ни от человеческого общества, ни от конкретного физического объекта» [Яковлев, 2017: 49].

Похожие упоминания обнаруживаются и в статье В. В. Целищева: «Не менее характерным “платонистским” признанием является высказывание английского математика Г. Харди²: “Я убежден в том, что математическая реальность лежит вне нас, что наша функция состоит в том, чтобы открывать или обозревать ее, и что теоремы, которые мы доказываем или великоречиво описываем как наши творения, по существу представляют собой наши заметки о наблюдениях математической реальности. Эту точку зрения в той или иной форме разделяли многие философы самого высокого ранга, начиная с Платона”» [Целищев, 2014: 496—497].

Как мы можем понять, сциентизмом подобные взгляды не назвать, потому что как минимум они отрицают материализм, но при этом здесь мы видим явно не религию в классическом ее понимании. В результате можно констатировать, что по мере своего творческого развития ученый и вправду может прийти от сциентизма и атеизма к определенной форме платонизма, выраженной в интеллектуальном мистицизме.

Библиографический список / References

- Волкова А. Н. Естественнoнаучные механизмы мистического опыта // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 2, вып. 4. С. 86—94.
(Volkova A. N. Natural scientific mechanisms of mystical experience, *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 2012, vol. 2, no. 4, pp. 86—94. — In Russ.)
- Капра Ф. Дао физики. Исследование параллелей между современной физикой и восточной философией. М.: Миф, 2017. 368 с.
(Capra F. *The Tao of Physics: A Study of Parallels between Modern Physics and Eastern Philosophy*, Moscow, 2017, 368 p. — In Russ.)
- Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2011. 688 с.

¹ Более подробно о позиции мыслителя см.: [Пенроуз, 2011].

² Более подробно о позиции мыслителя см.: [Харди, 2022].

(Penrose R. *Shadows of the Mind: A Search for the Missing Science of Consciousness*, Moscow, 2011, 688 p. — In Russ.)

Харди Г. Г. Апология математика. М.: АСТ, 2022. 160 с.
(Hardy G. G. *Apology of a Mathematician*, Moscow, 2022, 160 p. — In Russ.)

Целищев В. В. Математический платонизм // *Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2014. Т. 8, вып. 2. С. 492—504.
(Tselishchev V. V. *Mathematical Platonism, Scholae. Philosophical antiquity and the classical tradition*, 2014, vol. 8, no. 2, pp. 492—504. — In Russ.)

Шредингер Э. Разум и материя. Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2000. 96 с.
(Schrödinger E. *Mind and Matter*, Izhevsk, 2000, 96 p. — In Russ.)

Юнгер Э. Борьба как внутреннее переживание. М.: Копьеносец, 2025. 158 с.
(Junger E. *Struggle as an Inner Experience*, Moscow, 2025, 158 p. — In Russ.)

Яковлев В. А. Теория креативности Платона в свете современной науки // *Философия и культура*. 2017. Вып. 6. С. 44—55.
(Yakovlev V. A. *Plato's theory of creativity in the light of modern science, Philosophy and Culture*, 2017, no. 6, pp. 44—55. — In Russ.)

James W. *Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature Being the Gifford Lectures on Natural Religion Delivered at Edinburgh in 1901—1902*, New York, London, Bombay, Calcutta, and Madras: Longmans, Green, and Co, 1917, 374 p.

Varlaki P., Nadai L., Bokor J. Number Archetypes and Background Control Theory Concerning the Fine Structure Constant, *Acta Polytechnica Hungarica*, 2008, vol. 5, no. 2, pp. 71—104.

Статья поступила в редакцию 11.12.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 15.12.2025; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 17.02.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Бовыкин Кирилл Александрович — аспирант кафедры философии, Ярославский государственный педагогический университет, преподаватель кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет, г. Ярославль, Россия, bowykin.kirill2011@yandex.ru

Bovykin Kirill Alexandrovich — postgraduate student, Philosophy Department, Yaroslavl State Pedagogical University; lecturer, History and Philosophy Department, Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, Russian Federation, bowykin.kirill2011@yandex.ru

Научная статья
УДК 101.1(470+571)
DOI: 10.46724/NOOS.2026.1.80-86

С. А. Митрофанова

А. Н. СКРЯБИН И РУССКИЙ КОСМИЗМ: ИДЕЯ ВСЕЕДИНСТВА ЧЕЛОВЕКА И ВСЕЛЕННОЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию философско-музыкального наследия А. Н. Скрябина в контексте русского космизма. Цель работы — выявить механизмы реализации идеи всеединства человека и Вселенной в творчестве композитора и показать его роль как связующего звена между религиозно-философским и художественным направлениями космизма. В отличие от естественнонаучного крыла, Скрябин воплощает антропокосмическую модель не через рациональное познание, а через художественный образ и субъективное переживание, что позволяет говорить о нем как о создателе особого — музыкально-мистического — направления космизма. В статье анализируется эволюция композитора от фортепианных миниатюр к «Мистерии» как путь расширения сознания индивидуального «Я» до вселенского масштаба. Особое внимание уделяется новаторству Скрябина в области синтеза искусств: светозвуковая гармония рассматривается не как эстетический эксперимент, а как способ моделирования «одухотворенного космоса» и инструмент теургического преобразования реальности. Выявлены глубокие параллели между философскими записями Скрябина и ключевыми концепциями Н. Ф. Федорова, Вл. С. Соловьева, а также учением Живой Этики. Делается вывод, что Скрябин не просто иллюстрировал идеи космистов, но создал самостоятельную художественную вселенную, где музыка становится языком ноосферного сознания, а композитор — проводником между мирами. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее выводов для дальнейшего изучения ноосферной динамики культуры и роли искусства в эволюции человечества.

Ключевые слова: русский космизм, всеединство, ноосферная культура, А. Н. Скрябин, антропокосмизм, синтез искусств, светомузыка, теургия, «Прометей», Мистерия, символизм, кристалл сознания.

Ссылка для цитирования: Митрофанова С. А. А. Н. Скрябин и русский космизм: идея всеединства человека и Вселенной // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 1. С. 80—86.

Original article

S. A. Mitrofanova

A. N. SCRIBIN AND RUSSIAN COSMISM: THE IDEA OF THE UNITY OF MAN AND THE UNIVERSE

Abstract. This article explores the philosophical and musical legacy of A. N. Scriabin in the context of Russian cosmism. The aim of the work is to identify the mechanisms for implementing the idea of the unity of man and the Universe in the composer's work and to show his role as a link between the religious-philosophical and artistic directions of cosmism. Unlike the

natural-scientific wing, Scriabin embodies the anthropocosmic model not through rational cognition, but through artistic imagery and subjective experience, which allows us to speak of him as the creator of a special — musical-mystical — direction of cosmism. The article analyzes the composer's evolution from piano miniatures to the “Mysterium” as a path of expanding consciousness from the individual “Self” to a universal scale. Special attention is paid to Scriabin's innovation in the field of art synthesis: lightsound harmony is considered not as an aesthetic experiment, but as a way of modeling a “spiritualized cosmos” and an instrument for the theurgic transformation of reality. Deep parallels are revealed between Scriabin's philosophical notes and the key concepts of N. F. Fyodorov, Vl. S. Solovyov, as well as the teachings of Living Ethics. It is concluded that Scriabin not only illustrated the ideas of the cosmists but created an independent artistic universe where music becomes the language of noospheric consciousness, and the composer — a conduit between worlds. The practical significance of the work lies in the possibility of using its conclusions for further study of the noospheric dynamics of culture and the role of art in the evolution of humanity.

Keywords: Russian cosmism, unity, noospheric culture, A. N. Scriabin, anthropocosmism, synthesis of arts, light-music, theurgy, “Prometheus”, Mysterium, symbolism, crystal of consciousness.

Citation Link: Mitrofanova S. A. (2026) A. N. Scriabin and Russian cosmism: the idea of the unity of man and the Universe, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 80—86.

Постановка проблемы, ее актуальность, новизна. На рубеже XIX—XX веков в России сложился уникальный феномен — русский космизм, который объединил ученых, философов и художников в стремлении осмыслить место человека в мироздании. Однако если естественнонаучное крыло (К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский) искало пути практического освоения космоса, а религиозно-философское (Н. Ф. Федоров, Вл. С. Соловьев) разрабатывало метафизику всеединства, то художественное направление долгое время оставалось в тени исследовательского внимания¹. Между тем именно в искусстве — наиболее чутком индикаторе мировоззренческих сдвигов — идеи космизма получили наиболее интуитивное и эмоционально насыщенное воплощение.

Актуальность обращения к творчеству А. Н. Скрябина сегодня обусловлена не только возросшим интересом к наследию Серебряного века, но и глубинным родством его идей с современными поисками целостного мировоззрения. В эпоху экологического кризиса, утраты духовных ориентиров и фрагментации знания концепция всеединства, разработанная космистами и воплощенная Скрябиным, приобретает особое звучание. Композитор предлагает не абстрактную теорию, а живую практику — путь художественного преображения реальности, где искусство становится теургией, то есть богочеловеческим действием. В этом контексте скрябинский хронотоп, разворачивающийся от микрокосмоса души к макрокосмосу Вселенной, может рассматриваться как модель ноосферной культуры будущего, где наука, философия и искусство сливаются в едином акте творения.

¹ Среди релевантных исследований художественного русского космизма можно назвать [Трифонов, 2011; Шапошникова, 2013; Гачева, 2020; Соколов, 2021; Назаров, 2023].

Новизна данного исследования заключается в отказе от традиционного рассмотрения Скрябина лишь как композитора-новатора. Мы предлагаем взглянуть на него как на целостного мыслителя, чье творчество представляет собой самостоятельную ветвь русского космизма — музыкально-мистическую. В работе впервые системно анализируется, каким образом философские категории (всеединство, София, теургия) трансформируются в конкретные музыкально-выразительные средства: гармонию, ритм, фактуру, а также в новаторскую идею светозвукового синтеза.

Теоретическая значимость работы состоит в углублении понимания взаимосвязи эстетики символизма и философии космизма. Практическая значимость определяется возможностью использования выводов в междисциплинарных исследованиях культуры, а также в разработке концепций современного синтетического искусства.

Антропокосмизм как мировоззренческая основа творчества А. Н. Скрябина. В центре философии русского космизма лежит антропокосмический принцип: человек не противопоставлен Вселенной, а является ее неотъемлемой частью и активным участником эволюции. Этот принцип, сформулированный еще античными мыслителями и развитый в трудах Н. Ф. Федорова и Вл. С. Соловьева, у Скрябина обретает новое, экзистенциальное измерение. Для композитора связь человека и космоса — не отвлеченная идея, а непосредственное переживание, доступное художнику в моменты творческого экстаза. Его знаменитая фраза о том, что «в твоём микрокосмосе отражается вся Вселенная» [Чупахина, 2009: 21], фиксирует не просто философский тезис, а интимное знание, добытое в опыте внутреннего созерцания.

Здесь важно подчеркнуть принципиальное отличие Скрябина от представителей естественнонаучного космизма. Если для Циолковского космос — это физическое пространство, которое предстоит заселить, а для Вернадского — сфера планетарного разума (ноосфера), то для Скрябина космос — прежде всего духовная реальность, постигаемая не через телескоп или микроскоп, а через углубление в собственное сознание. Его «путешествия» в иные миры — это не научная фантастика, а практика «кристалла сознания», как называл это сам композитор. Исследователи отмечают его необычайные способности к ясновидению и ясновосприятию², которые позволяли ему, по выражению Л. В. Шапошниковой, черпать вдохновение из «Высшего мира» и переводить его язык в земные музыкальные формы [Шапошникова, 2001: 207].

Эволюция творчества Скрябина наглядно демонстрирует этот путь расширения сознания. Ранние сонаты — это еще «состояние души», психологические этюды. Но уже в Третьей сонате намечается прорыв: индивидуальные переживания начинают звучать как голос космической стихии. В «Поэме экстаза» (1908) композитор достигает новой ступени: здесь, по точному замечанию Г. Г. Нейгауза, воплощается «вселенское общение» (цит. по: [Чупахина, 2009: 22]). Музыка перестает быть выражением эмоций отдельного человека — она становится языком самой Вселенной, где «ключ в беспредельное, вечное» находится «в твоём сердце» [Чупахина, 2009: 21]. Это удивительное совпадение

² Бандура А. И. Александр Николаевич Скрябин. Мистика творчества и магия светозвука. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theosophy.ru/lib/skr.htm> (дата обращения: 15.12.2025).

с евангельской максимой «Царствие Божие внутри вас» не случайно: космизм Скрябина глубоко укоренен в христианской традиции, но переосмысленной через призму новейших теософских исканий.

Таким образом, можно утверждать, что Скрябин создает особую — художественную — версию антропокосмизма. Если Федоров призывал к физическому воскрешению предков и регуляции природы, то Скрябин предлагает путь эстетического преображения. Человек у него становится демиургом, творцом, способным силой искусства гармонизировать хаос бытия. Эта активная, созидательная роль человека в «одухотворенном космосе» [Томша, 2016: 235] — пожалуй, самый ценный вклад Скрябина в развитие идей космизма.

Симметрия и синтез: музыка как модель всеединства. Одной из ключевых идей русского космизма, особенно разработанной Вл. С. Соловьевым, является концепция всеединства — органической целостности мира, где все элементы взаимосвязаны и взаимопроникают друг в друга. Для Скрябина эта идея стала не просто философской абстракцией, а руководством к действию. Всю свою жизнь он стремился преодолеть разобщенность видов искусства, чувств и, в конечном счете, самого бытия. Его творчество — это грандиозная попытка восстановить нарушенную «полноту времен и переживаний» [Лосев, 1990: 263—264].

Наиболее ярким воплощением этого стремления стал синтез звука и света. В партитуре «Прометей» (1910) Скрябин вводит специальную строку «Luce» (свет), предназначенную для не существовавшего тогда инструмента — световой клавиатуры. Важно понимать, что это не был внешний, декоративный эффект. Композитор исходил из глубокого философского убеждения в единстве волновой природы всех явлений: «звук является цветом, а цвет — звуком» [Узикова, 2016: 246]. Эта идея перекликается не только с античными представлениями о «гармонии сфер», но и с новейшими научными открытиями того времени в области оптики и акустики. Скрябин интуитивно предвосхитил то, что позже будет доказано физикой: свет и звук — это лишь разные частоты колебаний единой энергетической субстанции.

Символично, что для своего главного «светозвукового» произведения Скрябин выбирает сюжет о Прометее — титане, подарившем людям огонь. Огонь в космистской традиции — это не просто физическая стихия, но символ творческой энергии, божественного духа, преобразующего материю. «Прометеев аккорд» — знаменитое шестизвучие, лежащее в основе поэмы, — становится для композитора своего рода «музыкальной формулой» космоса. Как справедливо отмечает А. И. Бандура, появление этих новых, симметричных ладов было результатом не умозрительных рассуждений, а «созерцания глубин звучащей тишины»³.

Ритм в музыке Скрябина также обретает космическое измерение. Композитор понимал, что пульсация, вибрация пронизывает все уровни бытия — от биения человеческого сердца до вращения галактик. Его музыкальные ритмы часто выходят за пределы традиционной метрики, становясь отражением «космических ритмов Вселенной» [Узикова, 2016: 246]. В этом контексте Скрябин

³ Бандура А. И. Александр Николаевич Скрябин. Мистика творчества и магия светозвучия. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theosophy.ru/lib/skr.htm> (дата обращения: 15.12.2025).

выступает не просто композитором, а своеобразным «акустиком» мироздания, улавливающим и переводящим в звук те вибрации, которые обычно недоступны человеческому уху. Его творчество становится моделью всеединства: в нем гармонически сочетаются звук и свет, ритм и цвет, человеческое и космическое.

София и эсхатология: «Мистерия» как итог космистских исканий. Центральной категорией русской религиозной философии, оказавшей глубокое влияние на мировоззрение Скрябина, была София — Премудрость Божия, понимаемая Вл. С. Соловьевым и его последователями как идеальная основа мира, «душа мира», связующее звено между Творцом и творением. Как отмечает Т. И. Чупахина, в произведениях композитора «прослеживаются идеи всеединства человека, человечества и Вселенной», где София предстает «основой единства и развития не только Космоса, но и рода человеческого» [Чупахина, 2009: 22—23]. Однако у Скрябина эта абстрактная философия обретает конкретное художественное воплощение не через оперные образы (которых он не создавал), а через всю образно-смысловую структуру его симфонических и фортепианных полотен. Софийное начало проявляется у него как идеал преображающей любви и красоты, которые должны гармонизировать хаос и привести мир к духовному преображению. В программных комментариях к «Поэме экстаза» и «Прометею», а также в сохранившихся философских записях композитор постоянно обращается к теме Любви как всеисильной космической энергии, соединяющей индивидуальное с вселенским. В этом контексте «божественная искра вдохновения», заложенная в сердце каждого человека [Узикова, 2016: 244], может быть понята как отражение софийного света в человеческой душе. Таким образом, идея Софии у Скрябина трансформируется в идею творческого акта как теургического действия, где художник, уподобляясь Демииургу, преображает материю силой духа и любви.

Подлинным итогом космистских исканий Скрябина стал замысел «Мистерии» — грандиозного синтетического действия, в котором должны были объединиться все виды искусств и принять участие все человечество. Этот замысел часто называют утопическим, но, на наш взгляд, его следует рассматривать как логическое завершение всей философии космизма. Если Федоров мечтал о «регуляции природы» и «общем деле» воскрешения предков, то Скрябин предлагает свой вариант «общего дела» — эстетическую литургию, способную преобразить мир. Исполнение «Мистерии» должно было, по мысли композитора, привести к «гибели» материального мира как косной, инертной субстанции и торжеству мира духовного, одухотворенного. Как пишет Л. В. Шапошникова, смысл «Мистерии» состоял в «соединении миров различных состояний материи» [Шапошникова, 2001: 214].

Для этого действия Скрябин мечтал построить сферический храм в Индии, который «в сознании участников должен был превратиться в большую Вселенную» [там же: 214]. Выбор Индии не случаен: эта страна воспринималась в кругах русских космистов и теософов как хранительница древней сокровенной мудрости. Сферическая форма храма также глубоко символична: шар — идеальная геометрическая фигура, символ всеединства, не имеющий ни начала, ни конца. В этом замысле Скрябин предвосхищает многие идеи XX века — от хэппенингов и перформансов до глобальных телекоммуникационных проектов, объединяющих человечество.

В конечном итоге, «Мистерия» осталась незавершенной (композитор успел написать лишь «Предварительное действие»). Однако сам факт ее замысла чрезвычайно важен. Он показывает, что Скрябин мыслил категориями планетарного, космического масштаба. Он не просто сочинял музыку — он создавал новую реальность, новую космогонию. В этом смысле его можно поставить в один ряд с такими фигурами, как Данте, создавший в «Божественной комедии» целостную картину мироздания, или Вагнер с его идеей *Gesamtkunstwerk*. Но Скрябин идет дальше: его «Мистерия» должна была стать не изображением, а самым актом преображения.

Заключение. Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что А. Н. Скрябин является не просто композитором, испытавшим влияние идей русского космизма, но одним из ключевых творцов этого направления, создавшим его самостоятельную — музыкально-мистическую — ветвь. В отличие от ученых и философов, оперировавших понятиями и логическими конструкциями, Скрябин говорил на языке звуков и образов, делая идеи всеединства, антропокосмизма и теургии доступными для эмоционального переживания.

Его творческая эволюция — от психологических этюдов к «Поэме экстаза» и далее к «Прометею» и «Мистерии» — это путь расширения человеческого сознания до вселенских масштабов. Скрябин не просто отражал реальность, но активно творил ее, моделируя в звуке и свете образ одухотворенного космоса. Его новаторство в области гармонии (прометеев аккорд, искусственные лады), ритма и синтеза искусств было не самоцелью, а средством воплощения философской концепции.

«Влияние Скрябина на мир музыки XX века было мощным и всепроникающим» [Узикова, 2016: 242] именно потому, что он сумел перевести абстрактные философские идеи на язык музыкальных образов, доступный коллективно (соборному) переживанию. Сегодня, когда человечество вновь стоит перед необходимостью выработки целостного мировоззрения, способного объединить науку, философию и искусство, обращение к наследию Скрябина становится не просто академическим интересом, а насущной потребностью. Его музыка — это послание из будущего, напоминание о том, что человек — не пылинка в бесконечном космосе, а микрокосм, в котором отражается вся Вселенная. И от того, насколько глубоко мы сможем осознать это единство, зависит не только наше будущее, но и будущее всей планеты.

Библиографический список / References

- Гачева А. Г. Искусство как миро- и телостроительство в философском и художественном космизме. Статья вторая // Вопросы культурологии. 2020. № 11. С. 34—48.
(Gacheva A. G. Art as world and body transformation in philosophical and artistic cosmism. Article 2, *Questions of Cultural Studies*, 2020, no. 11, pp. 34—48. — In Russ.)
- Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 195—390.
(Losev A. F. Music as a subject of logic, in Losev A. F. *From Early Works*, Moscow, 1990, pp. 195—390. — In Russ.)
- Назаров А. Г. Творчество В. И. Вернадского и музыка С. В. Рахманинова: на пути к единству человечества // Ноосферные исследования. 2023. № 2. С. 8—11.

(Nazarov A. G. The works of V. I. Vernadsky and the music of S. V. Rachmaninoff: on the way to the unity of mankind, *Noospheric Studies*, 2023, no. 2, pp. 8—11. — In Russ.)

Соколов В. Г. Космизм в изобразительном искусстве: истоки, сущность и перспективы // Вестник культурологии. 2021. № 4 (99). С. 114—147.

(Sokolov V. G. Cosmism in the fine arts: origins, essence, and prospects, *Bulletin of Cultural Studies*, 2021, no. 4 (99), pp. 114—147. — In Russ.)

Томша З. А. Космизм как явление в музыкальной культуре России // Проблемы Русского космизма: материалы Международной научно-общественной конференции. Москва, 8—11 октября 2013. М.: Международный центр Рерихов, 2016. С. 234—241.

(Tomsha Z. A. Cosmism as a phenomenon in the musical culture of Russia, in *Problems of Russian Cosmism: Proceedings of the international scientific and public conference*. Moscow, October 8—11, 2013, Moscow, 2016, pp. 234—241. — In Russ.)

Трифонова Г. С. Русский космизм как мировоззрение художников «Амаравеллы» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2011. № 30 (247). С. 85—90.

(Trifonova G. S. Russian cosmism as a worldview of the artists of “Amaravella”, *South Ural State University Bulletin. Series: Social and Humanitarian Sciences*, 2011, no. 30 (247), pp. 85—90. — In Russ.)

Узикова О. В. Космизм в музыке Александра Николаевича Скрябина // Проблемы Русского космизма: материалы Международной научно-общественной конференции. Москва, 8—11 октября 2013. М.: Международный центр Рерихов, 2016. С. 242—248.

(Uzikova O. V. Cosmism in the music of Alexander Nikolayevich Scriabin, in *Problems of Russian Cosmism. Proceedings of the international scientific and public conference*. Moscow, October 8—11, 2013, Moscow, 2016, pp. 242—248. — In Russ.)

Чупахина Т. И. Музыкально-философские откровения скрябинской поэмы // Вестник Омского университета. 2009. № 2. С. 19—24.

(Chupakhina T. I. Musical and philosophical revelations of Scriabin's poem, *of Omsk University Bulletin*, 2009, no. 2, pp. 19—24. — In Russ.)

Шапошникова Л. В. Тернистый путь Красоты. М.: МЦР: Мастер-Банк, 2001. 320 с.

(Shaposhnikova L. V. *The Thorny Path of Beauty*, Moscow, 2001, 320 p. — In Russ.)

Шапошникова Л. В. Метаисторическая живопись Н. К. Рериха. М.: Международный центр Рерихов, 2013. 448 с.

(Shaposhnikova L. V. *Metahistorical painting of N. K. Roerich*, Moscow, 2013, 448 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.12.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 01.12.2025; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 17.02.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Митрофанова Стефания Андреевна — студентка, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, stefaniyavoice@gmail.com

Mitrofanova Stefania Andreevna — student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, stefaniyavoice@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Ноосферные исследования», выходящий четыре раза в год, публикует оригинальные статьи в области гуманитаристики, а также материалы, посвященные актуальным проблемам философии, истории, социологии, психологии, образования (обзоры, хронику научной жизни, рецензии). Рекомендуемый объем научной статьи 20—40 тыс. знаков с пробелами; объем обзора, хроники, рецензии 10—20 тыс. знаков). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Редакция принимает к рассмотрению ранее не публиковавшиеся материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимостью. Все присланные материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат». К публикации принимаются статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Материалы принимаются **только в электронном виде** по адресу posnoos@ivanovo.ac.ru или smirnovdg@ivanovo.ac.ru главному редактору журнала Смирнову Дмитрию Григорьевичу в формате RTF. Для аспирантов и соискателей необходим отзыв научного руководителя / консультанта (отсканированный вариант с подписью и с печатью). Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат — А4; поля: верхнее — 2,7 см, левое и правое — 4 см, нижнее — 4,6 см; гарнитура (шрифт) — Times New Roman; кегль — 11; межстрочный интервал — одинарный; абзацный отступ — 1 см.

Присылаемый материал должен содержать следующий контент:

текст статьи, где приводятся фамилия, инициалы автора, название (на русском и английском языках); аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк) и ключевые слова (не более 10) последовательно на русском и английском языках (английская аннотация должна быть содержательнее и объемнее русскоязычного аналога); текст материала и библиографический список (в выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения)¹;

приложение, которое содержит сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта); фамилию, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя), ученую степень и ученое звание, место работы и должность в транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США.

Библиографический список / References формируется по алфавитному принципу, без нумерации. Шрифт Times New Roman 10. Библиографическое описание источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества

¹ Дополнительные рекомендации: для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание (разбивка не допускается); переносы только автоматические; сноски для примечаний постраничные, ставятся автоматически; между инициалами и фамилией ставится непрерывный пробел (shift + ctrl + пробел); при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”; необходимо соблюдать пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой числовой клавиатуре) от «-» (дефиса); для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире); все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения². В References *включаются*: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; *не включаются*: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы. Основные правила таковы:

— ФИО автора транслитерируются. Для выполнения транслитерации рекомендуем использовать сайт Транслит.ру: <https://translit.ru>. Во вкладке «основной» выбрать позицию LC;

— название статьи/книги/сборника переводится на английский язык;

— название журнала приводится на английском (если у журнала нет англоязычного варианта названия, то на латинице);

— город переводится на английский язык;

— издательство не указывается;

— после описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: — In Russ. (Источники, написанные на латинице, остаются в оригинальном написании.)

Ссылки на библиографический список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (или авторов через запятую), далее (если у автора более, чем одна работа) год издания работы и, после двоеточия, страница. Например, [Вернадский] или [Смирнов 2003] или [Флоренский: 205].

Все рукописи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование. Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя / консультанта. О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте³. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору. Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций. Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну

² Примеры оформления: **монография**: Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с. (Vernadsky V. I. *Scientific thought as a planetary phenomenon*. Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.); **статья в журнале**: Смирнов Г. С. Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. Т. 3, № 1. С. 57—64. (Smirnov G. S. Noospheric picture of the world and modern education, *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, 2003, vol. 3, no. 1, pp. 57—64); **статья в сборнике**: Флоренский П. А. Храмовое действо как синтез искусств // Флоренский П. А. Избранные труды по искусству. М.: Изобразительное искусство, 1996. С. 199—215. (Florensky P. A. Temple action as a synthesis of arts, in Florensky P. A. *Selected Works on Art*, Moscow, 1996, pp. 199—215. — In Russ.)

³ При наличии отрицательной рецензии рукопись отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Не допускаются к публикации в научном журнале статьи: содержащие ранее опубликованный материал; содержащие недобросовестные заимствования; представленные без соблюдения правил оформления; авторы которых отказываются от технической доработки публикации; авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их; представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования, оригинальность постановки и решения проблемы, значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, целесообразность публикации статьи⁴. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются размером портфеля журнала, с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев. Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля. Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического или технического уровня.

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие этические правила сотрудничества редколлегии и авторов.

Для авторов: авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе; подтверждают, что материалы публикуются впервые, не представлены в другие журналы, не содержат плагиат; все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, указаны как соавторы. Авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана соответствующая ссылка.

Для редколлегии: журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики; редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов; неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов); если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента: рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументировано выражать свое мнение; рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента; рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

⁴ Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

При оформлении обложки использована
репродукция работы Ирины Владимировны Дмитриевской
«Весна»

Сетевое издание

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский научный журнал

2026. Вып. 1

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Корректор *В. А. Киселева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*

Дата размещения на сайте 31.03.2026.
Уч.-изд. л. 6,6. Объем 5,07 МБ

Издательство «Ивановский государственный университет»

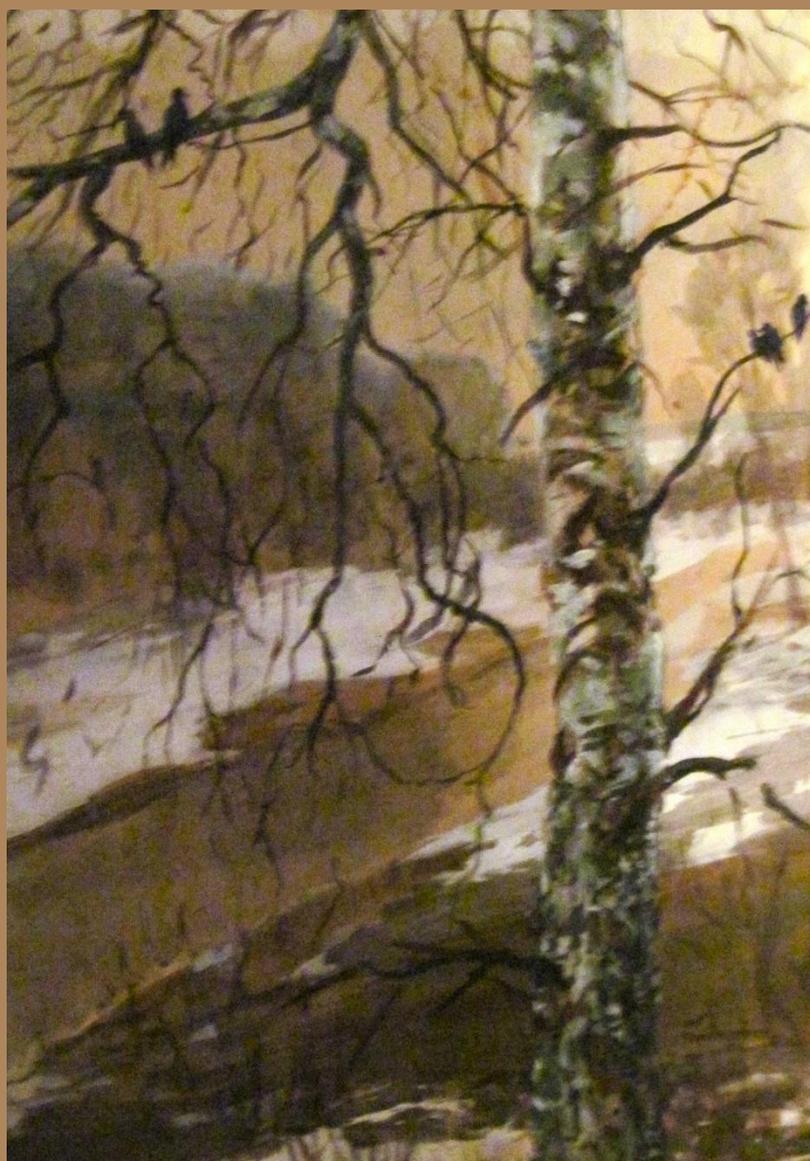
✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ISSN 2307-1966

NOOSPHERIC STUDIES

ONLINE EDITION

2026

1